

О.С.Смирнов

УХОДИЛИ МАЛЬЧИШКИ В ПАРТИЗАНЫ

О.С.Смирнов

УХОДИЛИ МАЛЬЧИШКИ В ПАРТИЗАНЫ

*Юным партизанам и партизанкам,
не вернувшимся с войны,
посвящаю*

Лениздат
1987

Смирнов О. С.

С50 Уходили мальчишки в партизаны.— Л.: Лениздат, 1987.— 144 с., ил.

В 1941 году Олег Смирнов окончил 8 классов средней школы на Псковщине, в том же году вступил в комсомол. Участвовал в партизанском движении, был бойцом 7-й Калининской партизанской бригады, потом разведчиком на фронте. После демобилизации — учеба, работа: комсомольская, партийная, инженерная.

О. С. Смирнов является автором рассказов и очерков о партизанах.

Документально-художественная повесть рассказывает о сверстниках автора — юных патриотах, шагнувших в огонь войны со школьной скамьи.

С $\frac{4702010200-063}{M171(03)-87}$ 122-87

47.2.1.2

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Олег Семенович
Смирнов

**УХОДИЛИ
МАЛЬЧИШКИ
В ПАРТИЗАНЫ**

Зав. редакцией *Л. И. Маляков*. Редактор *В. П. Краснопевцев*. Художник *И. Г. Архипов*. Художественный редактор *И. З. Семенцов*. Технический редактор *Г. Н. Белова*. Корректор *Е. В. Новосельская*

ИБ № 3628

Сдано в набор 13.08.86. Подписано к печати 26.12.86. ТЖ-00088. Формат 70×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,30+вкл 0,70. Усл. кр.-отт. 7,53. Уч.-изд. л. 6,60+0,49=7,09. Тираж 50 000 экз. Заказ № 547. Цена 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

© Лениздат, 1982

© Лениздат, 1987

НЕ РАДИ СЛАВЫ

До войны школы-десятилетки у нас в Семенове не было. Поэтому многие мои сверстники учились в средней школе в Опочке. Жили мы там на частных квартирах и раз в неделю, обычно в субботу, ходили за двадцать пять километров домой.

Этот путь проделывали не большаком через Лаптево, а напрямик, тропой, через Городищенский лес.

Там, среди вековых сосен, на высокой сопке, стояла когда-то русская сторожевая крепость Городище, воздвигнутая в XVI веке воинами Ивана Грозного. Земляные насыпные валы, въездные ворота и развалины крепостных построек до сих пор чернеют в стороне от большака, привлекая внимание любопытных путников.

На вершине почти отвесной, покрытой шапкой леса, сопки находился продолговатый старый могильник, напоминавший саркофаг. По узкой лесной тропинке мы добирались до крепостных развалин, усаживались на замшелый от времени гранитный валун, лежавший напротив могильника, и там переводили дух.

И тут наш однокашник Миша Григорьев начинал рассказывать какую-нибудь легенду, сложенную, наверное, еще во времена осады крепости войсками Батория.

Однажды Михаил поведал нам былинку о русском богатыре-воителе, стоявшем насмерть на этих рубежах. Он-то и был, по преданию, похоронен здесь, под загадочным могильным камнем.

— Витязь! Один! В изрубленной кольчуге! Весь израненный! Отбивался от сабель нападавших жолнеров, защищая этот проход возле сопки! Вон в той ложбинке всех уколошил! — восклицал Миша с жаром, показывая на круглую полянку, где, если верить легенде, проходила схватка.

— А потом? — Мы привстали с мест, зараженные его волнением. — Что было потом?

— Потом он, весь израненный, подошел к краю сопки, посмотрел на родные дали, присел на этот гранит, чтобы отдохнуть, и... умер от ран. Его похоронили в могильнике. И в память о безвестном воине, принявшем смерть без страха, на граните вырубили символ счастья — подкову.

Мы осмотрели камень. На нем действительно просматривался истертый временем отпечаток подковы.

Дальше путь лежал по шоссе. Миша, как всегда, шел впереди. Рослый, длинноногий, он отмерял большак широченными шагами с такой резвостью, что мы едва поспевали за ним.

— Ну, ты даешь! Идешь, будто циркулем дорогу отмеряешь, — в шутку сказал кто-то из нас.

С легкой руки шутника с той поры к Мише Григорьеву пристала, как приклеенная, кличка Циркуль.

Кстати, в деревнях на Псковщине почти все жители испокон имели разнообразные клички, даваемые настолько метко, что многие из них переходили в родовые фамилии.

* * *

В сорок первом году мы заканчивали восьмой класс средней школы.

Ранней весной в Опочку стали прибывать воинские части, в том числе и танковые. Танки проходили по городу чаще по ночам, сотрясая грохотом деревянные домишки.

У нас в школе для старшеклассников ввели военную подготовку. Мы старательно наводили в цель пулемет «РПД», бегали с носилками, унося с «поля боя» «раненых».

Военрук на занятиях ставил нам Циркуля в пример. Он считал его лучшим стрелком и метателем гранат, а на военных играх всякий раз назначал Григорьева командиром разведгруппы.

Всерьез о войне никто из нас не думал. Мы жили под впечатлением освободительного похода наших войск в Западную Белоруссию и Западную Украину.

А потом финские события.

Штурм «линии Маннергейма», бои на Карельском перешейке и Медвежьегорском направлении, в которых участвовала дивизия, сформированная в Опочке, вызвали особый интерес. Ведь отцы, старшие братья и просто знакомые многих учеников нашей школы осенью тридцать девятого года были призваны в ее полки.

После окончания финской кампании, летом сорокового, они вернулись домой. Их захватывающие рассказы о тяжелейших боевых схватках в снегах Финляндии мы слушали с раскрытыми ртами.

К тому времени гитлеровцы уже вторглись на Балканы. Фашистские танки громыхали по площадям Афин, а солдаты в кованых сапожищах позировали перед кинокамерами на фоне развевающегося над Акрополем полотнища со свастикой. Воздушно-десантные части вермахта захватили остров Крит. Новоявленные небелунги нежились на средиземноморских пляжах. На очереди была Югославия. Гитлеровцы топали по Европе под фанфарный вой.

А отпускник из Либавы, наш с Циркулем сосед по квартире, служивший на линейном корабле зенитчиком, уверял, что их батарея уже не раз и не два стреляла по германским самолетам-разведчикам, пролетавшим над акваторией порта.

— Фриц прямо нахально лезет! — утверждал моряк. Но на эти сообщения никто не обращал внимания. Мы были уверены в мощи и боевой готовности нашей армии.

Весной на переводных экзаменах по литературе Циркуль, к нашему удивлению, провалился. Он написал на единицу «Образ Печорина», и ему была назначена переекзаменовка на осень.

Но пересдача экзамена не состоялась. Началась война, которая подвела черту под беззаботной порой нашего отрочества.

Теперь надо было держать другой, несравнимо более трудный экзамен...

По дорогам уже нескончаемым потоком тянулись вереницы обозов с беженцами из Прибалтики и западной Псковщины. Отходили в тыл вышедшие из боя разрозненные группы бойцов.

Настроение у всех было подавленное. В небе с надсадным ревом неслись на восток косяки тяжелых самолетов с черными крестами на фюзеляжах и крыльях.

Циркуль, Николай Павлов и я сидели на тесовом крыльце деревенского клуба и с болью наблюдали, как девятка «хейнкелей», делая заход за заходом, безнаказанно бомбили станцию Вошагино на железнодорожной ветке Опочка — Псков. — *Пушкинские горы, Рудаки, Сергино, Воронцово-Соснинское*

Миша был собран и спокоен. На его белой рубашке блестел новенький комсомольский значок.

— Что думаешь дальше делать? — спросил я, обращаясь к нему.

— Все будет зависеть от военной обстановки. Если войскам удастся задержать немцев под Опочкой, пойду работать и буду ждать, когда зачислят добровольцем в армию...

— Ну, в шестнадцать лет при любой обстановке на фронт не отправят и в училище не возьмут, — возразил Павлов.

— Там будет видно. Во всяком случае, в стороне не останусь.

Мы не сомневались, что он-то уж в стороне не останется. Миша уже был зачислен в истребительный отряд, охранял мосты, нес дежурство в поселке. Один раз вместе с бойцами даже лес прочесывал. Правда, никого не поймали.

— А что решил ты? — спросил он меня.

— Будем двигаться на восток...

Мы помолчали.

Размеры бедствия, постигшего страну, стали уже реально ощутимы даже для нас, школьников. Нам и во сне не снилось, что немцы за две недели дойдут до Себежа и Опочки и будут с такой наглостью хозяйничать в нашем небе.

— Но каков бы ни был исход боев, — продолжал Миша, — мы победим! И будем в Берлине! Вспомните Семилетнюю войну... Тогда фельдмаршалу Салтыкову на золотой тарелочке преподнесли ключи от Берлина. Ведь так?

— Так-то оно так, но сейчас не та война, — возразил Павлов. — И пока не мы под Берлином, а они под Себежем и прут сюда.

— Вот увидите. Татарское иго не повторится, нового Чингисхана на нашей земле не будет!

На этот раз Павлов не стал возражать.

Я посмотрел на Циркуля. Непреклонная решимость была написана на его бледном возбужденном лице. Большие задумчивые глаза смотрели строго. Передо мной сидел совсем молодой человек, почти мальчик, но с четкими суждениями, понимающий не только драматизм положения, но и реальную перспективу борьбы против сильного и жестокого врага.

На третий день после нашей встречи гитлеровцы подошли к Опочке. Наспех уложив пожитки на повозки, жители окрестных деревень двинулись на восток,

Обозы растянулись на несколько километров. Циркуль с деревенскими ребятами гнали колхозное стадо. Фашистские воздушные разведчики барражировали над головами.

Перед Кудеверью рота самокатчиков немецкого мотополка перекрыла шоссе... Путь в глубь страны оказался закрытым.

Псковщина была оккупирована фашистами, но не покорена. Начав с молчаливого сопротивления, стихийного саботажа и отдельных диверсий, народ поднимался на открытую вооруженную борьбу против устроителей «нового порядка».

В семнадцать лет Михаил Григорьев стал бойцом нашего отряда имени Суворова 7-й Калининской партизанской бригады.

В отряде находились уже многие ребята из-под Опочки, добрая половина из них — вчерашние ученики старших классов средних и семилетних школ, а теперь отчаянные, неунывающие парни — бойцы партизанских молодежных подразделений.

Среди них были Евгений Егоров, выпускник средней школы № 2; Василий Семенов, студент Опочецкого педагогического училища; Николай Павлов, двоюродный брат и одноклассник Циркуля, командир партизанской группы.

В кругу друзей и близких знакомых осваивались легко, партизанскую науку постигали быстро. Мы по-прежнему дружили с Мишей Григорьевым, хотя и были в разных взводах. Наша дружба продолжалась вплоть до его ухода на задание в начале сентября сорок третьего года.

Тогда с группой разведчиков и подрывников Циркуль ушел в дальний поиск северо-восточнее Опочки, за реку Великую. Еще весной партизанское командование планировало провести здесь серию диверсий и нарушить движение вражеского автотранспорта, перевозившего из

тыловых арсеналов группы армий «Север» боеприпасы и снаряжение для частей и соединений 16-й немецкой армии, действовавшей против войск Волховского фронта.

— Жди привета из родных мест! К ноябрьским вернемся! До встречи! — И Циркуль помахал мне рукой на прощание.

Путь был нелегким. Ребятам предстояло пройти по вражеским тылам более сотни километров, с огромным риском проскользнуть между дзотами вдоль железной дороги Рига — Новосokolьники, пересечь усиленно охраняемое шоссе Ленинград — Киев, переправиться через Великую, миновать гарнизоны карателей и засады.

В намеченный срок, преодолев все тяготы маршрута, партизанская группа пришла под Опочку.

Многие бойцы были родом из здешних сел и хорошо знали местность. Определив наиболее удобные для разведки и диверсий участки шоссе, они отыскали скрытые подходы к ним и немедленно приступили к делу.

Устроившись на сеновале стоявшего у леса сарая, разведчики наблюдали за передвижением гитлеровцев.

Наблюдательный пункт не вызывал подозрений, а с сеновала все было видно как на ладони, четко просматривались даже номерные и опознавательные знаки проходивших машин.

Пришло время действовать. Одну из боевых троек возглавил Циркуль. Ему вместе с Василием Семеновым и Евгением Егоровым поручили заминировать участок Новоржевского шоссе у Дуплевского моста.

Был конец сентября. Ночи стали темными и длинными, и движение на дорогах замирало. Этим и воспользовались ребята. В полночь они вышли к Новоржевскому тракту между поселками Лаптево и Болготово, где расположились охранные подразделения гитлеровцев. Лаптевский гарнизон держал под прицелом действующее шоссе и отходящий от него Старицкий боль-

шак, а в Болготове фашисты стерегли маслозавод и Кудеверский тракт.

Первым вышел на шоссе Григорьев. Лаптево было рядом. Осмотревшись и не заметив ничего подозрительного, он сделал условный знак товарищам.

Евгений Егоров пошел в охранение. Циркуль с Василием Семеновым ощупью выбрали место для мины на середине колеи и начали рыть ячейку, аккуратно откалывая куски утрамбованного грунта. Под тесаки то и дело попадалась крупная галька. Чтобы не оставить на проезжей части следов свежей земли, откопанный грунт пришлось кепками относить на другую сторону насыпи.

Стоявший поодаль Егоров наблюдал за дорогой со стороны гарнизона, готовый в любую секунду предупредить ребят об опасности и прикрыть их огнем. Случайно он наткнулся на лежавший в кювете продолговатый предмет. Присмотревшись, разглядел снаряд от вражеской пушки, видимо оставшийся здесь после боев на шоссе в сорок первом году. «Годится!» — мелькнула мысль.

С трудом подняв находку, он понес ее к минерам, которые заканчивали укладку взрывчатки.

— Здорово! Как раз кстати! — обрадовался Егоров и опустил снаряд в ячейку, рядом с толом.

— Порядок! Засыпай! — одобрил Циркуль.

На следующий день рано утром по шоссе мчался черный «хорьх». Проскочив без остановки Лаптево, он пронесся дальше. Как выяснилось потом, офицеры опочечкой фельдкомендатуры в сопровождении автоматчиков спозаранку ехали инспектировать подчиненный им болготовский гарнизон.

Миновав Лаптево, машина прибавила ходу. Утро выдалось свежее, на рассвете прошел небольшой дождик. Офицеры поеживались от знобкого ветра.

Оглушительный взрыв потряс окрестности, разбудив

жителей Лаптева. За деревней поднялся черно-белый султан песка и дыма.

Завыли сирены. Гитлеровцы схватились за оружие. Прибыв к месту происшествия, они обнаружили у дымящейся воронки искореженный «хорьх».

Тройка Циркуля открыла счет мести оккупантам.

Неделю спустя Григорьев вместе с Семеновым и Егоровым целый день пролежали в кустарнике, наблюдая за сменой караулов в Лаптеве. А в полночь проникли на окраину гарнизона и устроили ночной переполох. Минами замедленного действия взорвали технику немецкой саперной части, работавшей на сооружении пресловутой оборонительной линии «Пантера».

...Свободное время у партизан исчислялось минутами. В такой момент ребята любили помечтать, молодость брала свое.

В один из холодных октябрьских дней, согреваясь у лесного костра, Циркуль с Семеновым вели задумчивый разговор о будущем и о месте человека в жизни.

— Ценность человека, как я понимаю, — рассуждал Циркуль, — не только в том, чтобы быть мастером своего дела. Не менее важно в жизни быть добрым, справедливым. По-моему, из плохого человека вряд ли получится хороший труженик, тем более хороший воин.

— Сгущаешь краски, преувеличиваешь, — возразил Семенов.

— Нет, не сгущаю. На подлеца, как и на труса, надежды мало. Не так ли? Ну, давай опровергай!

Семенов смолчал.

— Что касается будущей специальности, — продолжал Циркуль, — то я решил стать строителем. Строить дороги, автострады. Без них ведь не обойтись. Закончу десятилетку, попробую сдать экзамены в институт. Обидно, ведь порой взрываем то, что после самим же восстанавливать. Ну хотя бы тот же Андроновский мост. Жалко. Отец же его строил!

— Ты математик, тебе суждено стать инженером. А я буду обучать детишек русскому языку. Без нашего брата тоже не обойтись, товарищ инженер! — шутливо ответил Семенов.

...Засаду устроили на шоссе у деревни Дупли.

Подожгли два крытых грузовика, нагруженных амуницией. В завязавшейся схватке трое гитлеровцев из охраны были схвачены живыми. Среди них оказалось двое раненых.

— Постой! Давай перевяжем фрицев, — нахмурившись, буркнул Циркуль.

Пока они с Семеновым накладывали повязки раненым немцам, Егоров и остальные парни выкидывали из фургонов несколько не успевших загореться тюков с обмундированием.

— Михаил! Чего стоишь? Лови! Это же трофеи! Едrena лапти! — весело покрикивал Евгений, бросая Циркулью сначала офицерский френч, а потом яловые сапоги.

— Фрицевский китель мне ни к чему. А сапоги возьми себе, — ответил Циркуль, поглядывая на свои рыжие истоптанные ботинки и потертый пиджак.

Действия партизан не остались незамеченными фашистским командованием. Каратели стали прочесывать местность, устраивать засады на дорогах и лесных тропах, стараясь напасть на их след. Зная местность и пользуясь поддержкой жителей, группа удачно уходила от преследования.

Выполнив задание, в начале ноября ребята направлялись в расположение своей бригады, за реку Великую. Но к этому времени общая военная обстановка резко изменилась. Наши войска заняли Локню, Невель, вплотную подошли к Пустошке. Здесь густо расположились части первого эшелона гитлеровцев. Одни партизанские отряды отошли с боями в Россонские леса, другие продолжали действовать в западных районах Псковщины.

Группе Циркуля не удалось соединиться с бригадой, она возвратилась под Опочку, где влилась во вновь сформированный отряд Бородулина и вошла в состав 3-й Калининской партизанской бригады.

Бородулин назначил Григорьева командиром отделения разведки.

В марте сорок четвертого разведчикам было приказано уточнить численность и дислокацию гарнизонов противника в Глубоком и Пустыньках. Задание было срочным. Гитлеровцы готовили новую карательную акцию. В близлежащие деревни уже начали прибывать регулярные части вермахта.

Партизан было четверо. Под вечер в розвальнях они выехали на задание. В поле крутил буран, снег слепил глаза. Быстро смеркалось, в белой мгле трудно было что-либо различить.

Чтобы не сбиться с пути, часто останавливались и проверяли, где зимник.

— Ну и погодка, как по заказу, — сказал шестнадцатилетний Большаков.

— Смотря для кого, — откликнулся Григорьев.

— Конечно же для нас! Фрицы сейчас сидят себе по избам и носу не кажут! — возразил юноша.

— Напрасно так думаешь, зондеркоманды именно в такую погоду и рыщут. Так что смотри в оба...

Не успел Григорьев закончить, как впереди в снежной пелене показалась лошадь, запряженная в сани, за ней другая, третья — целый обоз. Люди в белых халатах спрыгнули на снег и залегли за санями. Сомнений не оставалось — каратели.

Поворачивать назад было поздно.

— Большаков, быстро в отряд! Доложи: по дороге движется колонна карателей! — приказал Григорьев. — Мы пока их задержим. Остальным — в снег! Держаться до последнего!

Загремели выстрелы. Лежа в снегу, Михаил вторым выстрелом сразил переднюю лошадь, та упала, преградив путь всему обозу.

— Теперь попробуйте объехать по целине повозку! — процедил сквозь зубы Михаил, беря на прицел лежавшего возле саней фашиста.

Разведчики отстреливались, не давая гитлеровцам развернуться. Еще две лошади были убиты. Но три партизана на расстоянии тридцати метров даже при снежной выюге были для карателей хорошей мишенью.

— Ребята, держитесь! — крикнул Григорьев и вдруг почувствовал, что его словно поленом ударили по ноге. В валенке стало горячо и липко, тупая боль поползла по голени.

Умолк карабин соседа справа. Григорьев взглянул — боец лежал, уткнувшись лицом в снег.

Потом вскрикнул и перестал стрелять разведчик, лежавший у саней.

— Живым не возьмете, сволочи! — прохрипел Михаил и достал гранату. Но в этот момент резкая боль пронзила тело сразу в нескольких местах и он потерял сознание.

...Очнувшись, увидел, что лежит на соломе в крестьянской избе. Вдоль стен широкие лавки, под образами горит лампадка, у печи деревянный топчан.

Все плыло перед глазами, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

Открылась дверь. В комнату вошли пятеро. Старший, в шинели с меховым воротником, приказал, чтобы партизана подняли с пола и положили на топчан.

— Теперь ты должен скажйт мне, — начал он, поигрывая стеклом и коверкая русские слова, — кто ты ест? Как тебя звайт? Где ест твоя дом? Кто ест твоя командир? Где твой банда?

Циркуль не отвечал.

— Отвечайт! — Гестаповец побагровел. — Швайн! Бандитен!

Раненый не проронил ни звука.

— Хельмут! Поговори с ним! — Офицер кивнул в сторону раненого.

Рослый ефрейтор мигом скинул шинель, закатал рукава мундира и подскочил к Михаилу. Цепко ухватив перебитую руку парня, начал выкручивать ее из плеча, раскромсав автоматной очередью. Захрустели суставы. Полилась кровь. Невыносимая боль обожгла тело.

— Хельмут! Энергичнее! Будь мужчиной! Покажи класс, черт побери! — осатанело кричал офицер.

Вскочив на топчан, он стал с остервенением бить Григорьева кованым сапогом в живот, в голову, в грудь.

Партизан молчал. Гитлеровцы продолжали изощряться друг перед другом в своем злодейском «мастерстве». Офицер наступил сапогом на лицо раненому. Циркуль потерял сознание.

— Придет в себя — повторить, — процедил офицер.

Когда сознание Михаила прояснилось, немцев в избе уже не было. Тихо открылась дверь, в комнату вошла пожилая крестьянка, хозяйка дома, слышавшая в соседней комнате «допрос», и склонилась над ним.

— Может, пить хочешь? — спросила она.

Циркуль отрицательно покачал головой.

— Как они тебя изуродовали... — всхлипывая, шептала крестьянка, обтирая сгустки крови с его лица. — Скажи: откуда ты и чей? Наверно, наш, опочецкий? Не бойся, не выдам.

Раненый пристально посмотрел в лицо женщине. Его глаза выражали нечеловеческую муку.

Он понимал: жизнь уходит от него. Через час или два он никогда больше не увидит ни серого мартовского

неба в окне, ни товарищей по оружию, ведущих бой с карателями. Не увидит мать, школьных друзей...

Он вспомнил, что так, как эта женщина, наклонялась к нему когда-то мать, в сенокосную пору рано будившая его по утрам. «Миша, вставай, родной, снеси отцу завтрак на покос», — говорила мать, нежно поглаживая его светлые волосы.

Он вскакивал и бежал по росе с узелком в руке на Приреченские луга.

«Примчался! — радостно встречал его отец. — Видишь, сколько повалил! — показывал он сыну длинные валы свежескошенной травы. — К обеду закончу. А ну-ка возьми косу! Покажи отцу, как умеешь!» — приговаривал он, приступая к завтраку.

И отец с улыбкой наблюдал, как сын проходил прокос за прокосом...

— Где я? — спросил Михаил слабым голосом.

— В Глубоком, дорогой...

Напрягая последние силы, он сказал:

— Когда умру, передай нашим, что я был честным до конца. Передай, что я из Семенова. — И он назвал фамилию отца.

— Матка, взг! — заревели ввалившиеся в избу пьяные палачи.

— На снег его! Налейте воду в ведра! Устройте ему холодный душ! — приказал офицер. — Надо из него выжать все, что можно! Развяжите ему язык!

Пытки и истязания продолжались до глубокой ночи. Фашисты замучили юного партизана, так и не услышав от него ни единого слова.

Хозяйка дома выполнила свое обещание: она сообщила матери, как погиб и где похоронен ее сын. Ночью мать поехала в Глубокое, раскопала могилу и привезла тело Михаила домой. На другой день жители деревни — стар и млад — проводили Циркуля в последний путь, на местный погост.

ИСПЫТАНИЕ БОЕМ

Осенью 1943 года части нашей армии вели успешные наступательные бои на Полоцком и Невельском направлениях. Главной задачей партизанских соединений, действовавших в тылу вражеских войск на этих направлениях, была дезорганизация тыла гитлеровцев, в первую очередь уничтожение опорных гарнизонов противника.

Для атаки были намечены гарнизоны Дутчино и Стайки, находившиеся на большаках в шести километрах друг от друга и прикрывавшие невельский узел обороны с запада.

Уничтожить эти гарнизоны должны были наша 7-я и 1-я Калининские партизанские бригады. 7-й бригаде было приказано разгромить гарнизон в Дутчине, а 1-й — в Стайках.

В то время 7-я бригада занимала оборону на рубежах Братского партизанского края по реке Нище на юге Псковщины. Братский партизанский край охватывал частично Идрицкий и Себежский районы, расположенные южнее железной дороги Новосokolьники — Рига, полностью Освейский и Россонский районы Белоруссии; на западе его рубежом была бывшая государственная граница с Латвией, на юге — река Дрисса.

Бригадой командовал бывший начальник ее штаба Д. А. Козлов, заменивший погибшего комбрига Задерина. С именем Задерина были связаны история партизанского соединения, его военный путь и судьбы людей, с которыми он создавал бригаду и воевал с первого дня ее организации.

С ним они в марте сорок третьего рвали мосты на «железке» Новосokolьники — Резекне, в июне ходили на Малюзино. Вместе форсировали Великую.

Не забыли, как комбриг ранней зорькой шел рядом с ними по горло в воде на крутой вражеский берег, неся

автомат над головой. Выбравшись на песчаный откос, залегли, а потом рванулись в атаку. Ворвались в гарнизон. Многие из гитлеровских вояк погибли или были взяты в плен, остальные бежали в Опочку.

В начале августа Задерин вывел бригаду на полотно железной дороги между Пустошкой и Идрицей и начал «рельсовую войну». На полотне остались исковерканные рельсы. Магистраль была парализована. Фашистам пришлось поставить вдоль всей линии гарнизона и зарыться в землю.

Под руководством Задерина бригада стала боееспособным партизанским соединением.

Тяжело переживали бойцы и командиры печальную весть о безвременной гибели командира. Но впереди было еще много месяцев войны...

Комиссаром бригады был Федор Петрович Гринев. В прошлом опытный партийный работник, он был направлен на политическую работу в партизанское соединение Куныинским райкомом партия Калининской области. Гринев руководил партийно-политической работой в бригаде вплоть до ее расформирования под Идрицей. Благодаря стараниям Федора Петровича Гринева и бригадных политработников партийная организация за полтора года выросла более чем втрое.

К Дутчину бригада шла ускоренным маршем. Чтобы не привлекать внимание воздушной разведки противника, двигались двумя колоннами по параллельным дорогам и только ночью.

Наш отряд входил в южную колонну, которая должна была соединиться в районе переправы с северной.

Рядом со мной шагал мой первый номер Петр Якушенков, которого в отряде ласково называли Петей. Жилыстый, в сапогах с узкими длинными голенищами и надетой на затылок фуражке с лопнувшим посередине козырьком, он напоминал задиристого деревенского щеголя.

— Ну, как жизнь партизанская? — спросил Петя, показывая на висевшие по бокам ящики с патронными лентами и на карабин, который я нес стволом вниз.

А сам, в немецком офицерском плаще нараспашку, с пулеметом на плече, отмерял истоптанный проселок своими саженными шагами с такой резвостью, что только полы плаща раздувались. Казалось, он не знал усталости.

Я промолчал. Было не до ответов. Пот лил с меня градом, ремни зарядных ящичков нещадно резали плечи.

— Веселей! — подзадоривал Петя. — Держи фасон! Партизана, сам знаешь, ноги кормят. Опоздал к обеду — и вся служба боком. Понял?

— В нашем партизанском деле главное — всегда и всюду поспевать вовремя. А знаешь, почему я взял тебя к себе вторым номером? — не умолкал Якушенков.

— Потому что никто не хотел носить этот милый ящик и бегать за тобой рысью! — в сердцах резанул я.

— Совсем не поэтому!

— А почему же?

Мне вдруг захотелось узнать, почему Петя, признанный в отряде пулеметчик, выбрал меня на место своего погибшего второго номера, и я прибавил шагу.

— Да потому, что парень ты безропотный, безотказный, — ответил он.

— Только за это? — обидчиво переспросил я.

— Этого с тебя хватит! Я старый волк, еще весной сорок второго года под Великими Луками в тыл к немцам ходил. С первого дня в отряде, слава богу, за это время всего повидал. Когда ваша братия пришла в отряд, гляжу, бог ты мой, дети малые. Как воевать будем? Потом ничего, пообвыклись, фрицев перестали бояться. А теперь, видишь, даже в помощники тебя взял, надеюсь, не подведешь.

«Цену набивает, — подумал я. — Артист!»

— Тебя я заметил, помнишь, когда укрытия от самолетов рыли. Работал ты старательно, аккуратно, а такие на войне как раз и нужны. Война — это, братец мой, тоже работа. Ты мне понравился, и я попросил командира отряда перевести тебя ко мне, — говорил он.

Уже после войны, на встрече партизан нашего отряда, мы вспоминали: неделю спустя после моего вступления в новую должность — помощником к Якушенкову — немецкие самолеты нанесли ранним утром внезапный бомбовый удар по Жоглину. Спасло нас то, что укрытия были уже отрыты. Тогда наш расчет занял специальную позицию, подготовленную на случай отражения воздушных атак противника, оборудованную так называемой турелью. А на деле это было снятое с обозной повозки колесо, его установили на вбитый в землю резиновый кол возле вырытого за сараем окопа.

Противовоздушная оборона вступила в бой.

С другого конца деревни подавало голос противотанковое ружье, установленное на турели такой же конструкции. Это комсорг Малашонок и бронебойщик Залятила стреляли по «хейнкелям».

Отражали воздушную атаку и другие расчеты.

Петя держался смело. Стоя у турели во весь свой почти двухметровый рост, он с упоением выпускал из пулемета очередь за очередью по обнаглевшим «хейнкелям», летавшим чуть ли не вровень с крышами деревенских домиков, да еще покрикивал на меня: «Не мешкай! Поторапливайся», хотя делал я, как мне казалось, все вовремя, даже подсказал ему, куда удобнее переставить пулемет, и, получив одобрение, быстро помог это сделать.

Но когда один из «хейнкелей» внезапно вывалил близ окопа из своего чрева около десятка бомб и от взрывов земля ходуном заходила — в воздух полетели, как фанерные, бревенчатые стены сарая, а турель как

ветром сдуло, — даже Петя сник, куда весь форс девался. «Быстро в окоп!» — заорал он.

Но налет не остался безнаказанным для гитлеровских асов. После штурмовки Жоглина один из бомбивших нас стервятников перед заходом на посадку в Идрице рухнул на землю и разбился вдребезги.

Агентурщики сообщили, что самолет весь был изрешечен пулями. Может, и наша с Петей доля в этом была...

А сейчас я еле передвигал ноги.

— Спасибо за оказанную честь! — ответил я, почти задыхаясь.

Ничего не сказав, Петя поравнялся со мной, молча снял с меня патронный ящик, повесил себе на плечо и так же молча зашагал дальше.

Мы шли цепочкой пыльным проселком мимо позолоченных осенью перелесков и убранных полей, уже тронутых первыми заморозками. Справа за кустами блеснула полоска водной глади. Колонна остановилась.

— Привал! — передали по цепочке.

Я пластом свалился на припудренную инеем землю. Голова гудела, отяжелевшие, словно свинцом налитые ноги ныли, все тело ломало. Положив карабин под голову, закрыл глаза... И вдруг ясно представил себе мать.

«Мама, где ты сейчас? Может быть, тебя уже нет в живых? А может, и меня не станет в этом бою? Кто-то должен умереть. Война есть война... Мы пулеметчики. А ночью огонь пулемета ох как хорошо виден, вот и будем первыми пули да мины ловить. Нашла же вражеская пуля Петиного второго номера под Малюзином, да и его самого полоснуло осколком, до сих пор с забинтованной шеей ходит. Если бы ты знала, мама, как я устал...» И открыл глаза.

Яркие холодные звезды безучастно смотрели на уснувшую землю.

Справа от меня, по-детски свернувшись калачиком, пристроился Коля Минин — мой ровесник и одноклассник. С ним мы учились вместе с первого класса. Светловолосый, невысокого роста, всегда подвижный, но часто стенько взгрустнет — воспитывался-то он без родителей: мать рано умерла, а отец уехал, оставив сына на попечение тетки.

Придя в отряд, Коля любил возиться со своим карабином, он у него всегда блестел как новенький. Очень переживал, если взвод уходил на задание, а его посылали в караул.

Дальше в самых разнообразных позах расположились бойцы. Никто не курил и не разговаривал. Клонило ко сну. Я опять закрыл глаза.

Вдруг, вроде бы наяву, появилась одноклассница Нюрка. Ее всегда озорные глаза на этот раз были серьезны, как в последнюю нашу встречу... «После войны мы обязательно встретимся и пойдем в нашу школу на вечер. Помнишь, как танцевали на Новый год?» — сказала она тогда.

«Была школа, был вечер с танцами, было беззаботное детство, а теперь... пулемет, патронные ленты... и впереди бой... Как быстро все меняется! И вряд ли мы когда-нибудь увидимся, Нюра!» — думал я.

— Вставай! — тряс меня за плечо Якушенков. — Вздремнул — и хватит. Пошли. Наши уже переправляются.

Деревянные мостки были узкими и скользкими, мы двигались на ощупь с большой осторожностью, передавая друг другу шесты.

Шедший за мной партизан лет тридцати восьми по имени Иван Иванович вдруг замысловато взмахнул шестом, словно внезапно испуганная птица крыльями, и бултыхнулся в черную гладь.

К счастью, недалеко был берег, и Иван Иванович, отфыркиваясь, благополучно вылез из воды. Он пытался

на ходу открыть залепленный песком затвор карабина, который скрежетал, словно его драили наждаком.

— Ты его песком чистишь, что ли? — съязвил стоявший возле переправы командир взвода Карцель.

Километрах в трех за переправой отряды остановились в молодом сосновом лесу, в котором пахло смолой и сыростью.

Комбрига и начальника штаба окружили командиры отрядов: давались последние указания, уточнялись задачи. Мы тихо переговаривались, курили. Спать уже не хотелось.

Затем на небольшой, усыпанной хвоей полянке Козлов стал инструктировать сводную штурмовую группу гранатометчиков и автоматчиков.

— В окна гранатами... — доносились обрывки его голоса, — автоматчики впереди... и прикрывают огнем.

— Не медлите, сразу же прорывайтесь к постройкам и вот так... — показывал он, как лучше метать гранаты. — Ночью прицельного огня бояться нечего, старайтесь держаться ближе к избам и не давайте гитлеровцам опомниться...

Уверенность чувствовалась не только в движениях и голосе комбрига, но и во всей его ладной фигуре.

Я больше уже не думал о близкой смерти. Предстоящая картина боя, нарисованная Козловым, захватила меня, усталость как рукой сняло.

Неподалеку на выкорчеванном пне сидел боец из штурмовой группы и внимательно наблюдал за Козловым. То был мой земляк Сорокин, уроженец деревни Сорокино, где по ее названию почти все жители носили одну и ту же фамилию.

До войны с ним встречаться не приходилось, познакомились в бригаде. О нем говорили: «Парень сумасшедшей смелости и необычайной смекалки». Самые рискованные задания поручались ему. В штурмовую группу Сорокин попросился сам.

— Не горюй, земляк, живы будем — не умрем! — сказал я, стараясь подбодрить чем-то озабоченного Сорокина.

— А я и не горюю, — затыгиваясь самокруткой, ответил тот. — Вот сегодня этой штукой как врежу фрицу промеж глаз. — И потряс в руке, будто взвешивая, связку из трех «лимонок». — Будет гад помнить Сорокина! — Он хлопнул меня по плечу и побежал к своей группе, которая уже строилась.

Ко мне подсел Минин.

— Как полагаешь, заминки не получится? — спросил, желая узнать его мнение.

— О чем речь? — удивился он. — Дадим фрицам жару! Вот увидишь!

Я пошел к своему взводу.

— Где ты шляешься? — напустился на меня Якушенков, недовольный моей отлучкой.

Возле Пети собралась группа бойцов, они о чем-то оживленно разговаривали. Всех волновала задержка бригады в лесу. Атака была назначена на час ночи, а сейчас было без малого три.

— Чего сидим? — недоумевающе спросил бронбойщик Залятила, опершись на ствол своего длинного ружья. — Не получилось бы так, как под Идрицей.

Партизаны еще не успели забыть ту осечку.

Месяц назад мы сидели в засаде на «железке», охотясь на воинский состав.

Тогда Залятила не промахнулся: так врезал с пригорка по паровозу из этого самого ружья, что тот после третьего выстрела взревел, дернулся и замер.

Но и охранная команда не дремала. Танки на платформах изрыгнули огонь. Сразу стало неуютно. Пули и осколки косили кустарник. Пришлось отходить. А эшелон красовался на насыпи целехоньким. Досадно! Прощай трофей...

— Не хотим фрицам субботний вечер портить, поэтому и сидим,— с иронией бросил Петя.

— Говорят, они вчера две машины продуктов привезли,— доверительно сообщил старшина хоззвода.

— Уже небось повозки подготовил? А не рановато ли? — подзадорил старшину Петя. — Ну и нюх же у тебя! Трофеи за версту чуешь, как старый лис петушатину!

— Будешь чують, когда полторы сотни таких, как ты, молодцов накормить надо да обуть и одеть... А я не Христос, чудес творить не умею. Тот, если верить легенде, мог одним хлебом целую ораву прокормить. А я — нет! Не могу! Обед-то каждый день требуешь, да еще не один раз тебе его подавай. А где взять? Теперь понял, откуда у меня чутье берется? — осадил старшина Петю.

Тот виновато смолк.

— Наверное, сейчас шнапс пьют, сволочи,— опять завелся старшина.

— Говорят, Ивлев с разведчиками за «языком» пошел,— подал кто-то голос из темноты,— потому и загораем тут.

— Да они уже вернулись,— объявил подошедший Иван Иванович.

— Ну что, взяли?

— Взяли на дороге... крестьянина, из гарнизона верхом на коне ехал. Говорит, перед покровом в соседнюю деревню вроде за аппаратом к родственникам ездил,— рассуждал Иван Иванович, выкручивая намокший пиджак.— Может, оно и так... Эх, сейчас бы грамм триста... Продрог до костей, аж зуб на зуб не попадает.

— Что говорить! Заморозки... Вода-то, должно быть, совсем ледяная... — посочувствовал старшина.

— Что, этого гостя из гарнизона прямо с конем сюда и привели? — полюбопытствовал Залятила.

— Не бросать же конягу на дороге. Думай! А с мужиком сейчас начальник штаба толкует,— многозначительно добавил Иван Иванович.

— Видать, мужик — прохиндей! — вмешался в разговор до того молчавший автоматчик Ефименок. — Не нашел другой поры, как за полночь к родственникам ехать. Лазутчик он! И брешет как сивый мерин! Какой тебе сейчас покров? Беда кругом. А он, вишь ты, в самую глушь за аппаратом... Сказки рассказывает, а вы уши развесили.

— Не иначе как для гарнизонных полицаев старается,— заметил кто-то. — Наверно, почуяли, что мы близко, вот и направили разнюхать...

— Все может быть! Разберутся. На то начальство есть,— рассудил Залятила.

— Ивлев говорил, что мужик рассказывал, будто фрицы укрепились в деревне здорово, кругом в рост оплетенные траншеи, дзоты, пулеметы, четыре пушки... — продолжал голос из темноты.

— Становись! — раздалась долгожданная команда.

Бригада пошла на исходные позиции.

Наш отряд наступал в лоб, вдоль главной дороги. Отряды Селиверстова и Чеснокова заходили с флангов и тыла, остальные залегли в засаде на шоссе, на случай подхода вражеских подкреплений со стороны Невеля. Выйдя из леса на большак, мы увидели очертания дворов.

Гарнизон был рядом. Пропустив вперед штурмовую группу, отряд залег по обе стороны дороги, на скате холма, изготовясь к броску.

В гарнизоне было тихо, только в предрассветной тишине, словно стараясь перекричать друг друга, звонко перекликались деревенские петухи да слышался какой-то странный скрип.

Мы ползком стали подбираться к немецким траншеям.

Было около четырех часов утра. Забрезжил рассвет. На косогоре все яснее и яснее различались поставленные поперек дороги рогатки и растянутая вдоль траншеи спираль Бруно — проволочные заграждения.

Неожиданно заработал вражеский пулемет, несколько ракет повисло над головами. Стало ясно: гитлеровцы нас обнаружили. Внезапной атаки не получилось, предстоял нелегкий бой.

К пулеметным очередям прибавились автоматные. Все слилось в единый шум. Огонь прижал партизан к земле. Вокруг свистели и лопались разрывные пули. Было такое ощущение, будто где-то рядом — спереди, сзади — тыкали в воду раскаленные шилья. Казалось, этому не будет конца. Единственное, чего хотелось, — еще крепче прижаться к земле.

«Вот тебе и разведка!» — пронеслось в голове.

— Якушенков, по пулемету! — приказал командир отряда Булыгин.

Якушенков быстро развернул пулемет в сторону вспышек.

— Ленту, живее!

Поставив ящик на уровне замка, я открыл крышку и как можно старательнее вложил ленту в приемник. Петя захлопнул крышку. Сноп огня вырвался из ствола и прорезал темень. Пулемет заработал глуховато и уверенно — трассирующие нити потянулись к вспышкам.

Петя нащупал вражескую огневую точку. Вся его длинная, нескладная фигура в этот момент слилась с пулеметом. Началась дуэль: кто кого? Я поддерживал и направлял ленту. Якушенков стрелял прицельно, средними очередями, и уже после пятой пулемет неприятеля замолк.

— Амба! — Якушенков провел кулаком по мокрому лбу. — Готовь ленту!

В этот момент из гарнизона донеслись глухой треск рвущихся гранат и яростная стрельба. Группа захвата

завязала ближний бой с противником, выбивая гранатами гитлеровцев из построек и бункеров. Взрывы, крики, ругань, стрельба слились теперь в сплошной гул. Группа действовала напористо и быстро. Большинство огневых точек и домов, где расположились немцы, были забросаны гранатами.

Впереди бежал Сорокин.

— Получай, недобитый фриц! — И связка летела в цель.

Взрыв. Вопли.

Тем временем наш отряд ворвался в первую траншею.

Схватки в ходах сообщения и у огневых точек переходили в рукопашные. Выбитые из траншей гитлеровцы, отстреливаясь, уходили к центру деревни. Бой разгорелся у штаба. Выбравшись из песчаных окопов, мы напрямик, огородами, бросились туда. Рядом со мной были Ефименок, Якушенков, Минин, Иван Иванович. Позади нас бежали несколько автоматчиков из отряда Чеснокова.

Вдруг перед нами выросло десятка полтора рослых фигур.

Фашисты!

Минин вскинул карабин и выстрелил на бегу. Ближайший солдат упал навзничь.

— Сдавайтесь! — крикнул Якушенков. — Хенде хох!

В ответ раздались автоматные очереди, и Минин, обхватив карабин обеими руками, стал медленно оседать.

— Фойер! Шнель! — приказывал лающим голосом гитлеровский офицер.

Стреляя из «шмайссеров», фашисты двинулись на нас. Трассирующие пули не давали поднять голову. Положение становилось все более опасным. Напряжение росло. Иван Иванович выскочил из-за укрытия и метнул в гитлеровцев одну за другой две гранаты. Раздались

взрывы. В тот же миг Якушенков, Ефименок и забежавшие автоматчики открыли ответный огонь. Каратели пришли в замешательство, повернули назад и скрылись в темноте за постройками.

Автоматчики бросились за ними.

Я подбежал к Минину, хотел подхватить его, но обмякшее мальчишеское тело беспомощно сползло на землю. Кровь шла горлом, внутри все хрипело. Он умер, не проронив ни слова. Ему еще не было семнадцати лет.

Подоспел Иван Иванович.

— Коля, голубок! Держись! — дрожащим голосом проговорил он, нагнувшись над Мининым. — Фельдшера! Скорее в санчасть!

— Ему уже больше ничего не надо... — с горечью произнес Якушенков. — Парень вроде незаметный был, а в бою за спины других не прятался, хотя мальчишка совсем.

Иван Иванович поднял тело Минина на руки и, всхлиывая, пошел со своей ношей за нами.

Когда мы добрались до штаба, бой там уже подходил к концу. Организовать оборону в центре фашистам не удалось. Отряды Булыгина, Селиверстова и Чеснокова сжимали кольцо, не давая гитлеровцам закрепиться. В центре деревни горели штаб и дом коменданта, подожженные нашими минометчиками. Пламя освещало путь наступавшим.

Группа гитлеровцев во главе с комендантом пыталась прорваться в направлении Невеля. Но их встретил огонь из партизанской засады. В завязавшейся перестрелке комендант был убит.

Разрозненные группы противника металась между горящими постройками, беспорядочно отстреливаясь. Одни из них были взяты в плен, другие погибли во время боя. Разгром был полный. Опорный фашистский гарнизон перестал существовать.

Проходя мимо обозных повозок, на которые бойцы хозввода грузили захваченные трофеи (ящики с гранатами и патронами, станковые пулеметы, миномет и прочее), я заметил лежавшую вверх лицом знакомую фигуру. Сорокин! Из рта на щеку текла черная струйка. Вокруг стояли бойцы.

— Наповал,— сказал один.

— Прямо в голову. На моих глазах,— добавил другой.

И они медленно стали поднимать тело мертвого Сорокина на повозку.

Минину было неполных семнадцать лет, Сорокин — на два года старше, по тогдашним нашим понятиям это «старик»...

После боя мы узнали, что накануне во время стычки с вражеским патрулем возле Дутчина один из наших разведчиков, будучи раненым, попал в плен к врагам.

«Крестьянин» оказался вражеским лазутчиком. Наше командование решило не отменять операцию, но время атаки было перенесено с часа ночи на четыре утра, чтобы усыпить бдительность противника. Пленные на допросе показали, что около четырех часов утра часть солдат после ночного дежурства в дзотах и траншеях была направлена отдыхать на квартиры. Дежурить оставили только пулеметчиков.

Именно в это время штурмовая группа ворвалась в расположение гарнизона.

ЦЕНОЮ ЖИЗНИ

Недавно я побывал с сыном в городе, где прошла моя юность. Неторопливо шагали мы по улицам Опочки. Я рассказывал Игорю эпизоды из своей партизанской жизни. Нас остановила седая женщина.

— Простите,— произнесла она почти шепотом. — Этот мальчик так похож на друга моего погибшего сына...

— Тетя Настя! Какая встреча! Это же я, Олег Смирнов.

— Олег! Не узнала тебя. Ну здравствуй, дорогой! Сколько лет позади... Я живу теперь в Опочке.

Минуту мы стояли молча.

— А ведь у меня тоже мог быть такой внук,— первой заговорила она, не сводя глаз с Игоря. — Зайдемте, родненькие, ко мне.

И вот мы у нее дома. В гостях у тети Насти я вроде заново пережил юность свою и моих партизанских друзей, рассказал все, что знал о Жене, о его последних днях.

— А может, Олег, ошибка вышла — и жив мой сынок?

Как все матери, она еще надеялась и ждала сына. Но и для меня Женя оставался все таким же юным, как на фотографии в альбоме: немного угловатым, светловолосым, улыбающимся...

С Женей Ивановым мы учились в одной школе и дружили чуть ли не с первого класса. Нам на одной пионерской линейке повязали красные галстуки. Наши отцы близко знали друг друга: в гражданскую они воевали в одном полку, вместе сражались против войск генерала Юденича под Петроградом и банд Булак-Балаховича на Псковщине.

Вспоминаю детские годы и вижу запертую плотиной реку Изгожку. Весной она заливала Заборовские луга, образуя искусственное озеро. В нем выращивали карпов. Во время летних каникул мы часто ходили туда.

Сноровисто работал мой друг, с малых лет приученный к крестьянскому труду. Ловко косил, умело ухаживал за скотиной. Никакая работа не была ему в тягость.

Под вечер шли купаться к плотине, где места были почище и поглубже. Плавал Женя отменно — на боку, на спине, саженками, чем вызывал у нас, его ровесников, не только восхищение, но и тайную зависть.

Преуспевал он и в других видах спорта. Зимой всегда ходил в школу на лыжах, хотя путь был неблизкий. Однажды задумал прыгнуть с отвесной горы, как с трамплина. Прыгнул... и с половины горы катился кубарем. Весь оборванный, с исцарапанными руками и синяками на щеках, поднялся, взял на плечи обломки лыж и молча зашагал к дому — вырабатывал характер.

Весной 1939 года мы закончили шестой класс неполной средней школы. Летом семья Ивановых переехала в село Глубокое, в тридцати километрах от нас. Снова увиделись мы друг с другом в начале июля 1941 года, когда Женя приехал навестить своих родственников. Было только начало войны, но по дорогам уже двигались отступающие войска, обозы с беженцами из Прибалтики.

Женя был серьезен и задумчив. Он вырос и возмужал.

Время шло к вечеру. Другу нужно было идти в Глубокое. Я проводил его за околицу. Мы обнялись.

— Помни нашу дружбу, — сказал Женя, и голос его дрогнул.

— До встречи! — крикнул я ему вдогонку и чуть не заплакал.

Встреча... Вряд ли мы надеялись на нее. Фашисты уже заняли Себеж и рвались к нашей Опочке. И все же мы встретились. Это случилось в начале августа 1943 года, на стыке России и Белоруссии, в деревне Жоглино. Туда я попал с группой молодых парней, пополнивших ряды 7-й Калининской партизанской бригады.

Партизаны обороняли рубежи на реке Нище, на правом фланге пресловутой фашистской линии обороны «Пантера». К тому времени Женя Иванов был уже

опытным партизаном и неизменным участником всех боевых операций бригады.

Мы долго жали друг другу руки, затем я попросил:
— Теперь рассказывай, как воевал.

— Как и все, — ответил он, — бьем поменьше фашистов.

— А ты спроси, за что его представили к награде, — вмешался в разговор командир взвода ленинградец Волков. — Не скромничай, расскажи, Иванов, как «приводил в чувство» гитлеровскую солдатню в Малюзине.

— Пришлось побывать на Великой, в родных краях, — проговорил Женя, — был почти рядом с домом...

Дело в Малюзине обстояло так.

Рано утром по горло в воде бойцы форсировали Великую и ворвались в расположение вражеского гарнизона. Среди первых были начальник разведки отряда Аникин и Иванов. Они проникли в бункер, где находился вражеский пулеметный расчет, который, имея выгодную позицию, вел прицельный огонь по наступающим партизанам.

В молниеносной схватке один из фашистских пулеметчиков выстрелил в Иванова, но в суматохе промахнулся, пуля задела куртку. Изловчившись, ударом по руке Женя выбил пистолет у солдата. Осатанев от страха и боли, гитлеровец бросился на него с тесаком. Аникин автоматной очередью завершил поединок. С другим фашистом они справились вместе.

Дальнейшему продвижению партизан мешал огонь автоматчиков, засевших в доме на развилке дорог. Оценив обстановку, Иванов крикнул Аникину: «Прикрой меня!» — и пополз к плетню перед домом. В считанные секунды он достиг стены дома. Две связки гранат полетели в окна. Густой черный дым повалил из окон, дом начал гореть, автоматы смолкли. Путь наступающим был открыт.

Здесь смертью храбрых погиб Николай Аникин, его сразил очередью засевший в доме гитлеровец.

..Я попал в бригаду в горячее время. Всем ее отрядам предстояло участвовать в операциях, вошедших в историю под наименованиями «Рельсовая война» и «Концерт». В них участвовали и другие партизанские соединения. Позднее стало известно, что одновременно с нами рельсовое хозяйство оккупантов уничтожали и ленинградские, и смоленские, и брянские партизаны.

Место операции — магистраль Рига — Новосokolьники. Нашей бригаде было приказано взорвать рельсы на одном из ее участков протяженностью в шесть километров. Готовились для удара тщательно, несколько дней.

Отряды засветло вышли в назначенный район, приблизительно в четырех-пяти километрах от железной дороги. Командование еще раз уточнило полосу действий каждого отряда. Дождавшись темноты, вошли в густой заболоченный лес. Иванов был в первой группе подрывников. Бойцы шли цепочкой друг за другом, стараясь ничем не нарушить тишину теплой летней ночи.

Ночь выдалась темной, хоть глаз выколи. Даже рядом идущего бойца стало трудно различить. Только впереди на полотне железной дороги время от времени зловеще прорезывали темень вражеские ракеты.

— Тьфу! Одни колдобины! — возмутился шедший перед Ивановым его ровесник Глыжев.

— А вот мы сейчас посветим. — С этими словами Женя снял со старого трухлявого пня светлячка и усадил его на плечо Глыжева. Примеру Жени последовали другие, и вскоре каждый боец в цепочке имел перед собой необычный ориентир.

— Что жмешься? — ворчал партизан Сенченоч, когда шагавший вслед за ним Ильин, по партизанской кличке Мальчик, невзначай наступал ему на пятки.

Цыганской внешности, с черными как смоль волоса-

ми, этот сорокалетний мужчина годился нам в отцы. Человек он был добродушный, но, будучи помощником командира взвода, требовал соблюдения порядка и субординации. Ему были непонятны наша фамильярность, вечное нетерпение, неукротимая фантазия, прибавим к этому — скоропалительные реплики и неугомонные разговоры. Они его выводили из себя. Но ведь мы были мальчишками, еще не распрощавшимися до конца с детством.

— Эх, курить охота! Разок бы затянуться! — вздохнув, подал голос кто-то из темноты. Сзади хихикнули.

— Опять разговорчики и хаханьки! — не выдержал Сенченков. — Доиграетесь у меня!

Разговор смолк.

«Железка» была уже рядом. Игривое настроение ребят как рукой сняло.

Вперед ушли разведчики и группа прикрытия: перерезали линию связи, установили пулеметы на опушке. Подрывники стали рассредоточиваться вдоль дороги. Осторожно под плащ-палаткой зажгли фитили, нарезанные из строп парашютов: на них наши летчики спускали грузы партизанам.

— Вперед! — прозвучала команда, отданная вполголоса.

Партизаны бегом устремились к насыпи. Иванов с ходу вскочил на полотно, быстро положил шашку со взрывателем к рельсу, пригреб к шашке щебенку, чтобы та не упала, поджег шнур от фитиля. Ребята действовали быстро, четко. Загремели взрывы...

Бригада удачно провела операцию. За ночь шестикиллометровый участок дороги был выведен из строя.

...В минуты отдыха Евгений умудрился прочесть роман Толстого «Война и мир» — дар старого учителя из под Клястиц комсомольцам отряда. Книга ходила по рукам, ее читали все. Кумир Иванова Денис Давыдов стал одно время причиной постоянных разговоров.

— Что говорить! Храбрец! Патриот! Русская душа! — восторгался Евгений.

— Вот бы его сейчас к нам в отряд, — поддержал Иванова Глыжев. — Уж он-то развернулся бы!

— Как знаты! Может, ему после первой бомбежки небо с овчинку показалось бы, — возразил Ильин, подмигивая взводному Волкову. — Тогда все проще было: сабля на саблю, штык на штык. А сейчас попробуй попри с конем и шашкой на танк! И мокрого места не останется...

— Допустим, так... Но это только поначалу... А потом освоился бы, осмотрелся... Ох как боялись бы его фрицы! — горячился Иванов.

...Поздней осенью 1943 года командир отряда Булыгин перевел Иванова в разведвзвод. Здесь Женя быстро прижился и отличился в первом же поиске по захвату «языка».

Установив с вечера наблюдение за дорогой Себеж — Юховичи, разведчики переждали, пока пройдет колонна машин в сопровождении броневиков и мотоциклистов с пулеметами наготове. Одиночных машин не было. В полночь движение и вовсе прекратилось. Ребята продрогли до костей.

Противник готовил карательную операцию. Нужно было ждать и во что бы то ни стало взять «языка», ждать, несмотря на лютый мороз и пронизывающий ледяной ветер.

Прошло еще около часа... И вот Иванов, стоявший недалеко от поворота дороги, заметил выскочивший на большой скорости крытый автофургон. Когда машина поравнялась с ним, Женя дал по ней очередь из автомата. Фургон сбавил ход и стал медленно заворачивать к обочине шоссе.

Разведчики бросились к нему, стреляя на ходу. Выскочившие из фургона солдаты, укрывшись за машиной, открыли ответный огонь. И тогда Женя ловко метнул

гранату под колеса фургона. Гитлеровцы кинулись кто куда, разведчики — за ними.

«Языка» взял Иванов. Гитлеровец сбросил утепленную шинель и удирал в одном кителе, отстреливаясь из парабеллума.

«Раз в кителе да с пистолетом — значит, не солдат», — решил Женя. Догоняя его, стрелял поверху, и фашист не выдержал — рухнул в снег, притворившись убитым. Фокус не удался. Когда Женя щелкнул затвором, «мертвец» мгновенно вскочил и послушно поднял руки.

Он оказался унтер-офицером. Служил в штабе и ехал с документами в Ригу. В отряде «язык» дал ценные показания, которые по радию были переданы в штаб партизанского движения.

В разведвзводе к Жене по-отечески относился политрук Петров — старый член партии, ленинградец, потерявший семью во время варварских бомбежек фашистскими самолетами жилых кварталов города. Петров был хорошим собеседником. Тему для беседы выбирали мы, он развивал ее, делая это всегда с большим тактом.

Вечером 31 декабря 1943 года, будучи в приподнятом настроении, мы с Ивановым решили поздравить Петрова с наступающим Новым годом и, как водится, пожелать ему здоровья и боевых успехов. Зашли в землянку. Он был тронут нашим вниманием. Завязался непринужденный разговор.

Иванов неожиданно спросил:

— Товарищ политрук! Как вы полагаете, инженер из меня получится? Осилю науки?

Я знал, что после войны Евгений собирался учиться, мечтал об институте.

— А почему бы нет? Разве тебе в науку дорога заказана? Или способности не позволяют? А может, спроса на инженеров не будет?

— Думаю, что будет, — улыбнулся Женя.

— Я тоже так полагаю. Вспоминаю свою жизнь и сравниваю,— скупое продолжал Петров. — Специалист-автомеханик, шофер первого класса, могу любую машину вот этими руками поставить на ход. Но моя аудитория — гараж на Петроградской. Туда десятилетним мальчиком привела меня мать. На этом мое образование закончилось: в семье кроме меня было еще семь человек. Отец, политкаторжанин, с каторги не вернулся, умер от чахотки на Нерчинских рудниках. Работал я в моечной, мыл по двенадцать часов подряд детали в растворе. Спал там же, в уголке, на ветоши. И так изо дня в день. Сода и керосин нещадно разъедали детские руки: хозяин экономил на перчатках. Видите рубцы на кистях? Это следы язв — печальная память моего детства.

Мы затаили дыхание.

— Неоспоримо, технику развивает инженерная мысль. Уверен, что после войны многое придется переосмыслить, многое переоценить, многому учиться. Так кому же, как не тебе, быть инженером? Ты не только сможешь, ты должен стать им. Вот и будешь нас, стариков, инженерным теориям обучать. Правильно говорю? — закончил Петров, дружески похлопывая Иванова по плечу.

После октябрьского рейда под Невель и разгрома дутчинского гарнизона в ноябре 1943 года наша бригада совместно с 1-й Калининской отошла в лесные лагеря. Два дня мы сдерживали натиск передовых частей 16-й фашистской армии, рвавшихся по шоссе Себеж — Полоцк через партизанские районы на помощь своим отступающим частям, разбитым в боях под Невелем. Силы были слишком неравными. Мы отходили организованно, навязывая противнику бои на каждом удобном рубеже.

Юховичские леса приютили нас на несколько месяцев. Наш отряд расположился близ деревни Токуны, в

густом сосновом бору, на берегу маленького озера с экзотическим названием Лосиное Купалище. Обстановка была очень тяжелой. Каратели стремились блокировать нас в лесах, не допускать выхода на коммуникации. Суточный рацион бойца состоял из миски мучной пресной похлебки, куска хлеба или сухаря. Соли не было совсем.

В студеные январские и метельные февральские дни 1944 года с Женей мы не встречались. 3 марта, возвращаясь к себе в землянку из засады на шоссе, я увидел его у штаба. Женя читал прикрепленную к деревянному щиту свежую отрядную газету. Поздоровались.

— Давненько тебя не видел. Почему не заходишь? — спросил я. — Совсем забыл старых друзей.

— Не забыл, а просто нет времени, — устало ответил Иванов. — Ночью пришли, сейчас снова уходим — срочное задание. Да ведь и ты на месте не сидишь...

Выглядел Евгений усталым, взволнованным.

— Ты, наверное, помнишь, — сказал он печально, едва сдерживая слезы, — что до войны младшие сестры отца жили в Ленинграде. Обе остались с семьями в блокадном городе. Вчера от одной из них получил фронтовой треугольник — ответ на мое письмо, отправленное из Жоглина еще в начале ноября.

— Знаю, не тани, выкладывай, что же пишет, — перебил я.

— Что пишет? Блокаду сняли, но... из двух семейств осталась лишь одна она. Все мои братишки и сестренки умерли от голода зимой сорок второго. А их отцов снаряды накрыли прямо у станков...

Разговаривать больше не пришлось. Женя торопился. Уходя, попросил:

— Олег, дай мне две-три гранаты, а то свои вчера ночью на шоссе израсходовал.

Отстегнув с ремня три «лимонки», я отдал их ему — До встречи! — сказал он, и голос его дрогнул, как при нашем свидании в первые дни войны. Ночная темнота скрыла его.

На другой день моего друга не стало. Он погиб 4 марта 1944 года на шоссе Себеж — Полоцк, прикрывая отход товарищей. Группа возвращалась на базу, выполнив задание. По пути разведчики обнаружили армейскую линию кабельной связи. Решили перерезать ее. Вырезав из кабеля соединительную муфту, двинулись по шоссе к месту своего поворота в лес, то есть по старому маршруту. Это была ошибка...

Иванов шел первым. Метрах в тридцати до поворота их остановила команда на чужом языке:

— Фойер!

Из ельника на разведчиков обрушился шквал огня. То была заранее приготовленная вражеская засада — несколько десятков солдат против пятерых партизан.

Иванов упал сразу, у него были перебиты ноги. Отстреливаясь, он стал отползать к кювету. Решение созрело мгновенно. Он крикнул:

— Ребята, уходите в лес, я прикрою!

Он стрелял до последнего патрона. Когда боеприпасы кончились, достал гранату и прижал ее к груди. Группа гитлеровцев подошла к нему, желая взять партизана живым, и тогда Женя выдернул кольцо...

СХВАТКА

...Июль 1943 года.

На Псковщине стоит жаркая, безоблачная погода. Звенящая тишина висит над полями. Порой кажется, что нет войны, нет гитлеровцев, кругом идет обычная мирная жизнь. Но внезапный рокот самолетов с черной свастикой, разрезающих синеву июльского неба, возвращает к суровой действительности. Война продолжается.

Трехмоторный транспортный самолет «Юнкерс-52» медленно плыл над полями и перелесками Идрицкого района. Разгрузившись на полевом аэродроме близ Невеля и захватив в обратный рейс два десятка офицеров-отпускников, он спокойно следовал на Двинск, где базировалось соединение армейской транспортной авиации.

Опасаться гитлеровцам вроде бы нечего: внизу — занятая войсками вермахта территория, справа — железная дорога с зенитками на всех полустанках, рядом — большой идрицкий аэродром, откуда по первому сигналу тревоги могли подняться в воздух истребители прикрытия. Горизонт был чист, в поле зрения не было ни одного самолета.

Пилоты изредка лениво переговаривались по радию с базой. Отпускники, развалясь на сиденьях, предвкушали приятный отдых в фатерланде. Все были в отличном настроении.

Но случилось непредвиденное. Внезапно прервалась связь: отказала рация. С перебоями стал работать левый мотор, тут же отключился правый. Машина начала терять высоту и направление.

Два пилота вбежали в салон к офицерам, те вскочили с мест и бросились к иллюминаторам. Внизу расстилась заболоченная, поросшая кустарником низина, за ней на косогоре просматривалась одинокая деревушка...

В этот день партизанский пулеметчик Михаил Трусов, парень степенный и добродушный, находясь в кругу родных, собравшихся по случаю его приезда в отчий дом, с горестью слушал их неутешительные рассказы о житейских буднях, о большой нужде и громадном разорении, принесенном оккупантами.

Немало лиха хватил и Михаил в свои девятнадцать лет. До войны он работал в МТС: сначала прицепщиком, потом трактористом. С лета сорок второго года воевал

в партизанской бригаде, в отряде Булыгина. Ровно год не был в родных местах.

Этот год, отмеченный яростными боями с врагом стоил многих ранее прожитых им лет. Он изменил весь смысл и уклад его жизни, определил роль и место в происходящих событиях.

Изнурительные рейды по тылам врага под Опочку и Невель, бои с карателями под Россонами и Освеей, разгром фашистских гарнизонов, засады под Себежем, «рельсовая война», дальняя разведка, как и многое другое в его партизанской судьбе, стали теперь главным в его жизни.

Бригада стояла на границе Братского партизанского края, обороняя его рубежи по реке Нице.

Михаил был отпущен на однодневную побывку — навестить родителей. За разговорами время летело не заметно.

— Миша! — тревожно позвала сестра, сидевшая у открытого окна. — Какие-то незнакомые люди идут сюда.

Михаил выглянул в окно. Из-за косогора к деревне приближалась колонна вооруженных людей. Он понял, что это партизаны.

Через несколько минут в деревню вошел отряд Чеснокова, который возвращался из ночной засады. Был объявлен привал. Усталые бойцы расположились в тени под деревьями.

Увидев знакомых парней из соседнего отряда своей 7-й бригады, с которыми не раз приходилось участвовать в совместных операциях, Трусов подошел к ним, угостил отцовским самосадом.

— Как удалась засада, славяне?

— Три «бюсинга» приказали долго жить, догорают в кюветах! — ответил довольным голосом помкомвзвода — земляк Трусова: до войны он работал вместе с ним в МТС разъездным механиком.

Шум моторов приближающегося самолета прервал начатый разговор.

— Воздух! — раздалась команда.

Повскакав с мест, партизаны заняли позиции для отражения воздушной атаки. С плетней, крыш построек пулеметы нацелились в небо. Так последнее время бывало часто. Заметив передвижение партизанских отрядов на марше или в населенных пунктах, фашистские лазутчики вызывали авиацию. Вражеские самолеты бомбили и штурмовали с бреющего полета не только скопления партизан, но и деревни, лежащие в партизанской зоне, сжигая их с воздуха, убивая и калеча жителей.

Аэродром противника находился рядом, в Идрице. Оттуда эскадрильи «хейнкелей» и «юнкерсов» совершали разбойничьи рейды в партизанские районы. Поэтому для отражения налетов авиации противника в каждом партизанском гарнизоне были оборудованы специальные огневые позиции и отрыты укрытия для личного состава.

На этот раз прямо на деревню шел тупоносый тяжеловоз «Юнкерс-52».

— По самолету! Залпом! Огоны! — скомандовал Чесноков.

Полуденную тишину всколыхнула стрельба. Партизаны встретили «юнкерс» плотным огнем. Загремели бронебойки, пулеметные очереди слились с залпами винтовок.

Ровно работающие моторы «юнкерса» вдруг стали давать перебои. Пролетев над деревней, самолет стал терять высоту и вскоре рухнул в трясины, задрав хвост кверху. Чесноковцы бросились к самолету.

В запале Трусов побежал вместе с ними, не успев заскочить домой за карабином. На поясе у него болтался самодельный финский нож в кожаном чехле.

На «юнкерсе» тоже не сидели сложа руки: из самолета через дверцы грузового люка выскочили более два-

дцати офицеров — членов экипажа и отпускников — и скрылись в кустарнике.

Добежав до кустов, партизаны рассыпались в цепочку, стали окружать самолет. Зная с детства каждый кустик, Трусов не раздумывая побежал по знакомой тропинке. Метрах в ста от «юнкерса» на крохотной полянке перед ним неожиданно выросла фигура фашистского офицера.

— Стой! Бросай оружие! Руки вверх! — крикнул Трусов.

Офицер смотрел на него в упор, как бы оценивая своего противника. Увидев на ремне у Трусова только нож, он усмехнулся, поднял «вальтер» и выстрелил в партизана. Пуля оцарапала висок, алая струйка побежала по щеке. Трусов выхватил финку и пошел на врага.

Может, в тот миг он вспомнил осень сорок второго: сожженные вместе с жителями деревни под Освеей и лежащих в кюветах расстрелянных детей с простертыми ручонками. Фашисты поливали обезумевших от ужаса детей огнем из «шмайссеров» до тех пор, пока те не застывали в смертных муках...

Гитлеровец стрелял в упор. Еще одна пуля впиалась в левую руку выше локтя, следующая задела плечо, две другие пробили навывлет грудь. Мучительная боль пронзила тело. Сжав нож в правой руке, Трусов шел на врага. Расстояние между ними сокращалось.

Кровь текла из ран, красные пятна расплзались по белой рубашке. У офицера в обойме пистолета осталось четыре патрона. Он стрелял... Две пули впились в правое бедро Михаила. Снова два выстрела подряд: одна пуля ударила в грудь, другая — в левую ногу.

Обойма кончилась. Гитлеровский офицер судорожно потянулся к кобуре за новой, надеясь быстро перезарядить пистолет.

В этот момент Михаил Трусов сделал нечеловече-

екое усилие, шагнул к офицеру и, собрав последние остатки сил, вонзил нож в грудь врага. Гитлеровец рухнул ни мертво. Трусов упал рядом. Когда его нашли, он лежал без памяти, уткнувшись лицом в багульник.

Остальные гитлеровцы также оказали отчаянное сопротивление. Стрельба шла по всей низине, то затихая, то вновь вспыхивая, до самого вечера. Вражеские офицеры, используя заросшую кустарником болотистую местность, пытались прорваться мелкими группами. Но, прижатые к лесу, начали сдаваться. Троим все же удалось проскочить незамеченными и выйти на Идрицкий большак. Партизанам стало известно об этом на следующий день.

Ранним утром трое фашистов ввалились в дом, стоявший на деревенской околице под Идрицей.

— Матка! Где дорог на Идриц? — рявкнул один из них на хлопотавшую у русской печи пожилую крестьянку. — Надо позвать бургомистр! Шнель!

— Сейчас, господа, позову! — И женщина скрылась за дверью.

А через некоторое время дом окружила группа партизан, которых привела крестьянка, и «господа» пожаловали в плен... Один из пленных офицеров на допросе показал, что сбитый «юнкерс» с офицерами-летчиками направлялся на свою авиабазу под Двинском в Латвии.

— Ваша авиация, — заявил он, — в районе Двинска всегда бомбит ложный аэродром. А настоящий вот где! — И показал его на карте.

Об этом по радиации незамедлительно было сообщено в штаб партизанского движения.

Через пару дней пленные с партизанского аэродрома в Селевщине самолетом были переправлены в советский тыл. А спустя неделю бригадная радиация приняла сообщение: наша авиация успешно бомбила вражеский аэродром под Двинском...

...На другой день Трусова привезли в отряд. Партизанский хирург насчитал у него восемь ранений, три из них — в грудной клетке. Положение парня было почти безнадежным.

Трусов лежал, не приходя в сознание. Делалось все возможное, чтобы спасти его жизнь. Застрявшие пули были извлечены, для поддержания работы сердца вводили камфору, ложечкой вливали в рот бульон. Молодой организм отчаянно боролся со смертью.

Так продолжалось почти неделю, потом кризис миновал. Молодость взяла свое. Дело пошло на поправку.

А через три месяца Михаил Трусов снова был в строю, правда, не пулеметчиком, а рядовым бойцом. И еще год воевал в партизанской бригаде, вплоть до ее соединения с частями действующей армии. В составе Краснознаменной стрелковой дивизии он с боями дошел до Германии. Штурмовал Берлин.

ЗИМНИЙ ПОИСК

Если в действующих частях разведка ведется лишь по фронту соприкосновения с противником и в глубине его обороны, то у партизан дело обстоит иначе. Разведка должна быть круговой, а ее маршруты — простираться на десятки километров во всех направлениях. Разведчики обязаны держать под наблюдением коммуникации противника, передвижение его частей, особенно к фронту и от фронта, следить за сосредоточением карателей, разгадывать их планы, работать с агентурой.

Добавим к этому, что проведение любых операций, больших и малых, также не обходится без разведчиков.

Прокладывание маршрутов для выхода подрывников на железные и шоссейные магистрали, выбор мест для засад и других диверсий — тоже их забота.

На все разведчиков попросту не хватало. Их обязан-

ности зачастую приходилось выполнять нам, рядовым бойцам. В каждом взводе были такие люди.

Вообще опыт войны в тылу врага показал, что партизан должен быть универсалом — и стрелком, и минером, и разведчиком. Только тогда можно наносить урон противнику с максимальной отдачей.

Бригадную разведку возглавлял Александр Романович Соловьев.

Доброжелательный, тактичный, выдержанный во взаимоотношениях с людьми, будь то его подчиненные — бригадные разведчики или просто бойцы из отрядов, он не только умело направлял разведслужбу, но и занимался лично сбором и обобщением информации для армейских штабов. В этом мне довелось убедиться, когда он отчитал меня за то, что я чуть не пустил на курево добытую в разведке вместе с другими материалами фашистскую газету, где была опубликована речь одного из гитлеровских заправил. «Пойми, это же разведматериал! — вдалбливал мне Соловьев. — А ты на курево...»

Он же ведал и вопросами бригадной контрразведки.

По заданию Соловьева был организован и этот наш поиск.

Старшими поисковых групп обычно назначали командиров или политруков взводов. Поиск, о котором пойдет речь, возглавил Фуфаев, командир нашего взвода. В прошлом прекрасный подрывник, этот тридцатилетний татарин был еще и опытным разведчиком. И не случайно, когда подбирали кандидата на должность начальника штаба для вновь созданного разведотряда бригады, остановились на нем.

А уже много лет спустя после войны я узнал, что командир нашего отряда Булыгин — тоже из Татарии. Горячий, как огонь, бывший лейтенант-дальневосточник, он был грамотным, решительным командиром и мужественным человеком.

Партизаны не забыли схватку при разгроме волостной управы весной 1943 года. Тогда в единоборстве Булыгин бросил, как мешки, на пол двух детей из СД, хотя те и были на голову выше его, и получил свое четвертое ранение, но не вышел из боя, остался в строю с нами.

...В группу Фуфаев отобрал шесть человек. Выбор пал и на меня. Получили задание. Оно было, прямо скажу, не из легких.

Мы были первопроходцами зимнего маршрута к полотну перегона Себеж — Лудза на территории Латвии, где, как полагали, охрана дороги была не такой плотной. Это первое.

И второе: нужно было не проморгать скопление гитлеровцев в деревнях вдоль старой границы. Оттуда фашисты начинали свои атаки на партизанские районы. Агентура сообщала: противник накапливает силы, готовит наступление, что и нужно было подтвердить.

Путь предстоял дальний. Стодвадцатикилометровый маршрут рассчитывали покрыть за двое суток.

Перед рассветом оставили лагерь. Двигались цепочкой. Впереди Фуфаев, за ним я и еще трое бойцов, замыкал группу Буланов. Шли по едва заметной, запорошенной снегом лесной тропинке. По сторонам потрескивали на морозе кроны сосен, иней мохнатыми кистями свисал с веток. В лесу было красиво, по-домашнему уютно. Миновали Токуны, потом повернули на юго-запад и к обеду подошли к Добрым Плесам. От деревни осталось одно название да печные трубы, которые среди белого безмолвия напоминали пейзаж из восточной сказки, запомнившейся в детстве. Какое благодатное название — Добрые Плесы! И как противоестественно видеть вместо тесаных домов чернеющие головешки!

Оставив Добрые Плесы, по заброшенному большаку направились к озеру Лисно. Не верилось, что под сугробами пролегла большая дорога. Места здесь высо-

кие, песчаные, видимо, летом сухие. Вокруг молчаливо покачивались могучие сосны, уходящие шапками в небо.

Неожиданно впереди, за поворотом, нас встретил... танк. Ствол пушки глядел прямо на нашу цепочку. Приземистый, невиданной конструкции и наполовину засыпанный снегом, он стоял, одиноко приткнувшись к откоосу выемки. На стальной башне стояло выпуклое клеймо. «Рено 1939»,— было выдавлено на броне. Как попал этот «француз» в вековой бор Белоруссии, какими путями его сюда занесло?

А пути у него, как выяснилось потом, были непростые. Состоял на вооружении французской армии. В 1940 году, во время военной катастрофы Франции, был пленен. Летом 1941 года вместе с десятками, а может и сотнями, таких же машин его погрузили на железнодорожные платформы и повезли в Россию. На Гитлера работал весь промышленный арсенал Европы.

В Белоруссии танк нес службу в тыловом гарнизоне, участвовал в карательных операциях против партизан. И был отбит в бою у оккупантов бойцами Освейской бригады.

С тех пор танк находился на вооружении освейских партизан, чем они по праву гордились. Какое еще из партизанских соединений имело свои танки!

Но беда в том, что кроме энтузиазма, энергии и смекалки (чего партизанам было не занимать) танку еще нужны боеприпасы, горючее, запчасти и многое другое. Нашлись умельцы — золотые руки, поставили машину на ход. Невероятными стараниями на местных смолокурнях было налажено изготовление горючей смеси. Она в какой-то мере заменяла бензин и позволяла танку заводиться и двигаться своим ходом. Ход сопровождался страшным треском, ревом; густой черный шлейф дыма и копоти тянулся за машиной на добрую сотню метров. Но партизаны были довольны. Экипаж танка стал принимать участие в боях. Это поднимало дух бойцов.

Но затем боеприпасы кончились, двигатель изнашивался, и танк приткнулся к откосу...

Мы миновали озеро Лисно и оказались в южной части Себежского района. Устроили привал на пепелище сожженной деревеньки. Дальше местность была почти открытой.

Двинулись по снежной целине, держась в стороне от наезженных дорог, где запросто можно было напороться на карателей. Светило солнце. Под ногами поскрипывал снег. Каждый думал о своем.

Я вспомнил сначала родную деревню, где знал каждую выбоину на немощеной улице, потом школу в бывшем графском имении, единственную во всей округе, куда каждый день с деревенской ребятней ходил за три километра и в мороз и в слякоть. Вспомнил своих одноклассников, разметанных войной по разным фронтам и партизанским бригадам.

...К вечеру наткнулись на жилище — едва заметную на склоне бугра землянку. Год назад здесь был хутор, а сейчас — пепелище. То были следы «работы» карателей осенью прошлого года.

Старик и три пожилые женщины встретили нас приветливо.

— Печь-то на пепелище по осени на кирпичики разобрали да в землянке лежанку смастерили. Теперь тепло, а то мерзли, — объяснил дед, усаживая нас поближе к кирпичной печурке. — Да и спокойней как-то, когда на печную трубу никто со стороны не глядит. Вот так и живем... Хлеб, картофель, капуста зарыты в ямах. Достаем помаленьку по ночам, кормимся.

— Что будет с нами дальше? Как жить-то будем? — вмешалась в разговор одна из женщин. — Дотянуть бы до весны, а там, глядишь, и выгонят злодеев окайных. Что они тут понатворили, проклятые! А может, и сыночки к лету вернутся. Все трое воюют, двое в партизанах, один на фронте.

— По нашим следам сюда идет вооруженная группа! — выкрикнул, вбежав в землянку, боец, стоявший на посту.

Мы выскочили наружу и залегли за землянкой. Всматриваемся. По мере приближения вооруженных людей наши лица расплываются в улыбки: в невысоком прихрамывающем человеке в черном полушубке признали Семена Семеновича Карцеля, командира нашего третьего взвода.

Семен Семенович белорус, родом из Юховичей. Ранение в ногу он получил в финскую кампанию, с тех пор хромотал. Сам он об этом не упоминал и никогда не жаловался.

Группа Карцеля вышла из лагеря дней пятнадцать назад, и известий от нее не поступало. «Отыскать группу или ее следы, — таков был приказ. — Если это удастся — действовать вместе, с тем же заданием». А они сами нашлись, живые и здоровые!

— Деревни вокруг Себежа забиты карателями. Зондеркоманды рыщут по лесам, патрулируют дороги. Пройти не удалось, — досадовал Семен Семенович, обтирая отпотевший в тепле автомат. — Надо пробираться южнее: через Освейское озеро, затем лесами к старой границе, а потом по латвийской территории к «железке».

Семен Семенович был мудрым человеком. Его вариант понравился нам. (Замечу, что в конце весны 1944 года, как один из способных командиров, Карцель был назначен начальником штаба нашего отряда.)

Ночь провели на земляном полу. С зорькой — опять в путь. Через полчаса повернули на юг, к Освейскому озеру: Семен Семенович с довоенных времен знал эти места. Шли весь день. Почти не отдыхали. В сумерках уперлись в озеро. По льду предстоял променаж в двадцать с лишним километров. Двинулись сразу, без привала, ночью, поскольку днем нас легко могла обнаружить наземная и воздушная разведка противника.

За день устали. Передвигались по скользкому льду медленно. Ночь выдалась лунной, морозной. Когда вышли примерно на середину озера, послышался нарастающий гул самолета. Никто на это не обратил внимания — привыкли. Но когда над головой факелом вспыхнула парашютная ракета, сразу поняли, в чем дело. Упали на лед.

Стало светло, как днем. На льду просматривалась каждая тростиночка. Самолет снизился, развернулся (то был «Мессершмитт-109», ночной перехватчик) и открыл огонь. Пули крошили ледяную гладь, осколки льда хлестали по лицу.

«Мессер» еще два раза прошелся над нами, пока не израсходовал боекомплект, потом, взревев мотором, улетел к Дриссе.

— Живы? — окликнул Фуфаев. — Никого не зацепило?

Все поднялись.

— Добре! — крикнул Карцель, оглядывая нас. — Могло быть хуже! Летун-то, видать, матерый, ночной охотой промышляет. Разбойник! А теперь айда, хлопцы, до берега!

Мы стряхнули ледяную пыль и потопали дальше.

Ракета догорала над озером...

Скоротали остаток ночи на берегу, в заброшенном каменном сарае, а с рассветом — снова в путь.

Начинались Освейские леса. Пробирались по узкому, плохо наезженному зимнику, петлявшему между густым ельником.

Впереди двигались двое дозорных, за ними цепочкой остальные. Так отмахали километров пятнадцать. Кругом снег да лес. Дорога привела к сопке. Поднялись. Насколько было видно, простирались вековые сосны. Лес молчал. Спустились с горы и опять в дорогу...

Час спустя у родникового ручья передохнули, пожевали сухари — наш НЗ, запили водой. Задымили сигар-

нами, на которые пошли опавшие прошлогодние листья: табаку-то не было. И вновь пошли...

Только поднялись на пригорок — дозор еще не успел уйти вперед, — замерли от увиденного: навстречу, мотая головой, поднималась в гору запряженная в сани лошадь и две физиономии в касках выглядывали из поволоки. За первой тянулись еще подводы с солдатами в мискхалатах. Одни лежали в санях, другие шли за поволоками, положив руки на «шмайссеры». Обоз сопровождали лыжники.

— В ельник! Быстро! — скомандовал Карцель.

Семен Семенович с финской войны еще знал, что в лесных зарослях лыжники бессильны: ни маневра, ни видимости.

Нас как ветром сдуло.

Оказались в чащобе, двигаться было трудно, сучья рвали одежду, царапали руки. Метров через сто заросли стали редеть, и мы выбрались на пригорок. Осмотрелись.

Слева, из-за сосняка, показалось несколько лыжников. По тому, как они ловко маневрировали между деревьями, было ясно, что хорошо натренированы. Передний, видимо офицер, поднял руку и резко выкрикнул. Лыжники остановились. Офицер воткнул палки в снег и «шмайссером» повел сначала правее, а затем левее сопки, сопровождая жесты выкриками.

Стало понятно: сейчас они начнут автоматный обстрел высоты, а потом обходить нас с обеих сторон.

— На мушку их! Не упустите офицера! — крикнул Фуфаев. — Огонь!

Грянул залп. Офицер будто застыл на месте и несколько мгновений оставался в такой позе, потом повернулся вполоборота и рухнул. Остальные стали поворачивать назад.

Ввязываться в бой нам было запрещено. Не теряя ни минуты, с высоты ушли в сосняк.

Уже более двух часов петляем по завьюженному лесу. Пар валит от ватника. Нам все же удается оторваться от лыжников, автоматные очереди слышатся уже где-то вдалеке.

Измотанные, голодные, мы выбились из сил. Быстро наступила зимняя ночь. Присмотрели место, где шанки сосен сомкнулись шатром, и начали готовиться к ночлегу.

Немудрена партизанская постель: наломали еловых веток, набросали на притоптанный снег, и ложе готово. Свернулись калачиком, обхватив руками карабины. Сколько было таких бессонных морозных ночей?!

Бывало, ляжешь, на миг вздремнешь, потом вскочишь, попрыгаешь, посидишь, опять ляжешь, смотришь — ночь и прошла. О кострах и думать забыли, — «юнкерсы» и «хейнкели» барражировали над лесными массивами. Для ночного патрулирования гитлеровцы посылали свои лучшие экипажи. Бывало, заметят огонь в лесу, и тут же на костры летят бомбы, а на базу — радиошифровка об обнаружении в таком-то квадрате партизан.

Курили тоже с опаской, маскируясь. В этом отношении Семен Семенович был неумолим.

— Сколько раз вам можно говорить — курить только в рукав! Огонь сигарки ночью виден за три километра! Не понимаете или не слышите? Видал, какие отчаянные! — возмущался он.

Уже светало. На верхушках сосен под первыми солнечными лучами заискрился снег.

— Привели бы себя в божеский вид, а то на кого похожи?! Юховичские дегтяри, ни дать ни взять! Чумазые, рваные! Ремни-то подзатяните потуже, снегом умойтесь, и будете хлопцы как надо! — урезонивал Семен Семенович, мешая белорусский говорок с русской речью.

Снег таял на ладонях и тут же замерзал. Терлись до покраснения...

— А ты, Алех, чего глядишь на меня, як зять на тещу? Не туды глядишь. Гляди на свои ноги. Дальше боинком пойдешь, что ли? Опорки твои, як грачи, рты порвали, а ты молчишь? — показывал Карцель березовым хлыстиком на мои вдрызг разбитые сапожонки. На обоих отстали подошвы, дальше идти в них было невозможно.

— На, подвяжи подошвы, — вмешался Иван Васильевич, партизан из группы Карцеля, подавая мне намотанный шпулей кусочек телефонного кабеля, бог весть откуда взявшийся у него. — Не забудь отломить кусочек смолы, разогреть в ладошках и замазать трещины на сапогах, так надежней будет.

Жаль, что время стерло в памяти фамилию этого человека. Выше среднего роста, чуть сутулый и немного полноватый, с доброй улыбкой и умным взглядом, он почему-то наводил на мысль о Платоне Каратаеве из «Войны и мира» Льва Толстого.

Этот человек был, пожалуй, самой необычной фигурой в отряде. Кулинар экстра-класса, шеф-повар одного из ленинградских ресторанов, Иван Васильевич в свои пятьдесят с лишним лет безропотно делил наряду с нами партизанскую долю. Не говоря уже о кулинарном мастерстве, он с увлечением играл на мандолине, мог сшить рубашку и починить обувь.

Сейчас он стоял у сосны и, по-доброму улыбаясь, затягивался самокруткой из ольховых листьев.

— Солнце-то на лето повернуло, на пригорке уже припекает, самое время зарубки на живицу делать, — подал голос дотоле молчавший Лукашенок. Он был родом из Голяшей, лесной деревушки, и понимал толк в смолокуренном деле.

— Семен, ты помнишь голяшанского дегтяря Юшку? — обратился он к Карцелю.

Они были ровесниками и старыми знакомыми. Обращались друг к другу на «ты».

— А як же. Такой долговязый был,— подтвердил Карцель.

— Слухай. Помнится мне такой случай. Ехал тот Юшка из Дриссы с ярмарки домой. Дело было летнее. Жара. Юшка был трошки под мухой. Курил. Притомился и заснул, бедняга. И тут случилось невиданное: от окурка загорелась солома в телеге, потом бочка из-под дегтя. Сгорела повозка, аж зад у коня обгорел. А Юшка целехонек остался...

Мы захохотали.

— А погибать ты здоров. За что и пойдешь в целик первым! — распорядился Карцель.

— Первым так первым! Пусть хлопцы трохи посмеются на ход ноги. Легче идти будеть,— невозмутимо согласился Лукашенко.

Мое знакомство с ним произошло при не совсем обычных обстоятельствах, вскоре после того, как я прибыл в отряд.

За деревней, метрах в ста от дороги, на песчаном бугре, находились погреба местных крестьян, которые они использовали для хранения картофеля и овощей.

В тот день я стоял на передовом посту, у моста через реку Нищу. Сменившись, шел по дороге в деревню. Гром ударом доносился от хранилищ. Мальчишеское любопытство потянуло туда.

На деревянных подставках лежала сигарообразная машина, походившая издали на акулу. Вокруг нее приплясывал — шаг вперед, шаг назад — высокий мужчина в белой косоворотке и охаживал машину по бокам увесистой кувалдой. То был Лукашенко.

— Куды прешься? — замахал он руками, заметив меня. — Не видишь, тол добываю. А то неровен час — и прощай папа с мамой. Слышь, что говорю!

Стояло лето. Гремели бои на Курской дуге. Противник откуда только мог перебрасывал туда резервы. На коммуникациях грохотала «рельсовая война». Взрыв-

чатка была нарасхват! А где ее взять? То, что иногда сбрасывали по ночам на парашютах наши летчики, было каплей в море.

Нужда в толе была громадной.

Как быть?

Кто-то из партизан подсказал, что видел возле деревни Долосцы бомбу. Поехали посмотреть. Из-под земли торчал только красноватый хвост. Долго не раздумывая, сходили в поселок, одолжили лопаты и начали копать. Отрыли — и ахнули. То была неразорвавшаяся немецкая 250-килограммовая авиационная бомба. Ее привезли в Жоглино, где стоял отряд.

Но как извлечь тол из корпуса?

Тогда Лукашенко предложил выколачивать его из оболочки железной кувалдой и сам решительно взялся это сделать.

— Тикай отсюда, малец! Тебе говорят! — выкрикивал он в такт ударам.

Корпус вздрагивал и стонал. Из него тонкой струйкой сыпались в корзинку светло-желтые кусочки драгоценной взрывчатки. А на боку бомбы блестел невывинченный хромированный взрыватель...

Мурашки забегали по спине.

...Теперь наш путь лежал на северо-запад. К обеду лес стал редеть. За лесом, словно в сказке, раскинулся поселок с толстыми сугробами на соломенных крышах и тонкими струйками дыма над трубами.

Двое из наших пошли в разведку. Остальные наблюдали с опушки. Последовал взмах рукой, и мы вошли в поселок.

Жители встретили нас доброжелательно, но как-то настороженно, с опаской, то и дело поглядывая на избы соседей. Разговор с хозяйкой дома подтвердил опасения: «Немцы и полицейские не оставляют нас в покое. Будьте осторожны!»

Женщина попросила нас без надобности не выходить из дома. Опасалась, что в деревне у гитлеровцев свои люди.

Могло быть и так. Кругом одни пепелища. А эту деревню каратели щадили. Случайно ли? Дальнейшие события показали: не случайно.

Какими путями идти дальше, никто из нас не знал. Нужен был проводник.

— Мамаша! — обратился к хозяйке Фуфаев. — Не могли бы вы порекомендовать нам проводника из ваших селян? Из тех, на кого можно положиться и кто хорошо места здешние знает? Рассчитываем на вашу помощь.

— Могу, — подумав, ответила она. — Из моих соседей, за которых ручаюсь, округу знают сапожник, что живет в соседнем доме по нашей стороне, но он шибко хромой, поэтому далеко с ним не уйдете, и еще старик сосед, что в доме напротив. Тот, пожалуй, мог бы, еще крепкий дед.

Когда стемнело, зашли в избу к старику. Дед слез с печи, угостил самосадам. На наше предложение согласился без уговоров, добавив, что вокруг ему все ведомо, как у себя на дворе.

И только когда вышли за околицу, попросили проводника провести нас наиболее скрытным путем к железной дороге между Зилупе и Себежем. Старик пообещал.

Он вел нас глухими местами. Продвигались медленно, часто останавливались. Проводник искал какие-то знакомые только ему одному ориентиры и все боялся сбиться с пути. Прошли еще с десятков километров. Старик тяжело дышал, чувствовалось, что он очень устал.

Расспросив о маршруте, мы поблагодарили проводника за помощь и отпустили домой.

— Теперича сами дойдете! Тут недалече. Будет поле, потом лес, в лесу река течет, за рекой опять лес, следом

болотина, а там и дорога,— пояснил старик. — С богом, ребяташки!

Опять двинулись. Впереди дозорные, сзади, метрах в ста,— группа. Идем молча, держим дистанцию, ступаем след в след. Оружие на изготовку, патрон в патроннике.

Каждый шорох, скрип, треск в лесу мгновенно вызывает ответную настороженную реакцию. Слух и зрение напряжены до предела. Всматриваемся в темноту, запоминаем ориентиры. По этому маршруту придется вести подрывников с взрывчаткой.

Перед рекой сделали последнюю остановку. Начался самый опасный этап поиска.

Разделились на тройки. Условились держаться на расстоянии видимости, двигаться перекатами, то есть пройдет свой этап первая тройка — останавливается и пропускает вперед вторую, прикрывая ее сзади. Потом вперед выходит третья тройка, вторая отходит назад и прикрывает третью и так далее.

Одолели последний участок леса и уткнулись в кочковатую болотистую низину, сплошь поросшую кустарником, за которой, по словам деда, находилась железная дорога.

Остановились. Ни звука. Только рог луны над головой заливал матовым светом лесную прогалину.

Фуфаев отобрал четырех человек и повел к полотну. Остальные остались на опушке.

Пробираемся между кочками по пояс в снегу. Но дороги все нет. Потом идти стало вообще невозможно. Поползли. Снег набивался в голенища, в карманы, в рукава и за воротник, руки коченели. А мы ползем и ползем.

Наконец ползший впереди Фуфаев поднял руку: «Вот она! Видите полотно?»

Рассредоточившись, стали наблюдать. Впереди, метрах в пятидесяти от нас, тянулась невысокая насыпь.

На расчищенном полотне тускло поблескивали стальные рельсы. Ни справа, ни слева дзотов видно не было. Ни выстрелов, ни ракет. Тихо.

— Место для минирования удобное, подходы неплохие,— заключил Фуфаев.

Под вечер, вымотанные, вернулись в деревню. У дома сапожника встретили разведгруппу из отряда Гарцева 1-й Калининской бригады. Разведчики отдыхали на высоком крыльце, выходящем на улицу.

— Привет, славяне! Как «железка» поживает? — крикнул сверху старший.

— Ждет и надеется, что вы к ней ручки приложите. Соскучилась, спрашивает: где засиделись, ребята? — в шутку ответил Фуфаев.

— Исправимся. Какие наши годы,— усмехнулся старший. — А фрицы вас здесь в гости ждали. Все было подготовлено для встречи: засада по всем правилам. Даже пулеметы на крышах установлены. Как вы их напугали!

Мы застыли от удивления. Когда они успели?

— Но не дождались. Встретили вашего проводника, избили до полусмерти, бросили окровавленного лежать на снегу. Потом уехали. Но старик ничего не сказал,— продолжал разведчик. — Мы следом за ними пришли в деревню. Деда внесли в избу. Пришел в себя.

— А насчет засады откуда вам известно? — поинтересовался Фуфаев.

— Сапожник с соседкой рассказали,— ответил разведчик.

Зашли к хозяйке, где останавливались перед уходом на «железку». Она была встревожена.

— Подумайте только, ранним утром немцы были уже здесь. Кто-то за ночь успел донести! Продажная душа! Германцы вас ждали... Пулеметы на чердаках поуставливали... Старика мучили. Все допытывались, куда партизан водил. Будьте аккуратнее, хлопцы! Мо-

жет быть, они далеко и не уехали, укрылись где-нибудь в пуще за деревней.

В словах женщины был резон.

— Ой, боже милостивый! Сапоги-то у них совсем развалились, уже и проволока не держит,— запричитала хозяйка, увидев вконец разбитые ботинки на ногах парнишки лет четырнадцати из отряда Гарцева и мои развалившиеся сапоги.

— Пошли со мной, хлопчики, к сапожнику!

Сапожник показался мне шустрым мужичком. Хитроватые бегающие глазки, рыжеватая борода лопатой.

— Начнем с твоего юфтхрома,— с усмешкой сказал он. — Снимай опорки!

Я отвязал проволоку, низ сразу отвалился. Размотал мокрые портянки. Остался босиком.

— Будет сделано по первому разряду. После можешь хоть по кирмашам (ярмаркам) в них щеголять. Это мы мигом, не сумлюйся,— обнадеживал сапожник, натягивая сапоги на колодки.

Я присел возле горячей печурки, отогревая ноги. Тепло разливалось по телу. Клонило ко сну.

— Потом и твои гамаши поправлю,— кивнул он мальчишке из гарцевской группы. — А пока обогревайся!

— Ну как вы там, ребятки, еще не заснули? — спустя какое-то время спросил сапожник. — Примеряй! Первый сорт!

Я навернул высохшие портянки, натянул сапоги — ногам сразу стало уютно.

— Теперь твой черед,— сказал сапожник парнишке. И стал подбирать колодки.

Я вышел на крыльцо. Сонливость как рукой сняло, но чувство неосознанной тревоги не покидало меня.

За избами начинались огороды, за ними под откосом тянулся овраг, по которому проходила наезженная дорога, дальше виднелась березовая роща.

На краю откоса стоял сарай, из-за которого наблюдал наш часовой. Решил подойти к нему. Не успел сделать и пяти шагов, как грохнул выстрел.

— Фрицы обходят, по откосу ползут! Человек двести! — закричал часовой.

Двести против одиннадцати!

Пулей вскочил в хату. Все были уже на ногах. Хватили оружие, вещмешки, фуфайки и выбегали на улицу.

По комнате метался мальчишка партизан. Он был босой... Двое гарцевцев пытались вытащить из намокших ботинок колодки, те ни с места. Сапожник, крестясь, полез в погреб.

За сараем затрещали очереди, зазвенели битые стекла, пули впились в потолок.

Колодки не поддавались. Парнишка растерялся, побледнел, прижался к стенке, с ужасом глядя на происходящее. Раздумывать было некогда. Вырвав из рук парней ботинки с колодками, я крикнул: «Бежим!» — и вытолкнул парнишку в дверь.

Выскочили на улицу, мигом перемахнули через плетень, миновали сад и оказались на другой стороне деревни. Сзади злорадно стрекотали «шмайссеры», хлопали карабины. Правая нога дернулась назад. Споткнулся. Бежать стало неудобно. Что такое? Глянул на сапог — пуля срезала только что прибитый каблук. Хоть опять возвращайся к сапожнику.

Сумерки сгущались. Крепчал мороз. Бедный парнишка! Он бежал босиком по снегу, в кровь обдирая о наст голые ноги.

За садом в поле догнали своих. От карателей удалось оторваться. Стемнело. Над деревней полыхали ракеты, прорезали темень трассирующие пули.

Впереди — покрытая снегом луговина с высоко сметанным стогом посредине.

— К стогу! — приказал Фуфаев.

— Какая-то гадина следила за нами. Опять навела

фрицев, стерва! — на бегу ругался, припадая на раненую ногу, Карцель. — Узнать бы эту сволоту — и к стенке!

— Думаю, что фрицы далеко и не были, ждали в роще. А оттуда в сумерки поползли на деревню, — добавил Фуфаев.

Добрались до стога. Как кстати он здесь оказался! Не дожидаясь команды, натаскали сена, уселись. Двое гарцевцев бросились оттирать снегом красные, как у гуся, ноги мальчишки. Тот порой всхлипывал, но терпел. А набухшие колодки не поддавались, хоть ботинки пополам режь!

— Дай-ка сюда, попробую по-стариковски! — протянул руку Лукашенок.

Вытащив из чехла широченный тесак, он поковырял, поводит им в ботинках между колодкой и боковиной и вытащил проклятые колодки сначала из одного, потом из другого ботинка.

Один из парней гарцевской группы — в памяти не сохранилось его имя — скинул фуфайку и снял нижнюю байковую рубашку. Тут же разорвал ее на портянки, завернул ими ноги мальчишке и надел ему ботинки.

Посидели у стога и снова ушли в ночь — выполнять вторую часть задания.

К утру добрались до сожженной лесной деревушки, где-то на стыке Себежского и Освейского районов. Километрах в двух от нее проходил Освейский тракт. Его гитлеровцы обычно использовали для переброски своих частей перед началом карательных операций.

Карцель с Фуфаевым разбили группу на тройки, назначили старших и поставили задачу. В нашей тройке кроме меня и моего одноклассника — скромного, безотказного Буланова был еще Лукашенок, старшим.

Установить сосредоточение карателей в поселке, лежащем за лесом, на той стороне тракта, — вот что требовалось. Для гитлеровцев этот поселок служил пере-

валочной базой для нападения на партизанские районы.

— Выполните задачу — считайте, что награда уже на груди блестит! — заверил нас Карцель. — До комиссара бригады дойду, но настою на своем.

— Медаль пожалуешь, а может, на орден потянем? Как мыслишь, Семен? — усмехнулся Лукашенко.

— А мы о них как-то и не думаем. Воюем ведь не из-за наград, — тихо, стесняясь, заметил Буланов.

Сказанное было правдой. Партизан наградами не баловали. Они доставались нам дорогой ценой. Да и мысль о том, что ордена и медали существуют и их кому-то и где-то вручают, в голову не приходила.

Помню, когда некоторые из нас получили медаль «Партизану Отечественной войны», были на седьмом небе, казалось, что выше и награды нет. А ведь на счету почти каждого из награжденных был спущенный под откос эшелон врага, уничтоженная техника и живая сила, выигранный бой, десятки операций. Дорого стоили партизанские награды!

...Мы осторожно перешли шоссе и двинулись к поселку. Стояла настороженная тишина, как перед боем.

Двигались медленно. На лесной прогалине, метрах в двадцати от дороги, заметили повозку. Подошли ближе. На поляне чернели обгорелые сани, вокруг них в разных позах лежали семь трупов. Двое взрослых (очевидно, отец и мать) и пятеро детей, мал мала меньше. Запомнилась лежавшая вверх лицом девочка с черной ранкой на виске. Ее широко открытые глаза смотрели в небо.

На дороге, со стороны поселка, раздались автоматные очереди. Мы отошли за шоссе, залегли в кустах и стали наблюдать. Через полчаса от поселка показалась колонна гитлеровцев. Другая колонна с обозами двигалась по шоссе из Себежа.

Впереди шли автоматчики, простреливая кустарники

вдоль дороги. На перекрестке колонны соединились. После короткой остановки одна из них двинулась на Освею, другая — в нашу сторону. Карательная экспедиция началась.

На следующий день об этом было доложено командованию.

НАШИ ЛАЗАРЕТЫ

Часто среди своих боевых друзей, товарищей по оружию, вспоминаю Лену Игнатович — начальника медсанчасти нашего отряда.

Она спасла мне жизнь, хотя на благополучный исход не было почти никаких надежд. Выхаживала меня, поила и кормила с ложечки — полуживого. Наверное, поэтому — всем смертям назло — я выжил.

Лена — коренная себежанка, родилась и выросла в краю голубых озер. Трудным было ее детство. Она рано приняла на себя все заботы по дому и уходу за младшими детьми. Только страстная жажда знаний помогла ей закончить Себежское медицинское училище и стать фельдшером в сельской амбулатории, где месяц спустя застала ее война.

В партизанском отряде она мужественно переносила все невзгоды. И всегда находила ласковые и добрые слова для больных и раненых.

Нелегка партизанская доля, но вдвойне она тяжелее для женщины, да еще медработника. У нас, понятно, не было ни санрот, ни медсанбатов, ни тыловых госпиталей. А раненые есть раненые, где бы они ни были. Их нужно оперировать, лечить, укрывать от воздушных налетов, возить с отрядом в зимнюю стужу и осеннюю слякоть, а нередко тащить на самодельных носилках, изготовленных на скорую руку здесь же в лесу из двух жердей и куска мешковины. Вся ответственность за их

судьбу ложилась на партизанских врачей. Не хватало медикаментов и перевязочных материалов. А рацион питания бывал порой скудный: сухарь да кружка кипятку, и то не всегда...

В последнюю для нас военную зиму свалилась новая беда — сыпной тиф. Особенно много заболеваний было в лесных зимних лагерях, где жило гражданское население, покинувшее свои деревни из-за зверств карателей и ушедшее в леса под защиту партизанских отрядов.

Сыпняк не обошел стороной и наш отряд. В феврале, находясь в дальней разведке, в полусотне километров от отряда, и укрываясь по ночам от лютых морозов в лесных землянках, я заразился тифом.

Вернувшись в лагерь, с пулеметом стоял в секрете, неожиданно почувствовал недомогание и после смены на пост больше уже не возвратился.

Термометр показал сорок.

— Тиф, — определила Лена. — Ребята, живо ведите в санчасть, его надо изолировать.

Санчастью называлась землянка, где лежали больные и раненые.

Болезнь протекала в тяжелой форме. Я метался в жару, часто терял сознание, ничего не брал в рот. Лена не отходила от меня.

— Поезжай быстро в санчасть бригады за врачом и без него не возвращайся! — приказала Лена санитару Сыроваткину.

Приехал бригадный врач, капитан медицинской службы. Диагноз подтвердился. Врач дал необходимые рекомендации и уехал.

Руководил медицинской службой бригады коммунист Александр Матвеевич Селезнев. Его заботами был создан походный госпиталь, который работал летом на колесах, а зимой на санях. Скромный госпиталь излечил и поставил в строй не один десяток бойцов. И это при

отсутствии или нехватке медикаментов и перевязочного материала! В немыслимо сложной обстановке самоотверженно трудились бригадный хирург Григорьев, врач Зарубина, медсестры Никоненок, Мартыненко, Размылова.

Сам Александр Матвеевич регулярно и зачастую в одиночку делал обходы отрядных санчастей, отстоявших на несколько километров одна от другой. При этом он рисковал наткнуться на засаду карателей.

«Наш доктор», «дядя Саша» — так называли мы его. А было «дяде» всего-то двадцать четыре года!

Чтобы поддержать деятельность сердца, Лена каждые два часа делала мне уколы камфоры. Разжимая мои зубы металлической пластинкой, старалась влить в рот мучной ржаной суп — больше никакой пищи не было.

Начало марта было отмечено новой карательной экспедицией. Гитлеровцы уже в который раз пытались разгромить 1-ю и 7-ю Калининские партизанские бригады.

Больных и раненых уложили на сани и повезли вместе с отрядом. Лена шла рядом, не покидая нас во время боев и обстрелов. Только на третий день, когда ценой больших усилий и потерь бригаде все же удалось задержать карателей, появилась возможность обогреть раненых и больных, дать лекарства, поправить повязки.

Лена с санитарями и младшей своей сестрой Фросей, четырнадцатилетней партизанкой, перенесли нас с саней в одну из оставленных лесных землянок и стали кипятить воду. В это время над лесом низко пролетел вражеский самолет-разведчик, по-нашему «костыль».

— Немедленно раненых в лес! — приказала Лена санитарам.

Едва нас успели поднять с нар и уложить прямо на снег в ближайшем ельнике, как пронзительно завыли черные «мессеры», поливая землянки и повозки пуле-

метным и пушечным огнем. Сделав три захода, они скрылись.

Благодаря расторопности и распорядительности Лены мы и на сей раз остались в живых. Но обозные лошади были перебиты. Сначала на руках, потом на связанных жердях нас понесли по болотам.

Собрав в кулак силы, партизаны прорвали кольцо карателей и ушли в Юховичские леса. И все это время нас, лежащих, беспомощных, оберегала Лена.

Я был в бреду. Наступал кризис. Пришел в сознание в землянке под местечком Ардавское, куда тифозных привезли после прорыва. Там с меня хотели стащить намокшие валенки. Острейшая боль пронзила всего насквозь. Валенки пришлось разрезать. Ноги покраснели и распухли: начался тромбофлебит.

Бригада маневрировала в Россонских и Освейских лесах, отбиваясь от карателей. Возить нас с собой больше не было возможности. Тяжелобольных и раненых оставили в лесных землянках под Юховичами на попечение местных жителей. Лежал я в землянке изолированно.

В одну из мартовских ночей за лагерем неожиданно поднялась автоматная стрельба, ввысь взметнулись осветительные ракеты. Перепуганные жители выскочили из землянок и бросились в лес, пытаясь найти там убежище.

Я был в полусознании, все происходило как в кошмарном сне. Но помню, как достал гранату, вставил взрыватель, как-то ухитрился сползти с нар, отворил плечом дверь и выполз на снег.

Решил: живым не дамся! За землянками, где-то рядом в лесу, раздавались душераздирающие вопли, детский плач, выкрики команд, автоматные очереди. Каратели расправлялись со своими жертвами.

Определив, где стреляют, пополз в обратную сторону, к ельнику, разгребая снег руками, — рукавицы остались

в землянке. Ползком добрался до чащобы, прижался к дереву, приготовил гранату. И потерял сознание. Когда очнулся, уже рассвело. Криков и выстрелов не было слышно. Я не смог сориентироваться, где нахожусь. И пополз наугад по ельнику. Полз медленно, сознание мутнело, силы покидали меня. Добрался до какой-то ложбины. Над поляной струились испарения.

Пряный запах свежей крови ударил в голову. Появилась тошнота. И тут же разглядел ужасающую картину. Десятки окровавленных трупов — дети, женщины, старики — устлали в разнообразных позах свое последнее прибежище. Здесь беззащитных людей настигли каратели и учинили кровавую бойню.

Вдруг мне показалось, что слышу слабый плач. Прислушался. Всхлипывания слышались все явственнее. Пополз между трупами туда, откуда доносились привлекавшие внимание звуки.

Всхлипывал, захлебываясь в крови, сочившейся из горла, мальчик лет трех-четырех, прижавшийся к телу убитой матери. Он был еще жив. Пуля карателя, убив мать, застряла в его шейке.

Полные ужаса глаза мальчика смотрели на меня. Я оттащил его от мертвой матери, обхватил тельце левой рукой и пополз к опушке. Сколько времени полз — не помню.

Нас подобрали на лесной тропе партизаны и привезли в лагерь, где укрывались мирные жители.

Мальчика вывели. Он оказался сыном партизана нашей бригады. Весной самолетом отправили его в советский тыл.

В начале апреля вновь началась карательная экспедиция. Стянув к месту боев снятые с фронта крупные армейские соединения, фашистское командование на этот раз рассчитывало одним ударом покончить с партизанами: намеревалось загнать партизанские отряды в непроходимые болота и там уничтожить.

Бригада готовилась к прорыву кольца блокады. Нас, тяжелобольных и раненых, оставили в двух потайных землянках, отрытых на острове лесного болота. Тайники замаскировали под молодой ельник. В каждой землянке оставили по два котелка воды и по половине каравая ржаного хлеба.

В тайнике мы пролежали десять дней. Вокруг рыскали каратели. Полуживыми нашли нас бригадные разведчики и принесли в лагерь под Моторино, где моя болезнь еще раз повторилась, начался так называемый возвратный тиф...

Рядом со мной в землянке лежал в тифу пулеметчик нашего отряда с редкой фамилией Звонко. У него началось потемнение пораженной стопы, потом голени. Гангрена!

Потемнение шло выше и выше. Выхода не было, и Звонку прямо в лесу под открытым небом простой ножовкой, без всякой анестезии бригадный врач ампутировал ногу. Лена ассистировала.

Надо отдать должное мужеству Звонка — он не проронил ни звука. Под Идрицу, в район расформирования бригады, он прибыл на костылях, без ноги, но жизнь ему была спасена.

В бою под Моторином, когда фашисты пытались выбить наш отряд из лесного лагеря, был тяжело ранен восемнадцатилетний пулеметчик третьего взвода Александр Хоменок. Он до последнего патрона отбивал атакиседавших врагов. Когда кончились патроны, приготовил гранаты на случай новой атаки, и в этот момент фашистская пуля ударила его в плечо, расколола приклад пулемета, пробила все тело и вышла в боку ниже подреберья. Хоменок умирал на руках у Лены в полном сознании.

— Лена, жить хочу, — повторял он. — Дай пить... Пить...

Молодой организм отчаянно боролся со смертью, но

ранение было роковым: пуля пробила легкие, печень, кишечник.

— Сашенька, дорогой, будешь жить... На самолете тебя отправим за линию фронта, там тебя вылечат... Сегодня ночью прилетит самолет, — утешала его Лена. — Мы еще погуляем на твоей свадьбе, такую польку станцуем, что все завидовать будут...

— Нет, не станцуем, Леночка.

Лена зарыдала. Смерть Хоменка оставила глубокий след в моей памяти на всю жизнь.

Кризисное состояние у меня прошло, но все перенесенное не осталось без последствий. Левая нога не действовала, коленный сустав не разгибался. Самостоятельно передвигаться я не мог.

В семнадцать лет — калека! Сознание своей неполноценности угнетало меня, в особенности после неудачной попытки отправить меня за линию фронта на самолете, когда буквально за несколько минут до того, как нас должны были посадить в кабину По-2, вынырнувшие из-за леса немецкие ночные истребители подожгли его на земле. Хорошо еще, что, услышав шум приближающихся самолетов, Лена успела в считанные секунды отогнать повозку в лес.

Однажды Лена пришла в землянку, где я лежал, и, улыбаясь, потребовала:

— Вставай, залежался, будем учиться ходить. Михаил! — сказала она Сыроваткину. — Бери его под руку с одной стороны, а я с другой. Надо расхаживать ногу, разрабатывать суставы, — уговаривала она меня. — Становись на больную ногу. Смелее!

Привстав, я попробовал опереться на кончики пальцев. Жуткая боль ударила в голову, сознание померкло. Когда очнулся, Лена сидела рядом.

— Вот видишь, первый шаг сделал, дальше будет легче. А ходить надо, иначе останешься без ноги, — настаивала она. — Заболевание тяжелое, поражены крове-

носные сосуды, это опаснее и мучительнее, чем пулевые и осколочные ранения ног. Болезнь останется на всю жизнь. Мужайся! Ты должен знать правду и принимать судьбу такой, какова она есть. Готовь себя к этому. Все зависит от твоей воли. Понял?

Так серьезно со мной она еще никогда не говорила.

— Михаил, к завтрашнему дню сделай ему костыли, да чтобы они были удобными и легкими.

— Будет сделано, — отозвался Сыроваткин.

Назавтра, преодолевая боль в суставах, с помощью Лены и Михаила я учился ходить. Стиснув зубы от боли, приказывал себе: «Надо! Надо! Ты должен!»

Через несколько дней при поддержке Сыроваткина я уже мог раз-другой пройтись вокруг землянки. Выбрав свободную минуту, Лена наблюдала за нами, подзадоривала:

— Пусти его одного! Он уже совсем молодец, видишь, как уверенно идет!

— Пока слаб в коленках, — ухмылялся Михаил, — но через пару недель я ему уже больше не провожатый.

Сыроваткин был санитаром еще во время финской войны. Балагур и настоящий добряк, он мог быстро и ловко сделать любую перевязку, аккуратно вынести раненого из боя, напоить и накормить его с ложечки, а когда нужно, лечь в цепь с винтовкой или пулеметом — тем и другим оружием он владел одинаково хорошо.

Через месяц я ходил уже с одним костылем, суставы постепенно начали разгибаться, а ноги — слушаться.

Потом Лена приказала Сыроваткину отобрать и этот костыль, взамен которого мне вручили березовую палку.

— Теперь ты как божий странник с посошком, — шутил Михаил, а сам радостно улыбался: наверно, вспоминал, как совсем недавно нес меня, полуживого, по лесным завалам и буеракам.

А через полмесяца Лена отобрала мою последнюю

«трость», с которой, честно говоря, страшновато было расставаться.

— Теперь тебя хоть на парад посылай,— подбадривала она. — Но в строй пока не пойдешь.

И меня определили к бригадной рации в помощь радистам, где я пробыл до соединения бригады с частями Советской Армии.

После расформирования Калининских партизанских соединений в июле 1944 года Лена уехала работать фельдшером в Идрицу, где в местной больнице трудится по сей день.

Я попросился в действующую армию и уехал на фронт.

Уже много лет отделяет всех нас от тех незабываемых событий. Выросло новое поколение. У меня растет сын — студент Ленинградского технологического института.

Но тому, что я жив и не остался калекой, воевал до конца и тружусь по сей день, я обязан Лене — замечательной девушке-себежанке с доброй душой, советской патриотке.

ДАЛЬНИЙ РЕЙД

Жили Виноградовы на хуторе скромно, занимая одну комнату в сельской избе. Учился Кронид прилежно, вставал рано: в школу приходилось ходить за пять километров. Ни зимняя стужа, ни осенняя слякоть не были ему помехой.

В сорок первом году он окончил десятилетку. Вечером 21 июня в школе начался выпускной бал, веселье затянулось до утра. На рассвете счастливые, повзрослевшие выпускники в последний раз собрались на берегу реки Великой и обещали друг другу хранить школьную дружбу.

А днем узнали: война!

Безмятежной жизни пришел конец. Фронт приближался быстро.

Отступающие войска, рев самолетов, бомбежки, раненые на машинах — все менялось, как в кошмарном калейдоскопе.

Десятого июля фашистские войска форсировали реку Великую и вступили в горящую Опочку. Их моторизованные колонны устремились на Новоржев и Порхов, Кудеверь и Локню.

Для утверждения «нового порядка» в Опочке оккупационные власти в спешном порядке стали формировать свою администрацию, привлекая для этой цели предателей, уголовников и прочих подонков.

Кронид вместе с матерью жил дома, перебиваясь случайными заработками. Ни он, ни его одноклассники, не успевшие эвакуироваться в глубь страны, не пошли в услужение к оккупантам. Многие из них жили на полуправильном положении и, как могли, саботировали мероприятия гитлеровцев и их пособников.

Весной 1943 года Кронид Виноградов стал партизаном.

Он быстро освоился в новой среде и подружился со смелыми, задорными парнями --- вчерашними учащимися, трактористами, хлеборобами, строителями, а теперь бойцами партизанских отрядов 7-й бригады, многих из которых он знал еще до войны.

Вместе с ним партизанил его друг и одноклассник Михаил Ерофеев, будущий командир их отряда, сформированного почти исключительно из опочецкой молодежи.

Отряд в то время дислоцировался в деревне Коклино Идрицкого района. Его задачей было проведение диверсий на коммуникациях противника.

Отрядом командовал Шмидт. Скромный по натуре, обходительный в обращении с подчиненными, в боевой

обстановке он был решительным и смекалистым командиром. Начальником штаба был Кодаковский, человек исключительной храбрости и доброты.

Виноградов вошел в дружный партизанский коллектив и быстро освоил премудрости диверсионной работы, которая, как правило, требовала умелого применения самых разнообразных подручных и трофейных средств. Изготовление и закладку самодельных неизвлекаемых мин, стрельбу из «бесшумки» по часовым и многие другие «тонкости» он усвоил четко.

В октябре их отряд участвовал в разгроме гарнизона карателей в Дутчине. Находясь в засаде на большаке Дутчино — Невель, партизаны не должны были допустить резервы противника к месту боя.

В Дутчине шел упорный ночной бой. Над горизонтом полыхало багряное зарево. Яростная стрельба, глухие взрывы не прекращались там уже более двух часов.

А в это время Кронид со своей группой минировал большак. Виноградов полз впереди, впотьмах ощупывая прибитый дождем грунт.

— Здесь,— сказал он шепотом напарнику, показывая место на середине колеи. Быстро отрыли лунку, заложили взрывчатку, поставили взрыватель, засыпали мину землей, сравнив ее с дорожным полотном.

Медлить было нельзя, с минуты на минуту могли подойти резервы гитлеровцев. До полуночи успели заминировать участок дороги в несколько десятков метров.

А наутро на минах подорвались два «мерседеса» с солдатами, спешившими на помощь к дутчинскому гарнизону, которого больше не существовало.

После рейда на Дутчино Виноградова вызвал к себе Кодаковский.

— Посоветовались мы с командиром и решили назначить тебя командиром специальной подрывной группы дальнего действия,— начал начальник штаба.—

Большинство шоссейных дорог, идущих к линии фронта и вдоль нее, выведено нами из строя, поэтому гитлеровцы вынуждены были увеличить свои перевозки по железным дорогам. В задачу группы, как сам, наверное, догадываешься, будет входить организация диверсий на железных дорогах Рига — Новосokolьники и Дрисса — Бигосово.

— Кронид молча кивнул головой, задача была ему понятна.

— Но... — Кодаковский сделал многозначительную паузу. — Вам придется действовать автономно, на большом удалении от своих баз. Дело серьезное, поэтому мы решили предварительно переговорить с тобой, выяснить, как ты отнесешься к нашему предложению. Повторяю, не согласен — неволить не станем. Подумай, ответ дашь завтра, — закончил Кодаковский.

— А мне не надо обдумывать. Все ясно, благодарю за доверие! — ответил Кронид.

Так началась полная опасностей и постоянного риска работа подрывной группы Виноградова на железнодорожных магистралях.

Подойти к полотну дороги было не просто трудным, но почти невероятным делом. На расстоянии двухсот метров в каждую сторону находились полностью очищенные от леса и кустарников полосы, через каждые сто — двести метров по обе стороны полотна фашисты построили дзоты и блиндажи с пулеметами и минометами. Ночью полотно и прилегающая к нему территория освещались ракетами, простреливались трассирующими пулями. Днем дорогу патрулировали усиленные охранные группы с собаками, контролировали воздушные разведчики. Фактически это была оборонительная полоса, по количеству инженерных сооружений, по насыщенности огневыми средствами не уступающая оборонительной линии переднего края противника на настоящем фронте.

Почти каждый состав сопровождали или вражеский бронепоезд, или танки на открытых платформах, или конвоиры в бронированных вагонах.

В конце декабря фашисты начали против нас крупную карательную операцию. В ней кроме охранных войск групп армий «Север» и «Центр» участвовали снятые с фронта части вермахта.

Партизаны были блокированы в лесах, отрезаны от продовольственных баз. Противник наседал со всех сторон.

Для прорыва была создана сводная штурмовая группа. Ночью она пошла на штурм. Бойцы стремительно ворвались в траншеи карателей, навязав им рукопашный бой. В ход пошли ножи и гранаты.

— Кронид, помоги! — крикнул автоматчик, пытавшийся вырвать ручной пулемет из рук гитлеровца, который остервенело бил партизана кованым сапогом. Виноградов подскочил к нему, сверкнул финский нож — и каратель отвалился от пулемета.

Кольцо вражеской блокады было прорвано, бригада вышла из окружения.

После успешного осеннего наступления наших войск фронт вплотную приблизился к районам действия Калининских партизанских бригад и стабилизировался на линии Пустошка — Невель — Полоцк.

С учетом сложившейся обстановки часть партизанских подразделений решено было вывести в советский тыл, среди них был и отряд Шмидта. Но за линию фронта ушла только половина бойцов во главе с командиром. Другие остались в Юховичских лесах и стали костяком вновь сформированного отряда, который возглавил Ерофеев.

Холодную зиму сменила затяжная и голодная весна. Операции на коммуникациях не прекращались. Подрывные группы по-прежнему действовали на дорогах.

Готовясь к длительной обороне, гитлеровцы зимой

сорок четвертого года начали спешно восстанавливать идущую вдоль фронта железную дорогу Опочка — Идрица — Полоцк, а весной открыли по ней движение, пустив составы с техникой и живой силой.

Чтобы сковать движение на дороге, штаб бригады спланировал ряд диверсий по взрыву эшелонов противника.

В мае комсомольцы отряда на своем собрании приняли обязательство — взорвать эшелон противника на железнодорожной линии Идрица — Полоцк. Желающих было хоть отбавляй. Выполнить задание доверили Ивану Белову, Ивану Корнилову по кличке Идрицкий и Евгению Котову.

— Возглавить группу поручим секретарю комсомольской организации, — предложил присутствовавший на собрании Ерофеев. — Есть другие предложения?

Комсомольцы смотрели на Кронида.

— Нет! Согласны! — слышались одобрительные возгласы. Все подняли руки.

— Поручение почетное для нас, и мы его выполним! — поклялся Виноградов, закрывая собрание. — Выход группы завтра!

— Вот здесь, за озером, у выемки, надо свалить состав и закупорить дорогу, — уточнил Ерофеев, показывая на карте-«сотке» место на железнодорожной ветке, намеченное для диверсии.

— Сейчас бездорожье, грязь, разливы, грунтовые и шоссейные дороги разбиты. Грузы и войска враг перебрасывает по «железке». Мину поставите при выходе из выемки. Движение по дороге днем интенсивное, постарайтесь заложить взрывчатку ночью и до утра перебраться за озеро. Оттуда наблюдайте за результатом своей работы...

Путь был тяжким и долгим. Преодолев восьмидесятикилометровый путь, усталые и промокшие, подрывники подошли к озеру.

Возле пепелища, на берегу, нашли припрятанную в кустах рыбацкую лодку, столкнули ее на воду.

— Ой! Не потечет ли посудина? — усомнился Котов, усаживаясь на корму. — Четверых не выдержит. Как бы не пришлось с толом вплавь до берега добираться!

— Просмолим днище в другой раз! — шутливо бросил Кронид. — Поехали! — Озеро переплыли спокойно.

Лодка ткнулась носом в берег. Выпрыгнули, прислушались. Кругом было тихо. Метрах в двухстах от берега просматривалось полотно дороги.

— Цепочкой, за мной! — приказал Кронид. — Бегом!

Перебежками достигли насыпи. Мину заложили быстро, засыпали щебенкой и стали отходить к озеру.

— Кажется, все, — с облегчением вздохнул Котов.

— Это только полдела! — возразил Белов.

— А ягодки впереди? — усмехнулся Кронид.

— Думаю, да.

Издали уже доносилось методичное постукивание. Ребята насторожились. Послышался нарастающий шум поезда. Через несколько минут из-за поворота выскочил паровоз.

В сумрачном небе полыхнуло зарево, раскатистый взрыв потряс ночную тишину. Локомотив начал медленно сползать с насыпи, увлекая за собой площадки с зенитками. Платформы с танками громоздились на вагоны с боеприпасами, мяли их и вместе летели под откос. Загорелись цистерны с горючим. Начали рваться снаряды.

На насыпи поднялась беспорядочная стрельба. Обезумевшие от страха солдаты конвойной команды стреляли куда попало.

Ребята радостно переглянулись.

— Быстро в лодку! — распорядился Виноградов.

Налегли на весла. Между камышами добрались до берега, пристали к зарослям. Выпрыгнув из лодки, бы-

стро двинулись в путь. Шли напрямик, без отдыха, стараясь засветло добраться до переправы.

Вода хлюпала в сапогах.

— Не могу,— проговорил Котов, с трудом вытаскивая ноги из глинистой жижи. — Давайте отдохнем.

— Пять минут привал! — приказал Кронид.

— Хотя бы минут пятнадцать,— умоляюще произнес Котов. — Сил нет идти.

— Нельзя терять ни минуты. Не выйдем на переправу — прижмут нас к реке. Тогда конец! Идрицкий, возьми у него карабин, а ты, Белов, вещмешок.

— Пошли!

Дальше двигались без остановок. День клонился к вечеру. Вдали за кустами мелькнула полоса реки. Паводок заливал берега, поросшие ивняком.

— Иван! — подозвал Виноградов замыкающего Белова. — Вспомни! Прошлым летом ты проходил по этим местам с разведгруппой. Должен знать, где были бревенчатые лавы. Пойдешь первым. Разведаете. Кажется, мы взяли слишком влево. А пока выльем воду из сапог, перекурим.

Белов ушел. В это время сзади все отчетливее стал доноситься отрывистый собачий лай.

— Погоня! Кончай курить! К реке, по кустарнику, живее! — скомандовал Виноградов.

На берегу их встретил Белов.

— Лавы правее по течению километра на два! Что будем делать, командир? Но здесь у хутора есть брод. Я покажу!

Лай приближался, уже были слышны крики гитлеровцев.

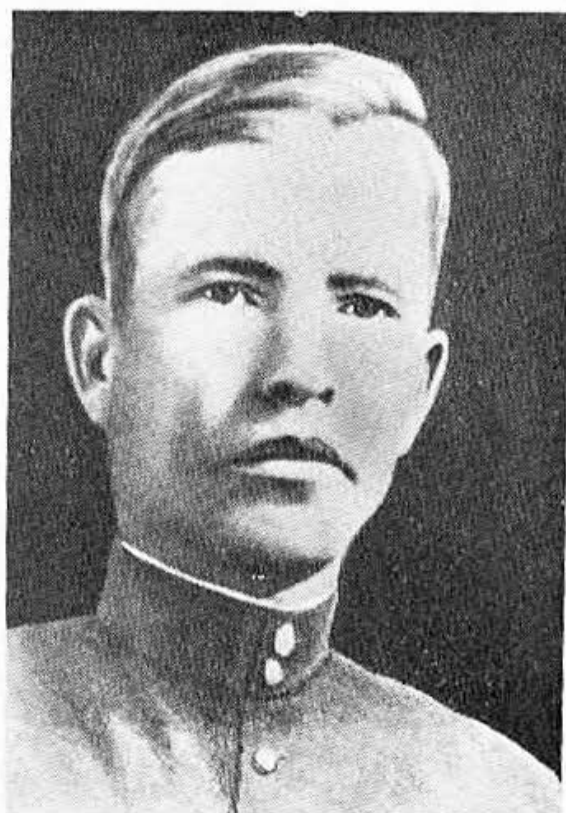
— Веди! Ребята, бегом!

Добежав до места, где летом был брод, Кронид приказал:

— Все в воду, на тот берег! Быстро! Я их задержу. Гитлеровцы были уже рядом.

Будущие партизаны — ученики 5-го класса Кротовской семилетней школы. В первом ряду справа: крайний — Николай Минин, второй — классный руководитель Г. Н. Веселов, третий — Николай Павлов; во втором ряду третий слева — Михаил Григорьев. Кротово. 1936 год.

В. Д. Дунаев, первый секретарь
Идрицкого подпольного райкома
ВКП(б), комиссар 1-й Калинин-
ской партизанской бригады.

Ф. Т. Бойдин, командир 1-й, затем
4-й Калининской партизанской
бригады.

Партизанские командиры. В центре — раненый — комиссар Калининского партизанского корпуса А. И. Штрахов.

Ф. П. Гринев, комиссар 7-й Калининской партизанской бригады (довоенное фото).

Д. А. Козлов, командир 7-й Калининской партизанской бригады (предвоенный снимок; курсант Минского военного училища).

В. Ф. Задерин, командир отряда, затем 7-й бригады. Погиб в сентябре 1943 г. (довоенное фото).

Олег Смирнов.

Лена Игнатович.

Утро в Партизанском крае:
везут боеприпасы.

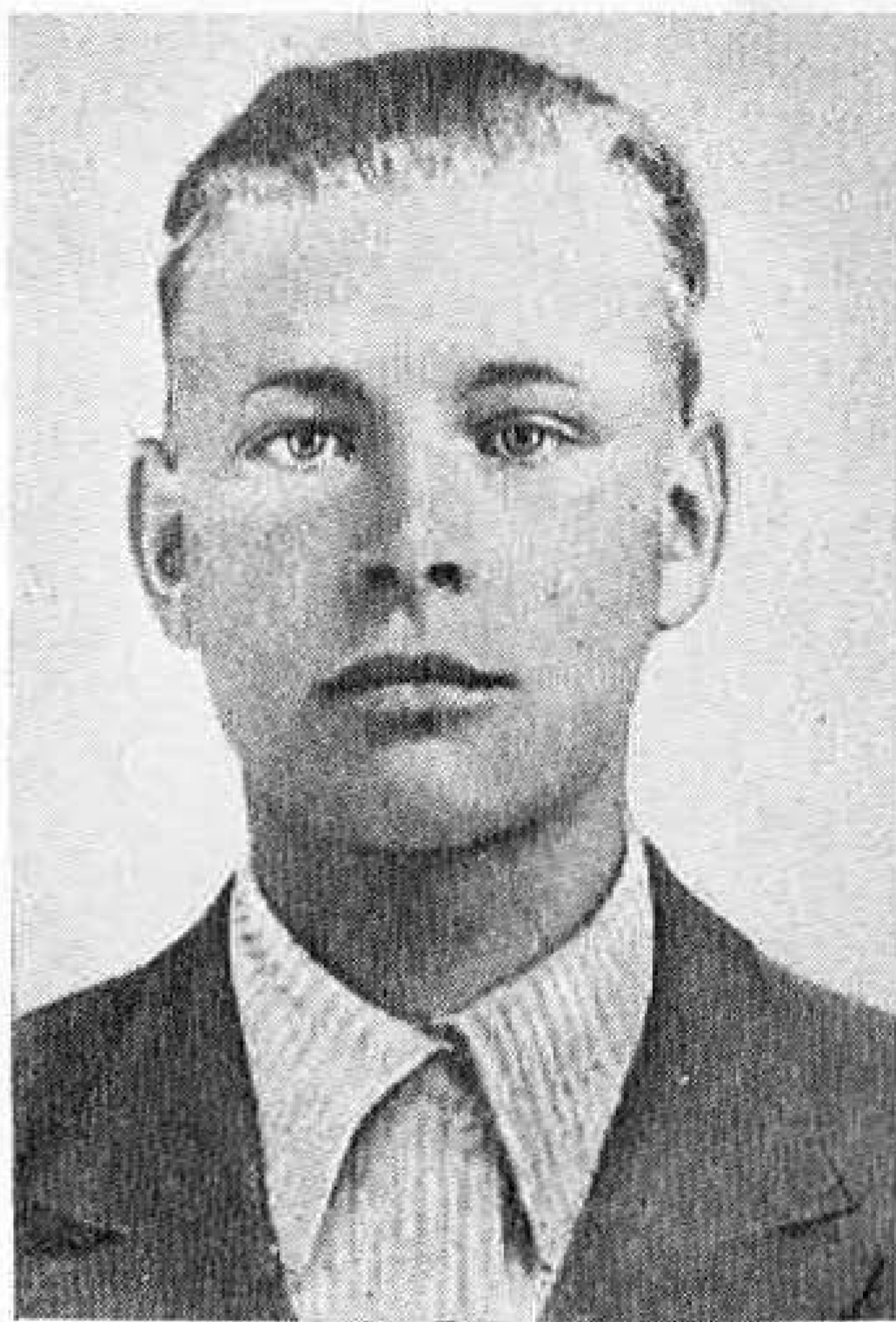
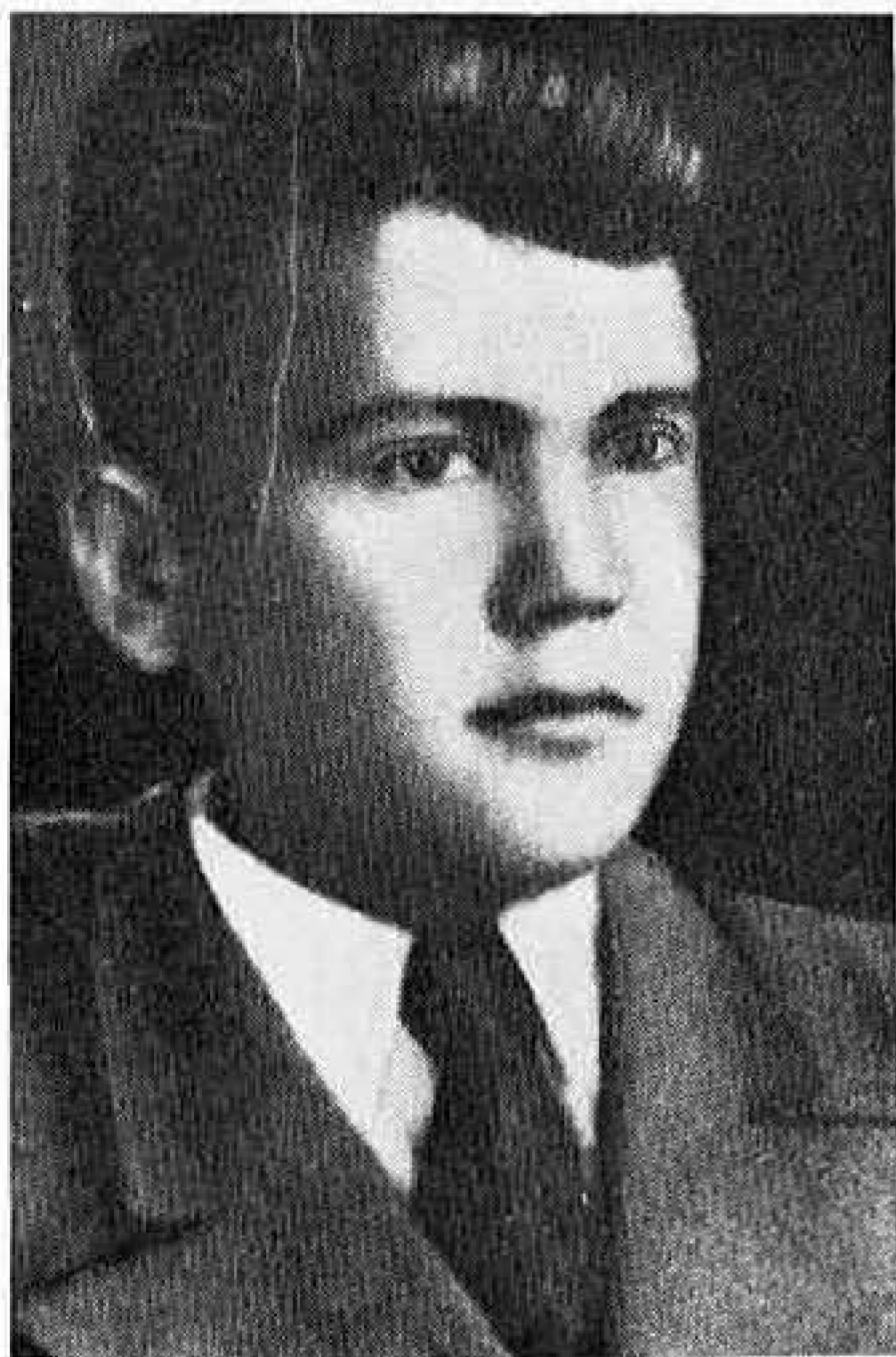

Алексей Малашонок.

Вышла свежая стенная газета.

Василий Семенов.

Михаил Товолович. Погиб в марте
1943 г.

А. Р. Соловьев, заместитель ко-
мандира 7-й Калининской парти-
занской бригады по разведке
(послевоенное фото).

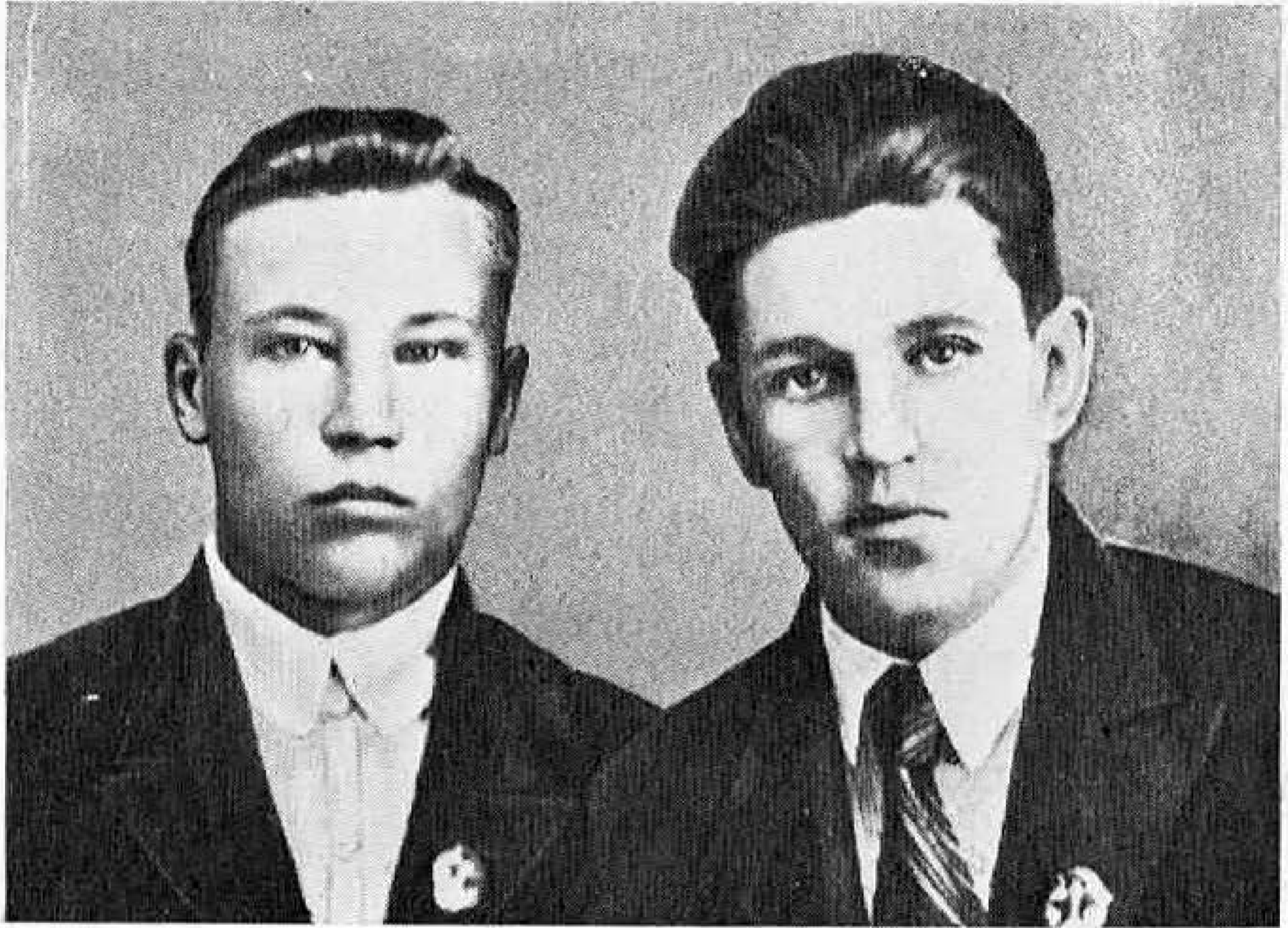

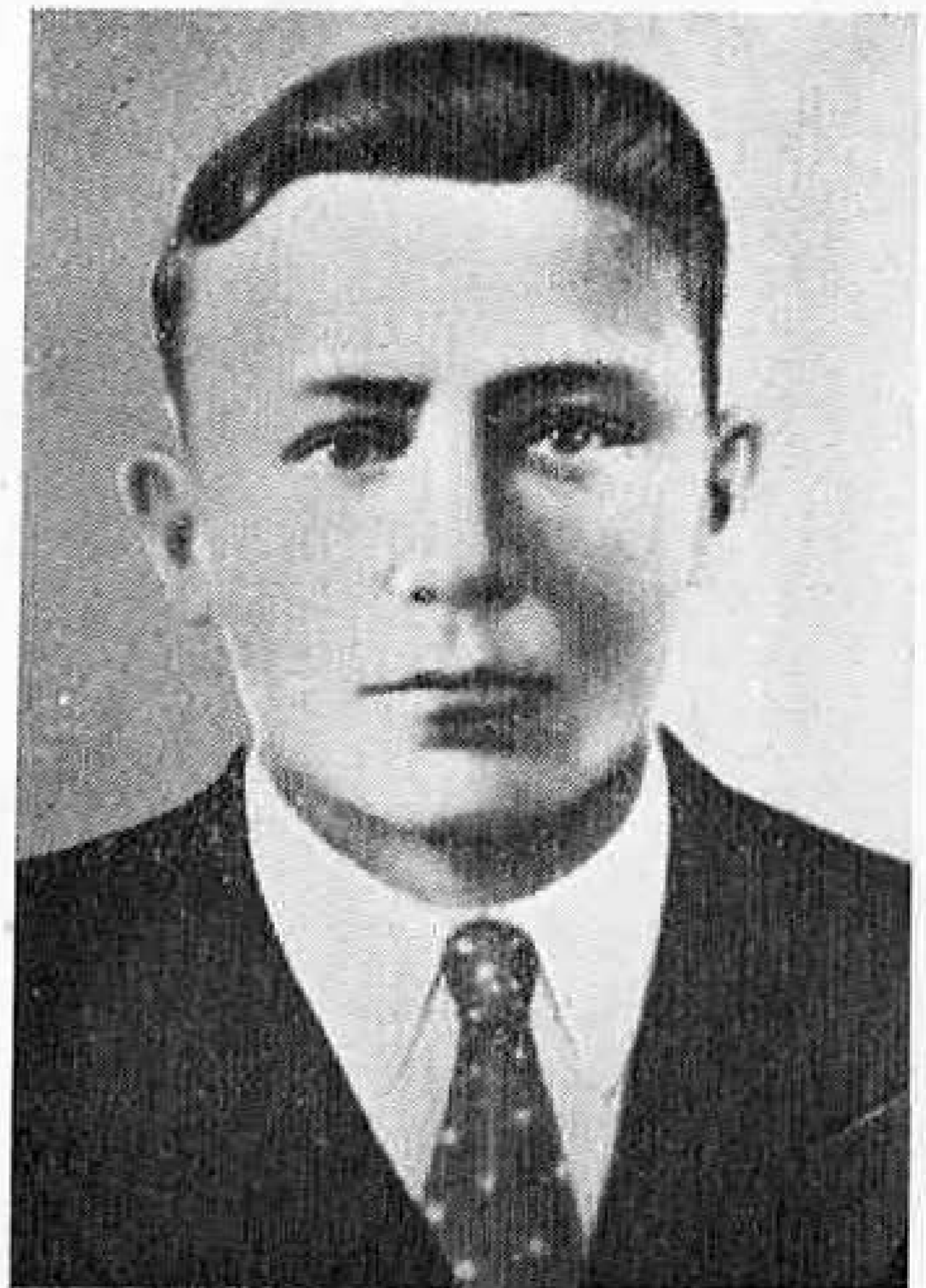
Антонина Урцева, первый секретарь Идрицкого подпольного райкома ВЛКСМ, помощник комиссара 1-й Калининской бригады по комсомолу (послевоенное фото)

В партизанском рейде.

Михаил Ерофеев и Кро-
нид Виноградов.

Михаил Григорьев. По-
гиб в марте 1944 г.

Василий Макеев.

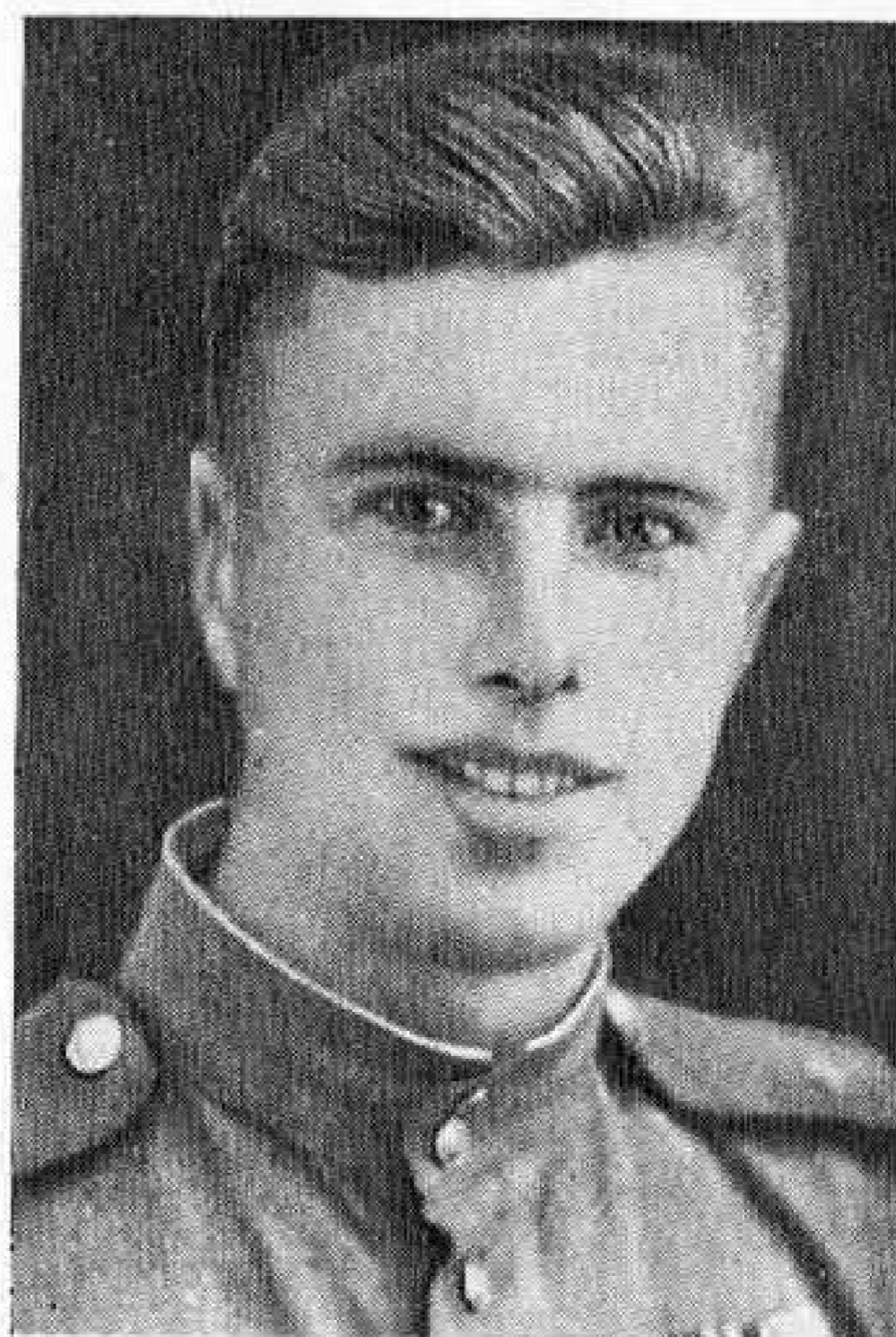
В последний путь.

Александр Ефименок.

Александр Звонок.

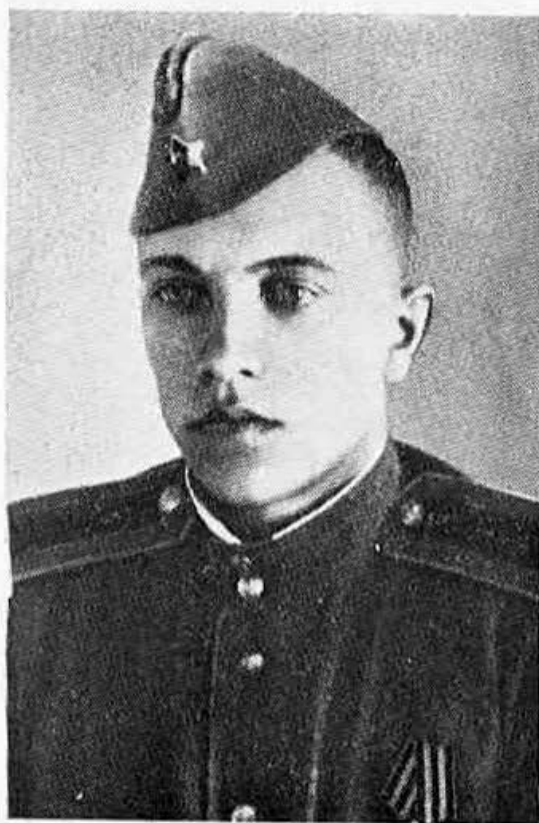
Николай Дмитриев.

Осваивают новое оружие.

Леонид Романов.

Виталий Скульский.

А. С. Кулеш, первый секретарь Себежского подпольного райкома ВКП(б), комиссар 5-й Калининской партизанской бригады.

В. И. Марго, командир 5-й Калининской партизанской бригады.

С. Д. Буторин, командир 11-й Калининской партизанской бригады.

А. А. Козлов, первый секретарь Красногородского подпольного райкома ВКП(б), комиссар 10-й Калининской партизанской бригады.

Н. М. Вараксов, командир 10-й Калининской партизанской бригады.

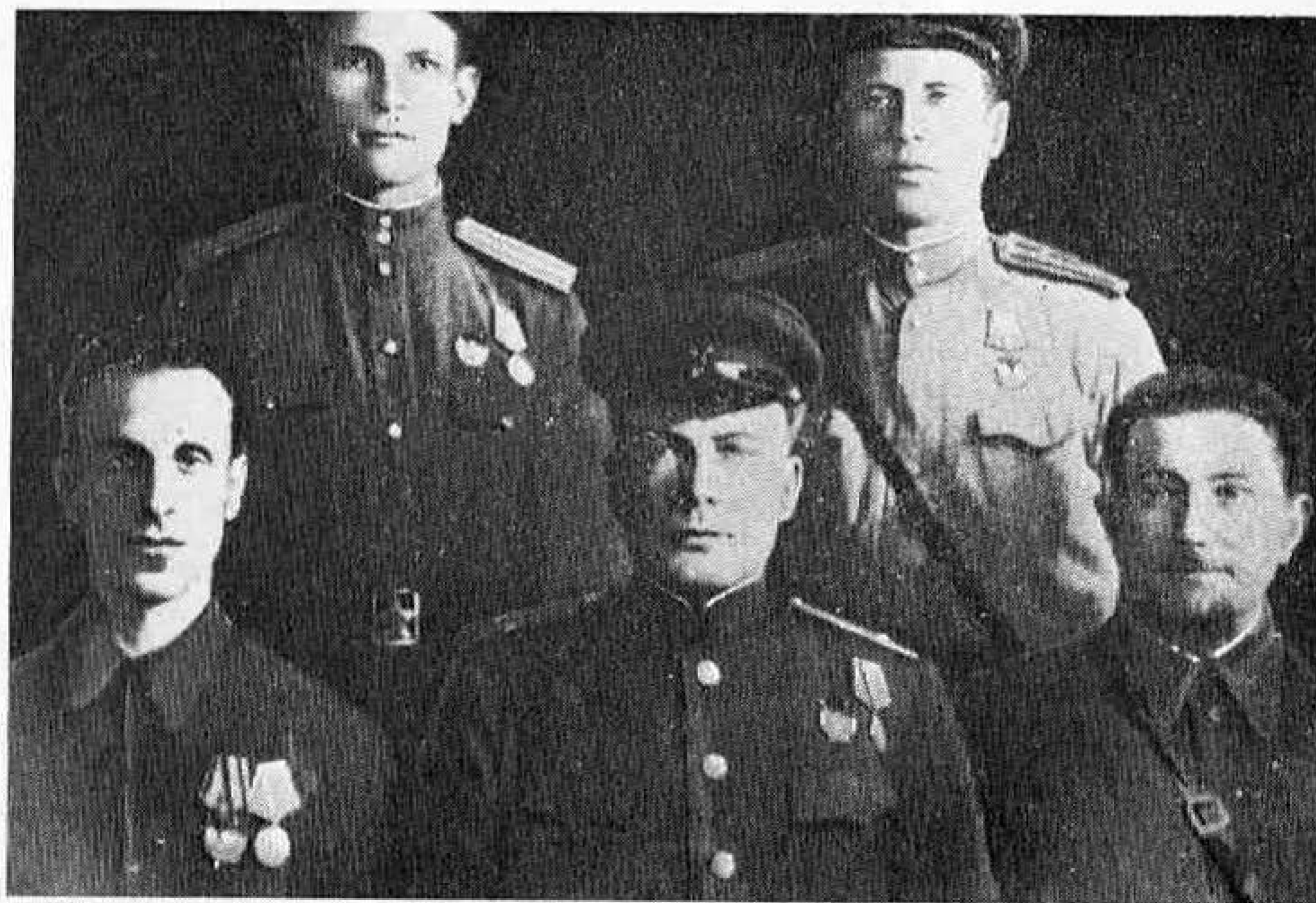
Кронид Виноградов.

Николай Макеенок.

Руководители 3, 4, 5-й Калининских партизанских бригад. Сидят (слева направо): А. С. Кулеш, А. И. Штрахов (представитель штаба партизанского движения), В. И. Марго; стоят: А. М. Гаврилов и Ф. Т. Бойдин.

Руководство 5-й Калининской партизанской бригады. В центре — В. И. Марго.

Группа партизан отряда В. Ф. Рыбакова.

Первой очередью Кронид сразил вырвавшуюся вперед овчарку и ее проводника. Враги залегли в кустарнике.

— Партизан, сдавайся! — кричал голос из кустов. Гитлеровцы поднялись.

— Не возьмете, сволочи!

Кронид нажал на спусковой крючок. Стрелял из-за кочки короткими очередями. Двое солдат упали, остальные отстреливались, отступая.

Диск кончился. Кронид достал из подсумка другой, перезарядил автомат, посмотрел на реку. Ребята по горло в воде приближались к противоположному берегу.

Четверо гитлеровцев стали подбираться к нему ползком, намереваясь взять живым. Кронид поднялся и метнул в них гранату. В этот же миг жгучая боль потрясла его: автоматная очередь карателя достигла цели — одна пуля пробила Крониду легкое, другая застряла в шее. Стало тяжело дышать. Превозмогая боль, он еще раз посмотрел на реку: ребят уже не было видно. «Переправились, — подумал он. — Молодцы!» Затем перевалился на бок и пополз к реке, волоча за собой пустой автомат.

Холодная вода прибавила ему сил, и он, борясь с течением, пошел, шатаясь, к другому берегу, оставляя за собой красный след.

Собрав последнюю волю, хватаясь за ветки ивняка, выбрался на берег и пополз между кустарником. Так добрался до лесных землянок. Там его нашли партизаны. Наскоро наложив повязки, они уложили своего командира на самодельные носилки и принесли в лагерь.

Через двое суток началась карательная экспедиция. Отряд отступил. Тяжело раненного Кронида и еще двух раненых оставили в потайной землянке, замаскирован-

ной сверху мхом и ельником, где они просидели пять суток.

Карательная экспедиция провалилась.

Раненых партизан привезли в отряд. А неделю спустя Ерофеев самолетом отправил Виноградова на Большую землю. Потом он лежал в полевом госпитале под Невелем, в эвакогоспитале во Владимире, там Кронида оперировали и извлекли пули.

Он не только выжил, но и снова встал в строй. В октябре сорок четвертого был направлен в войска МВД. Там прослужил до 1948 года. Потом учился: окончил заочно учительский, а затем педагогический институт имени Герцена в Ленинграде.

Вот уже двадцать восемь лет работает директором школы Кронид Михайлович Виноградов — бывший партизан, награжденный орденом Красной Звезды.

КОМСОРГ

Поздний телефонный звонок поднял меня с постели. Прорываясь сквозь помехи, далекий мужской голос настойчиво спрашивал мою фамилию. Я отозвался.

— Олег! Помнишь Седьмую бригаду, Малюзино, Дутчино, наших ребят? — продолжал незнакомец.

Тридцать с лишним лет минуло с тех пор, не было в живых большинства партизан-сверстников, а далекий голос вновь напоминал о незабываемой суровой поре.

— Это я, Малашонок! — сказал голос и умолк.

Малашонок? Живой! Наш партизанский комсорг, фронтовой кореш, спасший мне жизнь!

Воспоминания опять вернули меня к грозным дням нашей юности.

...Над сизоватой сосновой пущей занималась ранняя июльская заря. Только прерывистый клекот глухаря, изредка доносившийся с лесной луговины, нарушал предрассветную тишину.

Близ железнодорожного полотна за кучей сухого ольховника укрылись трое: командир отряда Булыгин, комиссар Наумов и комсорг Малашонок. Слева от них на путях мерцали сигнальные огни товарной станции Заваруйка, охраняемой усиленным гарнизоном; справа — Зуевский переезд; сзади простиралась широкая лесная вырубка, за которой начинался густой сосняк. Там на опушке залег взвод прикрытия.

Ночью наши партизаны заложили под рельсами мину натяжного действия: 152-миллиметровый гаубичный снаряд и шашку тола с взрывателем. В руке у Малашонка — намотанный на ладонь телефонный кабель, другой конец привязан к чеке взрывателя. Ждали подхода воинского состава. Несмотря на сильную охрану пути и мостов, гитлеровцы не рисковали пускать эшелоны ночью, поэтому после наступления темноты движение на дороге замирало.

Быстро светало. Впереди уже четко просматривались полотно «железки» и проходившее рядом Себежское шоссе.

— Алексей! — сказал вполголоса Булыгин. — Трех легче обнаружить. Забросаем тебя хворостом, а сами отойдем в сосняк, оттуда будем прикрывать.

Оставшись один, Алексей продолжал напряженно вглядываться в сторону станции. Вот-вот должна появиться патрульная дрезина, вслед за ней фашисты пустят состав. Но пока тихо.

Утренний туман садился на вырубку. По шоссе в сторону Идрицы пронесся броневик, промчались два грузовика с солдатами. Дрезины все не было. Наконец-то со станции донесся шум локомотива.

«Поднимают пары, скоро отправятся», — с облегчением подумал Алексей и вдруг застыл от неожиданности: от станции по шпалам в направлении переезда двигалась группа гитлеровцев с овчарками на поводках.

«Вместо дрезины патруль пустили? Если, не оста-

навливаясь, дойдут до переезда — значит, мину не заметили».

Гитлеровцы двигались неспешно. Впереди шли два сапера с миноискателями, вслед за ними четверо солдат вели собак, остальные со «шмайссерами» на изготовку замыкали группу. Саперы и проводники собак о чем-то переговаривались. Метрах в ста позади них вдоль дорожного кювета двигалась другая группа солдат.

Это был их последний обход. У переезда их ждали два крытых «мерседес-бенца». Сегодня утром они покинули Себеж. Их охранную роту переводили в Резекне. Там, полагали солдаты, будет намного уютнее, чем в блокированном партизанами унылом Себеже...

Патруль поравнялся с миной. Что-то насторожило унтер-офицера, он остановился. Солдаты обступили его. Они, судя по всему, были недовольны задержкой и, возбужденно жестикулируя, отпускали бранные реплики. В это время из-за переезда вынырнула машина с солдатами и затормозила напротив патруля: из кабины высунулся офицер, очевидно, заинтересовался причиной заминки. Одна из овчарок взвизгнула и начала обнюхивать натянутый шнур.

— Минен! Цурюк! — заорал старший.

«Обнаружили! Сейчас пустят собак!» — догадался Алексей, хорошо знавший повадки гитлеровцев. Стиснув зубы, он изо всех сил дернул провод. Столб огня и щебня взметнулся над полотном, с воем полетели в стороны куски рельсов и шпал. На месте патруля с овчарками дымилась рваная воронка.

Группа гитлеровцев, что была у насыпи, залегла в кювет и открыла по Малашонку беглую стрельбу. Начали стрелять и из стоявшей на шоссе машины. Партизаны с опушки ответили пулеметным огнем. Алексей бежал, падал, поднимался, вновь падал. Ползком он добрался до опушки. Там его подхватили под руки партизаны.

— Упустили эшелон, обидно! — с досадой вздохнул Алексей, сматывая с руки врезавшийся обрывок шнура.

Четко сохранились в памяти и другие эпизоды боевой молодости моего партизанского комсорга.

Летом сорок третьего года нашей бригаде было поручено уничтожить вражеский гарнизон в Малюзине. Село располагалось на крутом берегу реки Великой. Ночью отряды вышли к переправам.

— Товарищ Малашонок! — сказал комиссар Наумов после штабного совещания. — Возглавишь группу автоматчиков-комсомольцев! Ваша задача — прорваться к мельнице и блокировать засевших там гитлеровцев! Создайте панику и поддержите наступающих с тыла! Понял приказ?

— Понял! — ответил Алексей.

Реку Великую форсировали в темноте. Рядом с комсомольцами по горло в воде шел комбриг Задерин.

Партизаны залегли на высоком откосе.

«Может, сейчас Иван с Петром тоже лежат где-нибудь на приднепровских кручах, ожидая команды», — подумал Алексей о своих старших братьях, воевавших на фронте с сорок первого года.

Тогда он еще не знал, что братьев уже нет в живых. Оба погибли: Иван — в самом начале войны, на Северном флоте, Петр — тоже в сорок первом, в боях под Ельней.

— Вперед! — раздался приказ Задерина.

— За мной! Не отставать! — подхватил Малашонок.

Садами комсомольская группа вышла к мельнице. Здесь фашисты оборудовали сильный узел обороны.

— Огонь по окнам! — скомандовал Алексей.

Автоматы работали без остановки, партизаны перезаряжали их на ходу. Три дома загорелись от зажигательных пуль. Связки гранат полетели в окна. Гитлеровцы заметались между охваченными пламенем постройкими. А засевшие в мельнице начали прыгать в окна.

— Ребята! Блокируйте дома! Не выпускайте фрицев! — выкрикивал Малашонок.

Не обращая внимания на огонь автоматчиков, он бросился к крыльцу ближнего дома. Бойцы последовали за ним. Вскочив в дом, Алексей дал длинную очередь: двое врагов рухнули, но третий — унтер-офицер, — укрывшись за печным стояком, продолжал стрелять. Комсорг выбил у него автомат и, схватив за воротник, вытащил на улицу. Потом он метнулся к соседнему дому, но там комсомольцы уже управились без него. Оставшиеся в живых гитлеровцы спасались бегством.

Малашонок повел своих бойцов к центру.

Засевшие в траншее гитлеровцы яростно сопротивлялись, надеясь, что вот-вот прибудет подкрепление из Опочки. Увидев позади себя партизан, они подняли руки.

Группа соединилась с наступающими. Кое-где еще была слышна разрозненная стрельба. Партизаны штурмовали последние очаги сопротивления. Судьба вражеского гарнизона была решена.

Алексей Малашонок был бессменным секретарем комсомольской организации, в ней насчитывалось более шестидесяти человек. Восемьдесят процентов бойцов составляла молодежь. Каждый второй был членом ВЛКСМ. Комсомольцы были активными участниками всех операций.

Помню, перед началом операции «Рельсовая война» состоялось комсомольское собрание отряда. В повестке дня был один вопрос: «Участие комсомольцев в операции по подрыву рельсов на железной дороге Рига — Новосокольники». Четко и коротко пояснив цель и задачи операции, Алексей сказал:

— Предлагаю записать в решение собрания такой пункт: «Каждый комсомолец должен подорвать не менее десяти рельсов».

Все подняли руки.

— Принято единогласно!..

Партизаны форсированным маршем двигались к месту операции. Проходя мимо Селищ, Алексей с грустью посмотрел на стоявший возле дороги отчий дом. Он был пуст, окна и двери заколочены, на фронтоне жалобно скрипел прибитый им еще в детстве жестяной флюгер. Мать с отцом с весны томились в концлагере. Рядом с домом Алексея стоял в Селищах дом Михаила Товоловича, такой же пустой, осиротевший. Родители Товоловича были арестованы фашистами, а сына уже не было в живых.

Семнадцатилетний комсомолец Михаил Товолович был лучшим разведчиком отряда. Под Долгим Бором в марте сорок третьего года он был тяжело ранен. Каратели настигали его, непременно желая взять разведчика живым. Но, истекая кровью, Товолович все же сумел сбросить валенок, нацелить карабин себе в подбородок и пальцем ноги нажать на спусковой крючок. После войны его прах перезахоронили на военном кладбище.

...Комсомольская группа Малашонка первой вышла к «железке». На опушке подожгли фитили. Рассредоточились.

— Пора! — сказал Малашонок.

Пригнувшись, бойцы цепочкой через вырубку устремились к магистрали.

Комсорг первым вскочил на полотно. Подложил «стогрaммовку» тола под рельс, поджег от фитиля шнур. Грохнул первый взрыв. Сразу же ожили дзоты гитлеровцев. В небо взметнулись десятки зеленоватых ракет. Мертвый свет залил полотно. Над головами засвистели трассирующие пули.

Алексей ставит еще пять шашек. На полотне уже гремят взрывы, с визгом летят куски железа.

Слева заговорили наши пулеметы: группа прикрытия вступила в бой с охраной.

На одном дыхании комсорг перепрыгивает на другую сторону полотна и выводит из строя еще шесть рельсов.

Под аккомпанемент взрывов бойцы отходят в лес...

Самые ответственные и опасные задания командование отряда поручало Малашонку. Знало, было уверено — не подведет!

В конце июля сорок третьего года Наумов и Булыгин пригласили к себе Малашонка.

— По данным разведки стало известно, что командование себежского гарнизона собирается восстановить движение на шоссе Себеж — Идрица. Для этой операции фашисты подготовили специальную моторизованную группу, усиленную броневиками.

— Надо, Алексей, опередить их, подорвать минами несколько машин при выезде из Себежа, — предложил Булыгин.

— Задание рискованное, но другого выхода нет, — продолжил разговор Наумов. — Возьми своих комсомольцев-подрывников — и в путь. Это вам партийное и комсомольское поручение.

— Выполним, — коротко ответил Алексей.

Он понимал, что этот рейд для него может стать последним. Ставить мины на глазах у вражеских часовых было почти невыполнимым делом! Но приказ есть приказ.

На окраине Себежа одиноко торчал заброшенный инкубатор. Там перед самой войной Малашонок, тогда студент сельхозтехникума, проходил практику. Теперь помещение пустовало. Инкубатором как исходным пунктом и решил воспользоваться Алексей. В группу он отобрал Григория Латышева, Василия Лопуху, Владимира Сенченка и Ивана Ивлева.

Алексей хорошо знал окрестности Себежа, ему не потребовался проводник. Соблюдая осторожность, в полночь подрывники вышли на окраину города. Остав-

шиеся до инкубатора двести метров преодолели ползком.

Вошли в помещение. Осмотрелись. Сняли мешки с толом.

— Ивлев и Сенченоч! Пойдете в дозор! — приказал Малашонок. — Наблюдайте за часовыми. В случае чего, нас прикроете.

Алексей с Латышевым и Лопухой поползли к булыжной мостовой — минировать. Из-за рогаток, которыми на ночь перекрывалось шоссе, доносились обрывки чужой речи, слышалось негромкое урчание моторов. Определив колею, осторожно вынули булыжник, второй и расчистили место для взрывчатки. Землю складывали в противогазные сумки. В ячейку уложили мешок с десятью килограммами тола. Алексей установил взрыватель. Мину засыпали песком и заложили камнями, присыпав сверху землей. Поползли дальше.

Пока ребята ставили мины, Ивлев и Сенченоч пристально следили за гарнизоном, ловя каждый звук, доносившийся оттуда.

Три мины были поставлены почти в шахматном порядке. Партизаны собрались в помещении инкубатора, справились с волнением и стали отползать назад.

Ровно в девять утра моторизованная колонна гитлеровцев двинулась в путь. Ехавшие впереди два броневика проскочили заминированный участок, но следовавший за ними тяжелый «бенц» задним колесом угодил на мину. Взрыв опрокинул грузовик, накрыв кузовом убитых и раненых гитлеровцев. Пытавшийся объехать стороной разбитую машину другой грузовик подорвался на второй мине. Третью мину фашистам удалось обнаружить.

Гитлеровцы надолго прекратили попытки восстановить движение по Идрицкому шоссе.

— Теперь вы — воины прославленной гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии! — сказал началь-

ник политотдела, обращаясь к бывшим партизанам, стоявшим в строю.

Мы стали солдатами Советской Армии.

Дивизия наступала по Лубанской низменности. Заросшая кустарником равнина с многочисленными рвами и водоемами была хорошей естественной преградой. Наш полк вел тяжелые бои в заболоченной низине перед городом Мадоной.

Нас, бывших партизан, в роте было двое — я и Малашонок. Рота сосредоточилась в небольшой, некогда кустистой рощице, наполовину уничтоженной снарядами. Противник вел сосредоточенный заградительный огонь. Кругом взметались султаны огня и черной гари. Едкий пороховой дым застилал равнину. Земля стонала. В тесном окопчике, отрытом под кустом рябины, в ожидании сигнала атаки лежали мы вдвоем с Малашонком.

Впереди окопы фашистов. Посредине нейтральная полоса — рубеж жизни или смерти. Но о смерти мы не думаем. Переговариваемся. Вспоминаем схватки в лесных лагерях в декабре сорок третьего. Тогда за день отряд дал шесть боев карателям...

В воздух взвилась зеленая ракета. Атака!

— Вперед! — скомандовал ротный.

Мы поправили каски, вскочили на бруствер окопа и с автоматами наперевес бросились к вражеским траншеям. Засвистели разрывные пули, начали падать убитые, слышались стоны раненых. Линия окопов все ближе и ближе. Уже видны каски гитлеровцев и огоньки выстрелов. Смотрю — Алексей рядом. Прокатилось «ура!».

Мы у траншеи. Впереди взметнулся столб земли, обдало теплой гарью. По ноге вроде чем-то ударили. Сделав пару шагов, остановился — нога не слушалась. Из ступни, сверкая свежими зазубринами, торчал осколок мины. Я присел. Траншея была уже нашей, но против-

ник вел сильный минометный обстрел. Ко мне подоспел Алексей.

— Ранен? — спросил он.

— Да.

— Надо уходить, добьет фриц минами. Держись руками за шею, — сказал он и, взвалив меня на плечи, понес к минометной батарее, стоявшей за рощицей. Там уложил в ровик и позвал санинструктора.

— Не печалься, скоро увидимся, — сказал на прощание Алексей, стараясь подбодрить меня, и побежал догонять своих.

Тогда, десять дней спустя, Алексей тоже был ранен, после госпиталя вновь вернулся в свою часть, в которой воевал до Дня Победы.

...Москва. Красная площадь. 24 июня 1945 года. Парад Победы. Моросил мелкий летний дождь. В парадном батальоне войск Ленинградского фронта в третьей шеренге вторым справа стоял бывший партизан сержант Алексей Малашонок.

«Свершилось!» — думал он, и перед его глазами проходили лесные лагеря, бои во вражеских гарнизонах, битва на рельсах, засады под Себежем и Россонами...

Здесь он — полпред народных мстителей, тех, кто остался в живых, и тех, кому не суждено было дожить до этого дня, кто погиб на партизанских тропах, замучен в гестапо, похоронен в неизвестных могилах.

Вспомнил Алексей и лето сорок четвертого, последние недели партизанской войны. Тогда в лесных лагерях калининских партизан скопилось более трех тысяч больных, истощенных детей, женщин и стариков. Им грозила неминуемая гибель. Партизаны, не имея сил, не могли в то время противостоять частям вермахта. Об этом доложили в Центральный Комитет партии. Несмотря на начавшуюся операцию «Багратион», указание

было четким — снять с фронта соединение ночной бомбардировочной авиации и вывезти людей на Большую землю! На протяжении одной недели дети, женщины и старики были вывезены самолетами в советский тыл.

...Шеренга поравнялась с Мавзолеем. Алексею казалось, что по брусчатке Красной площади вместе с ним в незримых ротах шли товарищи по оружию — бесстрашные партизаны.

МОИ НАСТАВНИКИ

С чувством глубокого уважения вспоминаю своих партизанских командиров. Трое из них оставили особый след в моей памяти.

Я уже упоминал о том, что политруком взвода разведки нашего отряда был член партии с 1915 года, старый питерский автомеханик Петров. Еще до революции он работал мотористом (так в те времена называли шоферов) в гараже на Петроградской стороне.

В октябрьские дни 1917 года Петров находился в распоряжении Петроградского военно-революционного комитета и по указанию Н. И. Подвойского на своей автомашине перебрасывал революционных моряков и красногвардейцев для захвата Николаевского вокзала и городской телефонной станции.

В коричневой кожаной тужурке, черной кепке и высоких сапогах, он напоминал комиссара времен боевой юности наших отцов. Ему было уже за пятьдесят. Однако годы не мешали ему всегда быть собранным, подтянутым.

Искренний и общительный, он был душой разведчиков, с ним они могли идти куда угодно.

В блокадном Ленинграде Петров потерял семью: в феврале 1942 года фашистская фугаска пробила этажи

его дома на Лиговке, жена и обе дочери погибли под развалинами.

Вечерами, в свободное от заданий и караулов время, я заходил к разведчикам и подружился с Петровым, который стал для меня одним из близких людей в отряде. Он с большой теплотой относился ко мне.

Его рассказы о февральских и октябрьских событиях 1917 года, о гражданской войне, о положении на фронтах Отечественной войны, об обороне Ленинграда мы слушали до поздней ночи. Послушать его приходили партизаны и из других взводов. Иной раз в землянку разведчиков было не протиснуться.

Другой привлекательной его чертой было то, что он хорошо играл на любой гармошке, будь то «венка» или «хромка», и под ее аккомпанемент любил петь песни своей молодости. Знал он их превеликое множество.

Землянка разведвзвода находилась на отшибе. Однажды вечером я решил навестить ребят. Подойдя к землянке, услышал доносившееся оттуда хоровое пение.

«Что это может быть?» — подумал я, открывая дверь. Передо мной предстала живописная картина: растягивая мехи трехрядки, на чурбане посреди землянки сидел Петров, напротив на нарах расположились разведчики.

— Прощайте, братцы-мотористы... — глуховатым баритоном затягивал Петров слова старинной питерской песни.

— Я не увижу больше вас, — дружно подхватывали парни.

— Видишь, скоро артистами будем, к концертам готовимся, — подмигнули мне ребята.

Смелыми, дружными, веселыми были наши разведчики. Большинство из них — мои ровесники. Взрослели рано. Но юного задора не теряли: и песню любили, и шутку, и смех. В любой обстановке действовали четко, боевые задания выполняли с огоньком. И во всем этом

была заслуга их наставника — ленинградского рабочего, коммуниста Петрова.

После окончания партизанской войны Петров уехал в Ленинград. Для меня он остается Человеком с большой буквы, сыгравшим заметную роль в моей жизни.

Бригадой в те дни командовал кадровый офицер Козлов. Выдержанный и скромный в повседневной жизни, обходительный и простой в обращении с людьми, в боевой обстановке он был энергичным и смелым командиром, но о нем чуть позднее.

«Воспитывала» меня и наша радистка Галя, моя сверстница.

В мае 1944 года, после того как я перенес сыпной тиф, меня, как выздоравливающего, приставили к партизанской рации, обслуживавшей штаб бригады. Партизанская радистка Галя в свободное от радиосеансов время объясняла мне основы радиосвязи и очень хотела, чтобы после войны я стал радистом. До сих пор помню эти не совсем обычные разговоры.

— Вникай! Пригодится! — наставляла она. — Насколько понимаю, спрос на радистов и после войны не прекратится. Представь себе: закончится война, наступит мирная жизнь, вернешься домой, окончишь радиокурсы, уедешь на Север и будешь отстукивать морзянку где-нибудь на Диксоне, а может, окажешься в тайге у геологов. Целый мир на ключе. А к кочевой жизни нам не привыкать. Интересно! Романтично! Не правда ли?

«Нескоро все это случится... И где тот дом? Наверняка и пепелища не осталось... Вот и вся романтика. А она — со своими советами лезет. Кто ее просил?»

— А родители-то твои кто?

— Я москвичка. Родилась и выросла на Арбате. Родители и сейчас там живут. Папа — профессор, читает агрохимию в Тимирязевке, мама работает в главке.

«Хорошо тебе рассуждать, когда у самой диплом радиста в кармане, папа с мамой и квартира в Москве.

Вот закончится война — и без задержки укачишь как миленькая в свою Москву, к маме. Будешь щеголять партизанскими медалями. А я куда денусь со своими ногами? У меня ни диплома, ни дома, одни костыли да опухшие ноги, на них далеко не уйдешь».

— В сорок втором закончила десятилетку, — продолжала рассказывать Галя. — Можно было поступить в институт: я была отличницей. Мама на этом очень настаивала. А папа — нет. Вместо приемной комиссии института пошла в райком комсомола, попросилась на фронт. Направили в школу радиосвязи. После окончания сама попросилась к партизанам. Узнав об этом, мама плакала. А я настояла на своем. И прилетела к вам.

Закончив рассказ, она почти с укором посмотрела мне в глаза.

«Не такая уж она и мамина дочка, как казалось», — с чувством вины и симпатии подумал я...

Находясь при штабе бригады, я имел возможность непосредственно видеть Козлова в партизанских буднях, наблюдать его отношения с работниками штаба, командирами и бойцами отрядов. Бригада тогда располагалась в густом лесу близ деревни Токуны. Обычно под вечер у партизанского костра собирались бойцы и командиры штаба бригады, ее служб. Здесь делились впечатлениями и обменивались последними новостями за день. Говорили о войне и о международном положении, о делах домашних и о видах на урожай, о неминуемом разгроме Гитлера. В общем, обо всем.

— А где же Демкин? — вроде бы ненароком спрашивал кто-нибудь.

— Занят, лекарства отпускает! — следовал иронический ответ.

Демкин, как поговаривали, до войны был ветеринаром, но из-за нехватки медицинского персонала работал отрядным фельдшером и выдавал партизанам лекарства такими порциями, от которых глаза лезли на лоб.

— У него свой порядок, как в ветпункте! — комментировал старшина разведвзвода. — Вся беда в том, что нас с лошадками путает...

Смех, прибаутки под звонкое потрескивание сосновых поленьев сыпались со всех сторон.

Часто к костру подходил Козлов. Тогда начиналась обстоятельная, спокойная беседа, чаще всего на военную тему. Никого не поучая и никому не навязывая своего мнения, Козлов говорил всегда спокойным голосом, шутил сдержанно. Он не терпел зубоскалов.

После болезни я выздоравливал медленно, чувствовал себя плохо.

В один из вечеров Козлов не стал участвовать в разговоре, отошел от костра и направился в мою сторону. Я встал. Мне и в голову не могло прийти, что комбриг при всей своей занятости проявит внимание к истощенному, изнуренному болезнью, ничем не приметному пареньку. Таких тифозных в ту весну в бригаде было много. Я растерялся. Усадив меня на бревно, он сел рядом сам и стал расспрашивать: откуда родом, живы ли родители, давно ли в бригаде, где учился, как идет поправка? Завязался непринужденный разговор.

— Мужайся, дорогой, — сказал он, стараясь приободрить меня, — недолго осталось ждать, соединимся со своими частями, направим тебя в военный госпиталь, там вылечат окончательно.

— Война есть война... Всем тяжело.

— После окончания войны тебе надо бы учиться, ведь не имеешь ни законченного образования, ни специальности. Так?

— Так, — ответил я.

— До армии я тоже работал и учился, закончил среднюю школу, потом поступил в военное училище... Рекомендовал бы тебя туда, но теперь это, наверное, неосуществимо, — задумчиво произнес комбриг, глядя на мои опухшие ноги. — Так что придется идти по граж-

данской линии. А пока набирайся сил, при рации все-таки легче, чем в отряде.

После расформирования Калининских партизанских бригад Козлов, как строевой офицер, возвратился в армию и уехал на фронт.

С большой теплотой вспоминаю еще об одном интересном человеке, коммунисте, фамилию которого впервые услышал осенью 1942 года. 1-я Калининская бригада совершала рейд по тылам врага на Псковщине. Ее разведчики вели активный поиск по пути следования партизанской колонны. В один из пасмурных ноябрьских дней, в канун двадцать пятой годовщины Октября, они появились под Опочкой...

— Пойду доложу Шмидту, — сказал старший группы, политрук Михаил Павлов, только что возвратившийся из поиска. — Каратели в Болготове!

Забинтованная рука красавца политрука висела на перевязи, месяц назад он был ранен, пуля задела локтевую кость, но из строя Павлов не вышел. Самые рискованные задания поручались ему. В разведке был незаменим. Ему были знакомы каждый кустик, каждая тропка. Здесь он вырос...

Шмидт был командиром партизанской разведки в отряде Селиванова 1-й Калининской бригады.

— Котову и Большакову продолжать вести наблюдение за гарнизоном! Павлову срочно доставить в штаб бригады донесение и доложить комбригу обстановку! Остальным следовать за мной! — уверенно распорядился Шмидт и поскакал во главе пятерки партизан в сторону Опочки.

Помнится, как меня и моих ровесников поразили сам факт, что командиром партизанских разведчиков был наш, советский немец с немецкой фамилией Шмидт.

Рейд был тяжелым, изобиловал упорными боями и жаркими схватками. Но прошел успешно. На протяжении недели партизаны разгромили четыре фашистских

гарнизона. Нанесли чувствительный урон противнику в живой силе и технике. Боевой экзамен был выдержан.

Бригада вышла в свой район действий и остановилась на кратковременный отдых в местечке Юховичи на шоссе Себеж — Полоцк, прервав движение автотранспорта противника между фронтом и Прибалтикой.

Но отдыхать пришлось недолго: 6 ноября 1942 года две эскадрильи «юнкерсов» нанесли внезапный бомбовый удар по местечку и смели его с лица земли. Бригада понесла значительный урон. Пришлось спешно менять дислокацию. Отряды расположились в деревнях Идрицкого, Россонского и Себежского районов, блокировав Себеж и Идрицу с юга.

Отряд имени Суворова разместился в глухом лесном поселке Березнюки, лежащем в стороне от больших дорог. Новым начальником штаба отряда был назначен Шмидт.

Доброжелательный и скромный по натуре, душевный и простой в обращении, он скорее напоминал сельского врача или агронома, чем известного партизанского командира.

До войны Шмидт работал директором совхоза и теперь свой богатый опыт организатора и хозяйственного руководителя умело использовал в отряде, применяя его к требованиям партизанской войны. Понимая, что фашисты не оставят отряд в покое, он организовал круговую оборону с системой огневых точек, наладил караульную службу. Для командного состава ввел обязательные занятия по тактике.

С бойцами проводились занятия на местности по отработке приемов партизанской войны с применением простых, но надежных средств.

Рассудительный и спокойный, Шмидт быстро ориентировался в боевой обстановке, решения принимал обдуманно, что особенно проявилось во время ночного боя в Березнюках.

В марте 1943 года гитлеровцы решили разделаться с досаждавшим им отрядом и неожиданно ночью напали на Березнюки. Часовые, стоявшие в ночном дозоре на лесной дороге, в километре от поселка, заметили идущий к Березнюкам обоз.

— Стой! Кто идет? — последовал окрик.

— Свои. Из отряда Чеснокова, возвращаемся с задания.

— Пароль.

Ответа не последовало. После тяжелой паузы с обеих сторон загремели выстрелы. Дозор отошел.

Фашистские лыжники, шедшие за подводами, развернулись в цепь и устремились к поселку. Но гитлеровцам не удалось ворваться в Березнюки. Обороной руководил Шмидт. Каждый взвод быстро занял позицию, заранее отведенную ему по плану обороны.

Встреченные огнем, каратели откатились к лесу и начали оттуда минометный обстрел. В это же время по лесной дороге к поселку с противоположной стороны, где оборону занимало лишь отделение разведчиков, незаметно подошел второй отряд карателей.

Вызвав один из партизанских взводов, находившийся в резерве, и усилив его станковым пулеметом, Шмидт создал оперативную группу, которую сам возглавил. Внезапным огнем она заставила гитлеровцев залечь.

Напряженный бой шел всю ночь. Утром под угрозой полного окружения партизаны стали отходить. Шмидт с разведчиками прикрывал отход. И только когда последняя повозка с ранеными скрылась из виду, он приказал отступить.

После этого памятного боя отряд передислоцировался в деревню Нивье Идрицкого района. Его большая часть, как и Себежского, Пустошкинского, Невельского районов Псковщины, Россонский и Освейский районы Белоруссии составляли обширный Партизанский край с Советской властью на местах. Отряды стояли гарни-

зонами в деревнях, образовав сплошную систему обороны на границах Партизанского края.

В марте 1943 года 1-я бригада взорвала Савкинский мост на участке железной дороги близ Новосокольников. Непосредственное участие в этой операции принимала ударная группа отряда имени Суворова под командованием Шмидта. После тяжелого ночного боя опорный гарнизон гитлеровцев на главной магистрали, связывавшей Прибалтику с фронтом, перестал существовать. Железнодорожный мост был уничтожен, станционное оборудование, постройки, линии связи выведены из строя, дорога парализована.

Летом 1943 года Шмидт был назначен командиром вновь сформированного отряда, главной задачей которого было проведение диверсий на коммуникациях противника. Его подрывники закладывали фугасы на железной дороге Рига — Москва, ставили противотанковые мины на шоссе Себеж — Идрица — Пустошка, минировали дороги и выходы из вражеских гарнизонов.

На ответственные задания, как правило, подрывников водили сам Шмидт или начальник штаба отряда Кодаковский. Они заранее до мелочей продумывали план операции, подробно обсуждая разные варианты, с которыми можно было столкнуться в сложной обстановке того времени.

Командирский авторитет Шмидта был непререкаем. Отряд, которым он командовал, так и называли отрядом Шмидта. В начале ноября 1943 года отряд в составе бригады участвовал в боях на реке Нище с передовыми частями 16-й фашистской армии, которые рвались через партизанские районы на помощь своим частям, разбитым под Полоцком и Невелем.

Фронт вплотную приблизился к району действий Калининских партизанских бригад и стабилизировался по линии Пустошка — Невель — Полоцк. Учитывая сложившуюся обстановку, которая ограничивала партизан-

ские маневры, было решено часть партизанских подразделений вывести в советский тыл. Среди них был и отряд Шмидта.

В конце декабря началась «рождественская» карательная экспедиция гитлеровцев. Нас блокировали в лесах, отрезали от баз. Положение было критическим, враг наседал со всех сторон. Требовались быстрые и решительные действия для вывода соединений из котла. Штурмовая группа во главе со Шмидтом вместе с латышскими партизанами пошла на прорыв.

Ночью, незаметно приблизившись к позициям карателей, партизаны открыли автоматный огонь и стремительно бросились вперед, в траншею. В дело пошли гранаты и ножи, схватка переросла в рукопашную. Не выдержав натиска, фашисты побросали оружие и раненых и бежали. Другие партизанские подразделения расширили прорыв.

Пройдя с боями в декабрьскую стужу более ста километров по тылам противника, часть партизанских отрядов в канун 1944 года соединилась с подразделениями Советской Армии. Остальные ушли в Моторинские леса.

В июле — августе 1944 года мы расформировались в бывших военных лагерях под Идрицей. По соседству с нами стоял 204-й запасный полк. Здесь произошла неожиданная встреча с нашими друзьями — бывшими партизанами отряда Шмидта.

Они уже были солдатами Советской Армии, в боях получили ранения и после лечения в госпиталях прибыли в запасный полк.

ПАРТИЗАНСКИЕ БУДНИ

Партизанская война — это не только бои, засады, диверсии, но и простые будни, о которых тоже хочется рассказать.

Прежде чем послать людей в бой, их надо организовать, вооружить, накормить, обуть, одеть, обеспечить им отдых, создать минимальные санитарные условия. Сделать все это во вражеском тылу было совсем не просто. Для этого требовались исключительная смекалка, большая смелость, находчивость и громадное упорство. В такой сложной обстановке не обходилось и без курьеров, но, несмотря на это, многие эпизоды партизанских будней представляют немалый интерес.

Наша 7-я партизанская бригада была создана в 1943 году. Если по своей численности отряды были равными, то по качественному составу далеко не однородными. Там можно было встретить людей разных возрастов и профессий, начиная от вчерашних школьников и кончая бородами пятидесятилетними невеличками, слывшими большими специалистами по дублению кож. Кстати сказать, именно они вместе с себежскими мастерами, тоже ставшими бойцами партизанских отрядов, наладили сапожное производство и обеспечивали обувью многих бойцов бригады.

После ноябрьских боев бригада отошла в Юховичские леса на заранее подготовленные базы. Наш отряд, как уже упоминалось, расположился и до конца марта 1944 года дислоцировался близ деревни Токуны, в густом сосновом лесу, в землянках на берегу маленького лесного озера с любопытным названием — Лосиное Купалище.

Обстановка была очень тяжелой. Каратели блокировали нас в лесах, отрезали от продовольственных баз, расположенных в Идрицком районе. Суточный рацион бойца состоял из миски мучной пресной похлебки, куска хлеба или сухаря. Совсем не было соли.

Из транспортных средств в отряде имелась лишь одна буланая кобылка, прикрепленная к хозяйственному взводу для подвозки дров на кухню и в партизанскую баню. Хотя жили в лесу, но дрова приходилось возить

издали. Порубки в расположении отряда в целях маскировки были категорически запрещены.

Баня была одной из первейших забот всего отряда, за графиком ее посещения непосредственно следил начальник штаба. Топили баню все взводы поочередно.

Кругом свирепствовал сыпной тиф. Чистоту и санитарную гигиену необходимо было поддерживать всеми средствами, только это и могло в какой-то мере обезопасить людей от заражения сыпняком. О мыле мы вообще забыли думать, его отсутствие старались компенсировать хорошей парилкой, где за неимением березовых веников в ход шли еловые. Бойцы любили баню с паром.

— Товарищ политрук, — умоляюще просил разведчик Иванов, обращаясь к Петрову, — для поддержания здорового духа в здоровом теле киньте еще ковшик на каменку.

— Будет сделано! — шутливо отвечал Петров и опрокидывал увесистый ковш на каменку. Знойный пар густыми клубами полз на полку, где лежали парильщики.

— Вот так угодили! — восторгался разведчик и начинал лихорадочно нахлестывать себя еловым веником, приговаривая: «Вот так веник! Вот так пар! Вот так здорово! Ох! Больше не вмоготу!» Потом соскакивал с полка и мчался в предбанник, а оттуда стрелой выскакивал в ельник и терся снегом.

И так почти каждый. От жары и еловых игл тело горело. Но недомогание быстро проходило, и уже на другой день парни чувствовали себя отменно: здорового духа было хоть отбавляй.

Чесотку лечили по такому испытанному «рецепту»: здесь же, в бане, после парилки натирались кусковым или измельченным в порошок толлом, потом еще раз парились. После такой процедуры губы, веки, ноздри, места между пальцами становились синие — вроде намазанные яркой лазурью. Через несколько дней синева про-

ходила и мучительная, нудящая сыпь безвозвратно исчезала.

Однажды произошел такой случай. Какой-то ездовой, свалив очередной воз дров у кухни, зашел в землянку обогреться и оставил без присмотра свою лошадку. А та, почувствовав свободу, решила напиться и отправилась к озерку. Подойдя к проруби, кобылка потянулась было к воде и начала скользить по льду, словно на коньках. И скользила до тех пор, пока не въехала вместе с санями в прорубь...

Озерко зимой в лесу было единственным источником питьевой воды, поэтому делать было нечего, пришлось и дальше брать воду для кухни из него же. Хорошо, что на дворе стоял февраль с двадцатиградусными морозами, а не апрель. Зато сколько потом шуток и остроумий было отпущено по этому поводу!

Во время обеда какой-нибудь остряк будто ненароком изрекал:

— А супешник-то с кобылятиной вроде ничего. А?

— Все-таки с мясом оно сытнее, лучше, чем пустую похлебку гонять,— вторил ему другой.

Вдобавок к прочим прибавилась еще одна беда — волки. Особенно много серых разбойников развелось студенной зимой 1943/44 года.

В феврале дни короткие. Бывало, стоишь на дальнем посту за лагерем и, поглощенный наблюдением, не замечаешь, как внезапно наступают сумерки.

И тут неожиданно метрах в трехстах от поста слышишь жалобный вой, чуть ли не плач грудного младенца. И моментально, как по команде, с разных концов лесной чащи раздаются ответные «голоса»: второй, третий, пятый... десятый...

Волки днем отлеживались в чащобе, а с вечера собирались в стаю. Рычание, разноголосый лай, переходящий в плач, душераздирающий вой, срывающийся на стон, продолжались почти до утра.

Не позавидуешь тому, кто встретится со стаей в это время в одиночку. Хищники настолько разъярены, что порой не обращают внимания даже на выстрелы. Поэтому на посты и в «секреты» начальники караулов меньше двух человек не назначали.

Всем помнится недавний случай, когда направлявшийся из отряда в штаб бригады связной, встретившись на дороге с волчьей стаей, успел сделать лишь один выстрел и тут же был разорван зверями буквально на куски.

Для создания звукомаскировки в партизанских лагерях стрелять без надобности запрещалось. Волки настолько обнаглели, что начали по ночам гулять по расположению отряда, выискивая, чем бы поживиться. А в одну из ночей хищники загнали часовых на ели возле поста. Постовые сидели на деревьях, а волки, устроившись внизу, урча и скалясь, «стерегли» их до тех пор, пока часовых не вызволил подоспевший караул.

В обстановке блокады требовалось разведывать новые пути для выхода на вражеские коммуникации, вести глубокую разведку во всех направлениях. Разведчиков не хватало.

В разведку посылали бойцов стрелковых взводов. Это считалось обычным делом. Выполнять такие функции приходилось и мне, пока в конце марта не свалился в сыпняке.

В основном маршруты пролегали к старой государственной границе, где формировались и откуда начинались карательные экспедиции врага. Этот район находился под постоянным нашим наблюдением.

Январской морозной ночью 1944 года наша группа из пяти человек во главе с командиром взвода Фуфаевым, пробираясь цепочкой между кустарниками к старой границе, неожиданно наткнулась на какое-то ранее не виданное, выходящее из-под земли сооружение. Понаблюдав из кустов несколько минут, мы подошли по-

ближе. Черными впадинами глазниц-амбразур сооружение смотрело на низину в сторону границы.

То был недостроенный дот. На дворе стоял двадцатипятиградусный мороз. Мы промерзли и устали. Кругом на многие километры — ни единой живой души, все разорено, сожжено...

Самое гнетущее впечатление произвели на нас нескошенные хлеба на снегу. Пустые колосья ржи, ячменя, пшеницы беспомощно качались на подломленных стебельках над белым безмолвием...

«Пейзаж» был настолько удручающим, противоестественным, что нам стало не по себе.

Собирать урожай было некому: большая часть жителей была в партизанских отрядах, многих оккупанты угнали в Германию.

— Белая пустыня! — ужаснулся Фуфаев. — Воюю с июля сорок первого, но такого еще не видел. Ни кола ни двора, передохнуть даже негде — сплошное пепелище. Как люди будут начинать здесь жизнь после войны? Ума не приложу. Да и где они?

— Славяне! Организуем привал в доте! — предложил кто-то. — Как ни гадай, а лучшего места не найти. Стены есть, крыша над головой, вокруг все видно. Что партизану еще нужно?

Предложение было принято. Проникнув внутрь через оружейную амбразуру, мы оказались в железобетонном каземате, где со стен еще не везде была снята деревянная опалубка. Она пришлась очень кстати для костра.

При свете пламени мы огляделись. Все здесь было сделано добротнo и надежно, обзор местности был великолепным.

Обогревшись и отдохнув, перед рассветом мы покинули гостеприимный дот.

И потом не раз он был местом нашего пристанища: здесь мы устраивали привалы, отправляясь на боевые

задания, сюда заходили укрыться от непогоды, возвращаясь назад.

Мы так и называли его — наш дот. Он исправно служил партизанам,

ДОСАДНАЯ ОСЕЧКА

Забота о хлебе насущном была одной из главных в отряде.

Тайные склады с зерном, солониной, овощами, заложенные в лесах Идрицкого района осенью 1943 года и располагавшиеся по другую сторону действующего Себежского тракта, были отрезаны гитлеровцами. Обстановка заставляла искать выход из положения.

Пробовали отправлять за продуктами ходоков с котомками. Те по ночам проскальзывали через шоссе, добирались до тайников, засыпали вещмешки зерном и возвращались в отряд.

Здесь на жерновах рожь превращалась в муку и шла в котел. Партизанские повара готовили из нее наш «деликатес» — ржаную похлебку, напоминающую мучную кашу.

Однако прокормить отряд зерном из приносных котомок оказалось делом нереальным. Обстоятельства требовали проведения более значительных акций. Аналогичное положение было и в других отрядах. Поэтому командование приняло решение: в середине декабря силами двух отрядов прорваться в Идрицкий район и заставить продуктами — выбрать рожь и солонину из тайников, в деревне Нивье намолоть муку и напечь подовой хлеб, потом в мешках переправить продукты в лагерь. Для этого каждому из нас был вручен «сидор». А тем временем, пока хоззвондцы во главе со старшиной «проворачивают» в Нивье продовольственные дела, решили на большаке Невель — Россоны устроить засаду.

Последнее время оккупанты чувствовали себя там слишком вольготно. Нужно было сбить с них спесь.

Ночью мы пришли в Нивье. А на другой день, оставив хозяйственников заниматься заготовкой провианта, направились в деревню за озером, где соединились с другим отрядом и вместе вышли на задание.

С нами на операцию шли три армейских офицера, прибывших из-за линии фронта, — капитан и два лейтенанта в новенькой форме при погонах, которые для многих из нас были в диковинку, и с новыми, только что появившимися тогда автоматами ППС. Погоны вызывали восхищение, а автоматы — тайную зависть. Как мечтали мы в ту пору заменить свои издавшие виды карабины на новые вороненые автоматы!

Шли всю ночь. Усталость валила с ног. Под утро вышли к месту засады. Вот оно: покрытая соснами и кустарником сопка возвышалась над местностью. Место удачное.

Падал мелкий снежок. Рассредоточились. Но из-за крутизны ската стрелять можно было только сидя. Рассвело. Внизу просматривалась припорошенная снегом дорога, дальше виднелась белая прогалина, потом опять шел лес.

Выбрал место поудобнее, уперся каблуками в корневище, чтобы не сползти вниз, и изготовил карабин. Ждать пришлось недолго. Слева послышалось урчание моторов. Из ближнего леса по шоссе на прогалину выползли, словно огромные черепахи, два тяжелых мотоцикла с колясками, оставляя за собой темные полосы от протекторов. За мотоциклистами двигались два транспортера и крытая машина.

Мы решили, что это была разведка. Метрах в ста за транспортерами рычали на подъеме громоздкие грузовики, полные солдат. Гитлеровцы ровными рядами, в белых маскахалатах с откинутыми капюшонами, сидели в кузовах.

Машины мчались мимо сопки, и, как только шедший впереди дизель поравнялся с правым флангом засады, прозвучала команда:

— Огонь!

Поймав в прорезь прицела каску, нажал на спусковой крючок.

Темп стрельбы был высок, отдельных выстрелов не было слышно. Не заметил, как кончилась обойма, заложил другую. Слева от меня короткими очередями строчил из своего ППС капитан. Вижу, как передняя машина завернула в кювет и опрокинулась. «Наверное, шофер убит». Второй грузовик тоже остановился и начал дымить, солдаты кубарем катились за борт. Пороховой дым окутал сопку. Вдруг все умолкло.

— Вперед! На шоссе! — скомандовал Булыгин.

Мы быстро поднялись и стали спускаться к дороге, настроившись на рукопашную. Но случилось непредвиденное. Перед нами встала стена огня и дыма. Гитлеровцы поставили заградительный огонь. Сопка гудела от взрывов.

«Откуда все это?» — не могли мы взять в толк.

Пришлось залечь, а потом отходить с чувством горести.

Оказалось, недоглядели, приняли солдат на грузовиках за основную колонну. А это был только головной отряд, основные силы врага двигались сзади. Услышав стрельбу, там не дремали, сразу же развернули самоходные установки и открыли огонь по сопке.

Засада не получилась, но спесь с гитлеровцев сбили. Фашисты недосчитались трех машин и многих солдат.

Но на этом дело не кончилось.

Ночью отряд вернулся в деревню, где хозяйственники, разойдясь по избам, пекли хлеб и тушили солонину. Аппетит сразу разгорелся. Но усталость поборол, легли впокатку на полу в избе и заснули мертвым сном.

Проснувшись утром, я вышел на придворок. И оторопел. На меня, оскалась, глядел громадный пес темно-серой масти — немецкая служебная овчарка с ременным ошейником, к которому был привязан пакет.

«Пес — связной... Ищет своих... Несет сообщение фрицам», — заработала мысль.

Снял карабин. Собака насторожилась и сделала прыжок в сторону. Не прикладываясь, выстрелил прямо с рук. Но не убил, только легко ранил. Пес с визгом унесся по огородам за озеро. Опять пожалел, что нет автомата.

А час спустя с двух сторон по берегам озера нас стали обходить каратели. Мы отошли к незамерзающей речке, оставив заслон с пулеметом на кладбище. В деревенских печах остались недопеченный хлеб и недоваренная солонина — вся заготовка. Досаде не было предела.

— Прощай харчи! Фрицы, наверное, сожрали все подчистую. Насчет пожрать они не дураки, такого шанса не упустят, — поносил гитлеровцев Сенченков.

При приближении к речке ко мне подошел Иванов и показал следы на снегу.

— Похоже, что полчаса назад здесь прошли фрицы. Смотри. Следы-то их сапог. Подковы на каблуках, квадратные шипы на подошвах... Но куда они пошли? И как пробрались сюда? — удивлялся он.

— Партизаны тоже носят немецкие сапоги. Может, здесь ребята из бригадной разведки проходили, — ответил я.

— Так много? И кроме того, откуда здесь появились собачьи следы? У нас собак не держат, — усмехнулся он. — Смотри, след с кровью.

И вправду, след одной лапы был красноватым. Похоже было, что у нас под носом прошла большая группа гитлеровцев, как я понял — с тем самым псом, которого ранил утром.

— Проспали фрицев, голубчики! Разведка называется,— ворчал Сенченоч с намеком на промах разведчиков.

Мы остановились за буграми, поросшими сосняком, у самой речки. Некоторые бойцы, отстегнув котелки и кружки, пошли к воде напиться, другие курили. Командиры разбирались в обстановке.

В этот момент с лесной дороги, что слева упиралась в речку (там когда-то был мост), с лаем выскочил злощастный пес и уставился на нас, потом мгновенно повернул и умчался назад. И сразу же с опушки затрещали «шмайссеры», засвистели пули. Засада! Теперь можно было не гадать и не спорить. Гитлеровцы нас обошли. Нужно было прорываться, и только через речку. Другого выхода не было.

— Пулеметы к бою! Огонь! — раздавалась команда.

Пулеметчики не растерялись. Тут же развернули пулеметы и открыли огонь по опушке.

Под огнем, по горло в ледяной воде стали переправляться на противоположный лесистый берег. Там заняли оборону. Фашисты больше не лезли.

В глубине леса развели костры и по очереди сушились до ночи. Стоял двадцатиградусный мороз. И никто не заболел, не простудился!

Наутро с пустыми мешками возвратились в лагерь. Надо было начинать все сначала...

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

В рядах калининских партизан воевали не только мои сверстники из псковских сел и деревень, но и многие юные ленинградцы. С некоторыми из них довелось встречаться в бытность партизаном, с другими познакомился уже после войны в городе на Неве. О боевых делах этих юных патриотов и хочу рассказать.

— Папа, я уйду добровольцем, — сказал Николай, войдя в комнату.

Отец смотрел на него не сводя глаз. Потом отодвинул недопитый стакан с чаем, встал из-за стола и медленно подошел к сыну. Нагнул руками его голову — он был ниже Николая ростом, — поцеловал в лоб и тихо произнес:

— Будь верным сыном Отечества...

То было последнее напутствие отца. Больше они не встретятся. Отец погибнет в блокадном Ленинграде в январе сорок второго года, в цехе, за своим станком. А на долю сына выпадет нелегкий экзамен на звание сына Отечества.

...В 1938 году Коля Дмитриев окончил семилетку. Дискуссий о выборе профессии в семье не было. В том же году учебные мастерские фабрично-заводского училища «Юный пролетарий» стали для него вторым домом.

Время летело быстро. И вот он уже токарь завода на Звенигородской. Гул станков, шумящие трансмиссии не были для него в диковинку. Николай быстро освоился в цехе и вошел в коллектив. Работал увлеченно. Постигал тонкости токарного мастерства. А вечерами занимался в школе рабочей молодежи, посещал кружок живописи при Дворце культуры имени Горького, любил ходить зимой на каток.

...В июле сорок первого года большинство заводских парней вступили добровольцами в народное ополчение.

В школе у Чернышева моста формировался третий батальон 1-го стрелкового полка Фрунзенской дивизии народного ополчения Ленинграда. На территории Апраксина двора ополченцы учились штыковому бою, метанию гранат, перебежкам... Учились ускоренно: враг подходил к родному городу.

Часто их поднимали по тревоге, и они, с полной выкладкой, в сапогах не по ноге и в шинелях не по росту, делали марш-броски на несколько километров. Становились солдатами. Боевого азарта было не занимать.

Городской ипподром на Загородном. Здесь десятого июля 1941 года вчерашние ученики ФЗУ «Юный пролетарий» принимали присягу. Рядом с Николаем — Костя Шехтин, Петя Чекменев, Дима Орехов, друзья детства. Росли в одном дворе, вместе учились.

Только в свой дом на Владимирском проспекте после войны они не вернулись: остались лежать в братских могилах, разбросанных на пути от Ленинграда до Берлина...

Теперь на этом месте ТЮЗ. И наверное, не подозревают юные зрители, что здесь присягали на верность Родине в грозном сорок первом юные ленинградцы, их сверстники.

В ночь на четырнадцатое июля полк выступил на передовую. Прошли через Нарвские ворота, вышли на Петергофское шоссе. Утром на пути к Красному Селу ополченцев встретил и напутствовал К. Е. Ворошилов.

Через два дня на станции Дудергоф погрузились в вагоны и выехали на Лужский рубеж. Полк занял оборону на участке от станции Толмачево вниз по течению реки Луги (от совхоза «Муравейно» до деревни Лемовжа), по фронту — 25 километров. Завязались бои.

Фашисты с ходу пытались форсировать Лугу, но были отбиты ополченцами. Атаки следовали одна за другой. На четвертый день боев гитлеровцам удалось прорваться на шоссе Ленинград — Осьмино, обойти полк и занять станцию Верест.

Ополченцы контратаковали. Их батальон выбил гитлеровцев со станции. Это был первый наступательный бой. Враг подтянул силы. Удержать станцию не удалось. Кольцо замкнулось. Но боевой дух ленинградцев не был сломлен. Начались бои в окружении.

На дорогах днем и ночью стоял грохот танков и рев моторов. На Ленинград двигалась военная техника гитлеровцев. Ополченцы с боями пробивались к Любани. Продовольствие кончилось. В ночном бою батальон был рассеян. На другой день утром группа (около сорока бойцов) подошла к реке Оредеж. Переправочных средств не было. Выше по течению нашли брод.

Не успели бойцы войти в воду, как на шоссе, проходившем метрах в трехстах от реки, показались транспортеры с гитлеровцами. Ополченцев обложили и прижали к реке...

Командир приказал Николаю с несколькими бойцами прикрыть переправу, остальным форсировать реку. Несколько бойцов были убиты на плаву, другие добрались до противоположного берега и ушли в лес. Горстка бойцов выполнила задачу — дала возможность ополченцам отойти.

Николай был ранен, потерял много крови, остался на берегу и попал в руки гитлеровцев.

На следующий день, собрав в конце деревни раненых ополченцев, способных передвигаться, фашисты под конвоем погнали их по дороге. Во время конвоирования несколько человек сумели бежать, в их числе и Николай.

Бежавший вместе с ним санитар-ополченец Яков Пасажников сделал ему перевязку. До зимы они скрывались в деревне Велигощи. Крестьяне укрывали окруженцев, выхаживали раненых, делились продуктами, несмотря на грозные предупреждения оккупационных властей. Дмитриева и Пасажникова укрыли в бане.

В одну из осенних ночей в Велигощи нагрянули каратели. Раненого Николая снова схватили и бросили в лагерь военнопленных в Луге. Через три дня он бежал и оттуда и до весны скрывался в тех же Велигощах. А потом подался на Псковщину, надеясь встретить партизан. С Пасажниковым расстались: Яков решил проби-

раться к своим через линию фронта, что ему и удалось сделать.

Весной 1942 года Николай добрался до Себежских лесов. Там в урочище столкнулся с группой вооруженных людей.

— Стой! Кто такой? Откуда? — остановил его внезапный окрик.

Кровь прихлынула к лицу, он замер.

Перед ним стояли четверо. На груди у одного поблескивал орден Красного Знамени.

— Ополченец я, доброволец, из Ленинграда! Бежал из лагеря, ищу партизан! — задыхаясь от волнения, выпалил Николай.

— Возьмите его к нам в отряд, товарищ Никонов, — обратился к орденоносцу молодой парень.

— Багрий и Иванов! Посмотрите, что у него в карманах! — приказал Никонов.

Николай вывернул карманы. Из одного выпали хлебные крошки, другой был пуст.

— Пойдешь с нами в лагерь, там продолжим разговор, — спокойно сказал Никонов. Он командовал партизанским отрядом.

Крепкого сложения, с открытым волевым лицом, Никонов с первого взгляда внушал доверие. Он воевал еще в гражданскую, ходил на кронштадтский лед, за что и получил орден.

Так Коля Дмитриев стал бойцом 5-й Калининской партизанской бригады, которой командовал В. И. Марго.

Немного позднее его, как человека, имевшего боевой опыт, перевели в отряд имени Калинина, где командиром был старый коммунист Эдуард Иосифович Малаховский. Отряд состоял в основном из необстрелянной молодежи. Николаю доверили станковый пулемет. В этом отряде в сорок третьем году он был принят кандидатом в члены партии.

Пулемет Николай освоил быстро. Старался. Но беда заключалась в том, что у «максима» не было станка.

Отряд в то время стоял в деревне Лисно. И местный кузнец под руководством Малаховского смастерил треножник, на котором тело «максима» поворачивалось вкруговую даже удобнее, чем на станке.

Эдуарду Иосифовичу было около сорока лет. Высокий, сухощавый, с красивыми, тонкими чертами лица, он производил впечатление интеллигентного человека. Очень любил музыку.

Как командиру, ему не было цены: на редкость выдержанный, спокойный, он не терял самообладания при любой обстановке. Малаховский выводил отряд из самых страшных клещей карателей. Так, ведя бой у озера Лисно с превосходящими силами врага, он сумел незаметно и в нужный момент оторваться и увести отряд, а потом вывел партизан к месту боя с другой стороны и создал переполох во вражеском стане.

Помимо всего Эдуард Иосифович был человек увлеченный, имел дар прирожденного умельца, о которых говорят: мастер — золотые руки. В свободные минуты он любил заниматься резьбой по дереву — выпиливал из березы целый чайный сервиз с орнаментом.

В Себежском краеведческом музее экспонируется партизанский автомат. Он полностью сделан руками Малаховского. И этот самодельный автомат не отказал ни в одном бою.

Позднее отряд Малаховского передали на усиление 4-й Калининской партизанской бригады.

Вскоре началась карательная операция оккупантов. Партизаны заняли оборону на Освейских высотах. Два дня отбивали атаки гитлеровцев. «Максим» Николая работал безотказно.

Пулемет Дмитриева находился на высоте правее озера, в центре обороны. Гитлеровцы наступали из Освей. Встретили их дружно. Но фашисты лезли вперед,

шли во весь рост, стреляя на ходу из «шмайссеров», хотели психически подавить своим якобы превосходством. Огонь партизанских пулеметов умерил их пыл, выбивая из цепи то там, то здесь по два-три человека. Закричали раненые. Сначала наступавшие залегли, потом стали отползать, а к вечеру убрались в Освею. Отряд провел ночь в деревне за холмом, а на рассвете занял вторую позицию, прикрывая деревню со стороны Освеи.

Первую, уже оставленную нами позицию немцы с утра начали яростно обстреливать из орудий и минометов.

Держались до середины дня. Гитлеровцы лезли. Вода кипела в кожухе пулемета. Боеприпасы были на исходе. Бой шел на расстоянии кинжального огня. Заметив это, фашисты пытались отрезать отряд от леса.

Малаховский дал команду отходить к опушке; прикрывать отход должен был пулеметный расчет Дмитриева.

Осталась половина ленты с патронами. Короткие очереди по пытавшимся атаковать фашистам. И вот последняя... Николай прижал безмолвный пулемет к боку. Второй номер убит.

И как раз в этот опасный момент с фланга раздался треск очередей. Это пулеметчики подоспевшего на выручку отряда Добрякова своим огнем отсекали противника и давали возможность Дмитриеву отойти.

Зимой партизаны усилили операции на железных дорогах. С трудом упросил пулеметчик перевести его в подрывники. Хотелось живой работы. Ведь с «максимом» брали только на самые крупные задания. Его назначили в подрывную группу Н. В. Молокова, с которым судьба впервые свела еще на Лужском рубеже: тогда он со своей частью отходил из Эстонии.

В группе было шесть человек. Самой юной была голубоглазая ленинградка Нина Ципина. Война застала

ее в деревне под Себежем. Вместе с младшим братом она приехала к родственникам на каникулы. А потом ушла к партизанам. Нине было около семнадцати лет. Высокая, стройная. В отряде она стала разведчицей.

Во время рейдов на «железку» подрывники часто дневали в лесу у ручья близ деревни Логуны, и тогда Нина становилась поваром, готовила обед на костре.

А потом эта отважная девушка разведывала маршрут: первой выходила к «железке» навстречу опасности. А уходила с полотна последней: умело маскировала мины после их установки.

Из местных себежан Николай дружил с Алексеем Дмитриевым — своим сверстником. Он был родом из села Томсина. Этот крепкий отчаянный парень никогда не падал духом, даже под бомбами. Во время налета «юнкеров» он не бежал в укрытие, а ловил их на мушку своей винтовки. Стрелял стоя во весь рост.

Алексей любил ходить в разведку в одиночку. Словно егерь-охотник, незаметно подкрадывался к гарнизону, выслеживал офицера и выстрелами из «бесшумки» приканчивал, а потом уходил.

В группе Николаю Дмитриеву пришлось-таки совмещать обязанности подрывника и пулеметчика. Только ходил на задания не со станковым, а с пулеметом Дегтярева и прикрывал отход минеров. Мины устанавливали на железнодорожном полотне у деревни Заситино и у станции Кузнецовка.

В группе была разработана своя система минирования. Уложив тол в ячейку, партизаны в прогалину между рельсом и взрывчаткой ставили противопехотную мину конструкции Молокова, которая и срабатывала при движении поезда. Взрыватель обычно устанавливал сам Молоков.

Старались выходить на задания в ненастную погоду. Дождь маскировал работу, давал возможность скрытно подойти к полотну и незаметно отойти. Это было осо-

бенно важно, когда минировали под носом у гитлеровцев, при свете их ракет.

Действовали по челночной схеме: отряд Малаховского — железная дорога — отряд Рыбакова.

База отряда находилась в Белоруссии, близ озера Лисно. Оттуда партизаны-подрывники отправлялись на задания. Заминировав дорогу, уходили на Псковщину, в лесистое урочище Лоховня, в отряд Рыбакова своей же бригады. Отдохнув и захватив запас взрывчатки, опять пробирались к «железке» и ставили мины, после чего возвращались в свой отряд, но уже другим путем, обходя засады фашистов.

В общей сложности группа Молокова спустила под откос восемь воинских эшелонов врага с живой силой и техникой.

После одного из таких челночных рейдов в ненастье Николай и Алексей заболели и остались в отряде Рыбакова.

Началась «пасхальная» карательная экспедиция гитлеровцев. В. Ф. Рыбаков приказал Николаю и Алексею транспортировать больных тифом и раненых.

Отряд ушел, а друзья с тремя подводами двинулись в путь к реке Веть. На пути следования встретили местных жителей из сожженной деревни, приютившихся в лесу. Они попросили оставить больных у них в землянках.

Следом подошла еще группа партизан из их отряда. Алексей знал местность: еще перед войной ходил за реку на вечеринки. Он вывел бойцов к броду.

Ночь была темная. Партизаны вглядывались в темноту. Кругом мертвая тишина. При подходе к реке и на берегу у брода они разговаривали между собой не так уж тихо. Так что если гитлеровцы на другом берегу, полагали они, то непременно услышали бы говор и открыли огонь.

Реку форсировали вброд и наткнулись... на засаду.

«Умаявшись» за день, часовой спал. Его тут же прикончили. Остальные дрыхли на привезенной из деревни соломе: каратели старались даже в засаде устроиться с комфортом.

Вскочив с «постелей», фашисты пытались сбросить партизан в реку. Но не тут-то было. Сцепились в рукопашную. Били гитлеровцев прикладами, кололи финками. Пробились.

А вскоре 5-я Калининская бригада Марго с боем начала форсировать реку. Противник усилил огонь. В воду стали падать убитые и раненые. Произошла заминка. Бойцы остановились, еще минута — и цепи могли дрогнуть.

В этот момент над переправой раздался страстный клич: «Товарищи, вперед! Только вперед!» Это был голос комиссара бригады, секретаря Себежского райкома партии Андрея Семеновича Кулеша, шедшего в рядах наступающих.

— Ура-а! — разнеслось в ответ над рекой.

Партизаны устремились на прорыв к противоположному берегу, опрокинули противника. Не выдержав натиска, каратели бежали. Бригада вырвалась из окружения.

С частями Советской Армии партизаны бригады встретились в районе Лоховни. Расформировались под Идрицей, влились в действующую армию. Маршем ушли на фронт.

Николай воевал в составе 208-й стрелковой дивизии до конца войны. За бои под Шяуляем был награжден орденом Славы третьей степени и медалью «За отвагу». В боях за Кенигсберг получил второе ранение.

На фронте неожиданно встретился с подрывником бывшей своей группы, другом и однофамильцем Алексеем Дмитриевым. Николай прокладывал от штаба полка на КП батальона телефонную связь. Ему навстречу шел тяжело раненный боец: пуля пробила солдату

грудь. Винтовку он не оставил — нес на плече. То был Алексей! Они обнялись. Николай проводил друга до санроты...

Демобилизовался Николай Алексеевич в 1948 году. Вернулся в Ленинград. Мечтал писать картины на партизанские темы. В 1970 году создал первую — «Партизаны у костра». Работал над нею целый год. На «Партизанскую тройку» ушло полгода. Позднее композиции стали приходить одна за другой. Написал «Переправу», «Штурм Савкинского моста», «Подрывника», «Расставание», «В походе»... Всего Николай Алексеевич Дмитриев написал 25 картин на партизанскую тематику. С января по май 1979 года выставка его работ экспонировалась во Дворце культуры имени Первой пятилетки в Ленинграде. Их он переслал в Себеж, в дар местному краеведческому музею.

Сейчас Николай Алексеевич на Самотлоре — у строителей и нефтепромышленников Тюмени. Трудится инженером в строительном управлении. А как секретарь партбюро управления ведет большую партийно-политическую работу в коллективе.

* * *

Южнее нас действовала 11-я Калининская партизанская бригада. Как и наша 7-я, она выделилась из состава 1-й Калининской.

Зимой 1942/43 года 11-я бригада базировалась в Братском партизанском крае на стыке трех республик — Российской, Белорусской и Латвийской.

Тогда, в начале января 1943 года, в Партизанский край стали просачиваться сведения о готовящейся крупной карательной экспедиции врага. Чтобы подтвердить эти сведения, нужен был «язык». Однако захватить пленного в засаде на дорогах не удавалось: гитлеровцы передвигались большими колоннами, в сопровождении

бронемашин и танков, и только днем. Ночью же они отсиживались в укрепленных гарнизонах.

И вот двум молодым разведчикам 11-й бригады — Василию Морозову и Иосифу Нитецкому, проживавшим до войны на станции Дрисса и хорошо знавшим здешнюю местность, — пришла в голову рискованнейшая затея — захватить вражеского часового на станции, прямо у караульного помещения, да еще среди бела дня!

Они понимали, что столь дерзкая операция может стоить им жизни, но твердо верили в успех. Понаблюдав издали за часовым, партизаны выработали четкий план действий и утром отправились на задание.

Часовой был захвачен в девять утра.

— Точно, как в аптеке! — воскликнул командир группы прикрытия, заметив с лесной опушки мчавшиеся от гарнизона сани.

— Ура! — радостно приветствовали разведчиков партизаны группы сопровождения. И на двух упряжках с пулеметами с ходу присоединились к саням, катившим от самой Дриссы.

В штабе бригады пленный понял, что упираться бесполезно, и выложил все, что знал о продвижении и дислокации фашистских частей вдоль железной дороги Полоцк — Даугавпилс, обеспечивавшей снабжение войск на стыке группировок гитлеровских армий «Центр» и «Север». Он подтвердил также разведданные о готовящейся карательной экспедиции.

Партизаны начали готовиться к встрече с карателями. В глубину лесных массивов, в район деревни Миловиды, были оттянуты все вспомогательные подразделения. У латвийской границы усиленно велась разведка, патрулировались дороги, подбирались места для засад и рубежи для возможной обороны. Долго ждать не пришлось.

16 февраля у деревни Калюты уже довелось вступить в бой с наступающими гитлеровцами. Удар парти-

зан из засады оказался неожиданным для врага. Каратели растерялись. Однако, придя в себя и пользуясь превосходством в людях и технике, фашисты стали окружать малочисленный партизанский заслон, и отряд вынужден был отойти к деревне Колбовщине.

Днем позже к этой деревне в вечерних сумерках через заснеженное поле вышла группа фашистских лазутчиков в маскхалатах. Они уверенно направились в деревню.

Разведчики, которыми тогда командовал молодой Виталий Скульский, за год до войны закончивший в Ленинграде десятилетку, занимали оборону на краю деревни, укрывшись за снеговым валом. Увидев, что из лесу вышло только семеро, бойцы решили пропустить фашистов в Колбовщину беспрепятственно. Пришлось быстро перегруппироваться, изготовившись для встречи с основными силами врага, находящимися, возможно, сзади походного разведдозора.

Настороженно озираясь, гитлеровцы стали медленно входить в деревню и оказались в каких-нибудь двух десятках шагов от сидевших в засаде партизан Скульского.

Виталий крикнул:

— Хальт! Хенде хох!

И вдруг разглядел, что на плечах у них русские винтовки, а у замыкающего — знакомый ручной пулемет Дегтярева. Испугавшись, как бы не произошло непоправимой ошибки, добавил тут же:

— Мы партизаны, а вы кто?

В ответ прозвучало невразумительное, с явно нерусским акцентом:

— Парол?

Затем резкая команда на чужом языке, и группа стала разворачиваться, готовясь принять бой. Никто из семерых не успел сделать и выстрела.

Были убиты обер-лейтенант и пятеро солдат. Раненый ефрейтор был взят в плен. Он рассказал, что у противника до восьми тысяч солдат, их поддерживают две артиллерийские батареи и пятнадцать боевых самолетов.

Быстро стемнело. Каратели в тот день никаких действий больше не предприняли. Зато на завтра с первыми лучами солнца из лесу, словно огромная змея, начала выползать их колонна.

Выдвинутые вперед по дороге посты разведчиков предупредили о движении противника своевременно. Партизаны приготовились к бою.

Шедший впереди колонны офицер вначале долго водил биноклем по деревне. Наверное, не заметил ничего подозрительного, потому махнул рукой: вперед!

...Даже бывалые партизаны начали оглядываться, как бы спрашивая: «Ну когда же команда „Огонь!“? Враги подошли вплотную». «Пожалуй, хватит выжидать», — подумал Виталий и подал долгожданную команду. Бой начался. Каратели заметались по глубокому снегу и повели беспорядочную стрельбу. Ударил наш пулемет, предусмотрительно выдвинутый вправо, метров на триста от огневого рубежа: сейчас он оказался почти в тылу у наступающих. Гитлеровцы, путаясь в полах длинных маскхалатов, поползли назад к спасительной опушке леса.

В момент передышки к разведчикам пришел командир отряда Николай Феоктистович Феоктистов.

— Кустарники не обстреливать! Патроны экономить! — приказал он. И добавил: — У нас складов боепитания, как вы знаете, нет.

С нашей стороны выстрелы прекратились. Зато из глубины леса длинными очередями продолжали строчить вражеские пулеметы. Стреляли гитлеровцы бесприцельно.

— Разрешите добавить им еще испуга? — спросил у

Феоктистова комвзвода Тимофей Семенович Демидов.—
Дайте пощекотать их пулеметы!

Феоктистов понял.

— Давайте! Но только одну. Остальные две беречь!

Ударил партизанский миномет. Мина, шипя, ушла в сторону леса. Эффект превзошел все ожидания: пулеметы противника замолкли.

Подшли партизаны с дальнего поста, выдвинутого во фланг противника. Они рассказывали наперебой:

— Мина как ахнет в середину обоза, прямо в сани с пулеметом! Фрицы как шарахнутся с саней врассыпную: кто в снег, кто в кювет. И лежат как неживые. А потом вскочили и, нахлестывая коней, понеслись догонять свою пехоту. Здорово их турнули!

Как партизаны ни экономили патроны, после боя их оставалось считанное количество. Командование бригады вынуждено было отвести отряд на менее «горячее» направление.

После этого боя фашисты опомнились только через пять дней. Утром 22 февраля тремя цепями в полный рост, со знаменем, они повели наступление на Медведево. Там держал оборону первый отряд 11-й бригады.

Местность на подступах к Медведеву была равнинной и не давала возможности подобраться к деревне скрытно. Вероятно, этим можно объяснить выбор гитлеровцами метода «психической атаки».

И на этот раз партизаны подпустили карателей возможно ближе. Наконец застучали пулеметы. Треск автоматных очередей переплелся с залпами винтовок. Картинно надвигавшиеся цепи карателей потеряли стройность; наступавшие вынуждены были залечь. Знамя упало.

Молодой участник этого боя ленинградец Алексей Семенович Саложников запишет позднее в своем партизанском дневнике: «22 февраля 43 года. Немцы повели наступление на дер. Медведево в количестве 700 —

800 чел. при поддержке 7 станковых и 2 крупнокалиберных пулеметов. Противник потерял более 200 чел. Поработали на славу...»

НА САМОМ ЗАПАДЕ ПСКОВЩИНЫ

На самом западе Псковщины, там, где река Синяя среди холмистых долин неспешно несет свои воды в Великую, в 1943 году гремели выстрелы, грохотали взрывы, шли жестокие схватки партизан с гитлеровцами. Здесь, на территории Красногородского района, с оккупантами сражалась 10-я Калининская партизанская бригада.

Бригада была молодежной: около восьмидесяти процентов ее бойцов составляли юноши и девушки от 15 до 20 лет, добрая половина из них — молодые белорусы, уроженцы Освейского, Россоносского и Дриссенского районов БССР.

...Вася Макеенок родился в деревне Потино Освейского района Витебской области. Отец и мать трудились в колхозе. Семья была большая, у Васи было еще два брата и пять сестер. Он и брат Николай учились в одном классе, жили вместе в пришкольном интернате в Игналине.

О начале войны в деревне узнали 22 июня: с этим сообщением в колхоз приехал представитель из района. Вечером нарочный из сельсовета вручал повестки о мобилизации.

Оставшихся ребят и девчат, в том числе и Василия, направили на строительство оборонительной линии Ляхово — Дедино — Грошево под Себежем. Копали противотанковый ров и строили доты. Проработали дней десять. Уже доносилась артиллерийская канонада, вражеские самолеты сбрасывали бомбы и листовки. 2 июля всех отправили по домам.

Брат Николай с группой односельчан угонял скот в советский тыл. Добрались они со стадом до станции Дретунь на железной дороге Полоцк — Невель, а дальше пройти не удалось: впереди были немцы. Скот пригнали назад.

Район к тому времени был уже оккупирован фашистами. Через деревню проходили отставшие от своих частей солдаты-окруженцы, бежавшие из немецкого плена. Жители окрестных сел переодевали их в гражданскую одежду, помогали продуктами и провожали в сторону фронта.

Тогда же за околицей, на лесной опушке, Василий с Николаем подобрали и спрятали 8 винтовок СВТ, 20 гранат с запалами и пачки патронов.

Лето и осень 1941 года братья жили с родителями. Отец работал бондарем, и они помогали ему делать бочки, которые он потом продавал селянам.

В одну из январских ночей 1942 года над деревней в сторону Латвии пролетел самолет и спустил на парашюте осветительную ракету. А утром отец заметил на огороде и на крыше сарая листовки. Ребята быстро их собрали. Это были первые весточки о победе советских войск под Москвой.

Позднее к ним часто привозил листовки Александр Гром — латышский подпольщик, впоследствии командир разведки Латышской партизанской бригады.

...А в ночь на 20 октября в Потино пришла группа партизан. Они предложили крестьянам вступить в отряд. Сборы были недолгими, и десятеро сельчан собрались в дорогу. Васе в то время еще не исполнилось и пятнадцати лет. Как малолетнего, его братья в отряд не хотели, но поскольку в партизаны уходили отец и брат Николай, ему все же удалось настоять на своем.

Они шли всю ночь и наутро прибыли в деревню Миловиды Россонского района. На другой день с пополнением познакомились командиры. Отца, как пожилого че-

ловека, имевшего к тому же еще с гражданской ранение в голову, вернули домой, а Василия с братом оставили. Так началась для братьев партизанская жизнь.

...Позади было уже немало боевых операций, засад, диверсий, открытых боев с оккупантами. Весной 1944 года был получен приказ о создании диверсионной группы. Ядром ее стали разведчики четвертого отряда под командованием старшего лейтенанта Лапина. Всего же в нее вошли 35 человек, в том числе и братья Makeенки. К группе были прикомандированы врач и медсестры Женя и Зина. Бойцы были вооружены автоматическим оружием.

Все было готово к выходу. Разведка уже несколько раз побывала на месте перехода охраняемой со стороны Латвии старой границы.

Из-за линии фронта прилетели новый командир группы — капитан, отрекомендовавшийся просто Костей, и двое радистов — Володя и Таня.

Теперь все в сборе. Последние приготовления. Идет небольшой дождик. Три часа дня. Васе поручено охранять радистку Таню и носить питание к ее рации, а оно весит ни много ни мало килограммов десять. Да еще СВТ, да свой «сидор», в котором тысяча патронов и десять двухсотграммовых шашек тола.

Им пожелали ни пуха ни пера, и партизаны двинулись в путь. Дорога петляла то лесом, то болотинами. Где-то около десяти вечера показалась деревня. Дождь уже не накрапывал, с луговины поднимался густой туман. Группа остановилась на опушке. До реки оставалось с полкилометра. Командир приказал Васе Makeенку, Феде — партизану из бывших военнопленных и Пете-ленинградцу (так его все в отряде звали) разведать берег, отыскать спрятанный плот, а затем одному из них переправиться на противоположную сторону и перетащить туда же на плоту первую партию из четырех человек.

Подшли к берегу, когда уже сгущались сумерки. Федя пошел левее, ленинградец — правее. Василий оставил на берегу свою СВТ, вещмешок, гранаты и рядом с развесистой ивой спустился в воду. Пройдя вдоль берега метров двадцать, наткнулся на спрятанный плот. Он был нагружен камнями. Сбросил камни, а плот не всплывает. Что за чертовщина такая? Пришлось окунуться с головой. Ага! Оказывается, плот закреплен снизу колышками. Вытащил их. Ну, теперь все в порядке. Василий держит плот, который того и гляди отнесет течением.

Прибыли бойцы группы прикрытия, залегли в кустарнике вдоль берега. Федя разделся до трусов, подпоясался ремнем, к которому уже был привязан конец провода. Готовится плыть. Ленинградец расправляет проволоку: в добрый путь!

Федя уже на том берегу: дернулась проволока — сигнал о благополучном прибытии. Значит, можно начинать переправу. Вася разматывает провод, привязанный к плоту с другой стороны, около пятидесяти метров, по ширине реки, и пятится назад от реки. Проволока скручивается. Макеенок решает растянуть ее на всю длину. Растянул. Условились: Петя забирает вещи, садится на плот и переправляется к Феде, а оттуда они вдвоем потащат всю группу к себе.

Плот медленно пошел. Вот он уже на стремнине. Но что это? За рекой шум, ругань. Плот относит вправо. На плоту Петя! Вдруг с того берега раздается сдавленный голос Феде: «Братцы, засада! Бей гадов!»

Увы, Федя попался в руки врагу. Как выяснилось позднее, фашисты повесили его в Себеже на второй день. Держался он на допросе и принял смерть мужественно...

Услышав крик, Петя бросился в воду и уцепился за плот. Ракеты на том берегу, ракеты в Мозулях. Нача-

лась стрельба. Василий под огнем старался вытащить плот, но он плохо поддавался.

— Перебирайся по проволоке! — крикнул Макеенок Пете.

Сам он лежал на берегу, провод намотан на руке, чувствовал, что вместе с проволокой его тянет к реке. Это гитлеровцы и полицаи с силой волокли к себе плот за второй конец проволоки. К счастью, Петя успел уже достичь берега, когда силы оставили Макеенка и конец выскользнул из его рук.

Такое начало операции стало для группы горьким уроком, расплатой за промах разведчиков. Ведь видели же окурки немецких сигарет, брошенные у переправы на той стороне, когда побывали там во время поиска. И не придали значения...

Дальше оставаться здесь теперь не имело смысла. Василий и Петр вымокли до нитки, от холода и от волнения обоих била дрожь так, что зуб на зуб не попадал. Оценив обстановку, группа приняла решение идти в обход Мозулей, севернее деревни, чтобы до рассвета перейти гравийку Красное — Мозули.

Снялись с места и быстро двинулись по новому маршруту. Стало светать, но дороги еще не было видно, пришлось остановиться, чтобы разведать дальнейший путь. Разведчики, посланные вперед, вернулись скоро. Оказывается, находились от дороги в каких-нибудь двухстах метрах. Но сразу дальше пойти не рискнули: у всех свежа была память о неудавшейся переправе. Решили передохнуть и основательно осмотреться.

Было восемь утра, и уже вовсю щебетали птицы. Поднявшееся над горизонтом солнце начало припекать. Клонило ко сну. Но спать хотя бы самую малость не довелось. Неожиданно слева послышалось характерное тархтение телег. Потом из-за поворота показались четыре подводы, груженные песком, на каждой восседал возница. Телеги ехали рядом, захватывая, таким обра-

зом, всю ширину проезжей части дороги. Позади, метрах в двадцати, в легкой линейке ехали два полица. Миновав притаившихся партизан, подводы остановились у песчаных карьеров. И тут из ольховника стали один за другим подниматься фашисты, очевидно поджидавшие партизан в засаде. Затем немцы почему-то затеяли стрельбу из автоматов по близнему кустарнику. Неужели что-нибудь заподозрили? Нет, обошлось. Настрелявшись вволю, построились (их было человек тридцать — сорок) и направились по гравийке в свой гарнизон. С большака еще некоторое время доносились их смех и говор, постепенно затихавшие на расстоянии.

Спустя несколько минут из-за поворота, за которым они скрылись, показалась «процессия», при виде которой леденела кровь: женщины, впрягшись по четыре в борону, тащили их по нескольку в ряд, по всей ширине дороги. Гитлеровцы уготовили им роль живых миновзрывателей. Сзади несчастных подгоняли солдаты.

Как только женщины с боронами скрылись из виду, партизаны по сигналу командира мигом перебежали дорогу и залегли на той стороне. Костя сам, прихватив одного только бойца, вышел на колею. Вдвоем они поставили две мины, а следы замели ветками.

Невдалеке слышалось гудение автомашин. Партизаны стали уходить от большака кустарником. А когда были уже в километре от дороги, раздался взрыв.

Бойцы буквально валялись от усталости. В сторону Латвии тянулось болото, на котором то здесь, то там виднелись островки леса. Добравшись до одного из них, партизаны остановились на дневку. Измученные ребята повалились наземь. Они не могли шевельнуться: ныли плечи, болели ноги. Одежда просыхала, и их начинало знобить. Но потом все эти неприятные ощущения потонули в тяжелом сне.

Василий проснулся в восемь вечера. Его разбудил брат Николай, который, как оказалось, успел уже вме-

сте с Алексеевым сходить в разведку. Немцев поблизости они не обнаружили.

Солнце уже начинало садиться, когда партизаны снялись и двинулись вдоль границы. Группу вел Николай Алексеев. Он был уроженцем этой местности. К утру бойцы расположились в трех километрах от его родной деревни и в полукилометре от старой границы. Пока было темно, Алексеев с двумя партизанами отправились в его деревню.

Добрались они скрытно, ничем себя не обнаружив. Дома у Алексеева оставались мать, жена и пятилетняя дочурка.

На новой стоянке партизаны пробыли три дня. Нашли переход через реку Синюю в пятидесяти метрах от кордона Порожек. Когда стемнело, двинулись к намеченной переправе. Ступали осторожно. Неожиданно на кордоне залаяла собака, затем заржала лошадь. Опять установилась тишина.

Воды в реке было по пояс, перешли благополучно. Прошли лесок, впереди показалось поле, за ним на пригорке — хутор с высокими каменными фундаментами строений. Внезапно на хуторе началось оживление. Взлетела в небо ракета. Из каменных подвалов застрочили два пулемета. Поднялась и автоматная стрельба. Тогда вперед рванулись партизанские гранатометчики. Николай Алексеев первый добежал до подвала и успел бросить гранату, но тут же упал, сраженный автоматной очередью. Упала и радистка Таня. Макеенок, приставленный сопровождать ее, мигом снял с плеч девушки рацию и взвалил на себя этот новый груз. Затем он поднял Таню и стал оттаскивать к болоту.

Подоспели еще бойцы, забросали гитлеровцев гранатами. Уцелевшие враги пустились наутек. Партизаны устремились в преследование.

К Василию подбежал брат Николай, спросил, что случилось.

— Что делать? — посетовал Вася. — Таня двигаться не может.

Выход нашли: посадили Таню на винтовки и понесли вдвоем, как на носилках.

Теперь уже Николай успокаивал раненую:

— Держись, Танюша, осталось недолго!

Пронесли с километр, догнали своих и вышли в сухой бор. Здесь разостлали палатку, положили на нее раненую и снова понесли. Но едва сделали несколько шагов, как над головами засвистели пули. Оказывается, враги, оставив хутор, успели зайти вперед и устроить новую засаду.

Ребята свернули к болоту, по нему прошли вперед километров пять и остановились недалеко от деревни Айспурвес. Медики стали обрабатывать рану радистке. Оказалось, у Тани автоматной очередью перебиты обе ноги выше колен. Сделав перевязку, уложили раненую в тени под развесистой елью. Врач категорически заявил, что в данных условиях вылечить Таню невозможно, нужна госпитализация.

Вечером Василию и Петру-ленинградцу поручили сопровождать группу, которая понесет Таню в расположение бригады. По пути к ним примкнули еще двое из группы Мирошниченко, оба раненные — один в руку, другой в ногу. Проводив их до речки, ребята попрощались и вернулись в свой отряд.

Позднее стало известно, что раненых благополучно доставили в бригаду, Таня была самолетом отправлена в Великие Луки, в военный госпиталь.

Диверсионная группа открыла боевые действия в Карсавском районе. Партизаны наблюдали за движением на шоссейных и железных дорогах, подрывали мосты (их за все время действий отряда было подорвано около полусотни). Партизанские разведчики побывали даже на станции в самой Карсаве. Все получаемые данные по

радио передавались в штаб калининских партизан и командованию 2-го Прибалтийского фронта.

Пользуясь разведанными, переданными партизанской группой, наша авиация разбомбила скопление поездов на станции Карсава.

По мере приближения фронта различные партизанские диверсионные группы получали новые и новые задания... Они действовали уже в районах Гулбене, Резекне, Тилжа, Балви, Мадона, Цесис. Было замечено оживленное движение транспорта на узкоколейке Резекне — Псков. Потом выяснилось, что оккупанты строят железную дорогу из Латвии на Красногородское. Эти данные были переданы в штаб.

— А не попытаться ли нам «кульнуть» составчик на узкоколейке? — предложил Костя. Все его поддержали.

Когда по-настоящему стемнело, отряд подобрался метров на сто к железнодорожному полотну. По дороге промчалась дрезина, потом прошли патрули с овчаркой. Подрывники ползком в высокой траве достигли насыпи и залегли. Теперь уже их и полотно разделяли какие-нибудь метров пятнадцать. Вдруг послышались близкие шаги патрульных. Ветер дул в сторону партизан, и это оказалось как нельзя более кстати: овчарка их не учуяла. Патрульные удалились. Костя несколькими прыжками пробежал оставшееся расстояние до полотна, вскочил на насыпь и установил мину. Николай Макеенок собрал разрытую землю в вещмешок и отнес в кустарник. Когда все было закончено, бойцы быстро перебежали через насыпь и расчищенную от кустов придорожную полосу. Примерно в километре от железной дороги остановились и стали наблюдать.

Через час послышался шум приближающегося поезда. Насторожились. Как только паровоз поравнялся с миной, вспыхнуло ослепительное зарево. Вслед за тем заскрежетало и зазвенело...

На следующую ночь решено было проверить резуль-

таты работы. Оказалось, что взорвали состав, который вез для стройки рельсы, шпалы и другое строительное оборудование. Вся охрана поезда была уничтожена взрывом.

Партизанская группа часто меняла места своих стоянок, поэтому гитлеровцам не удавалось заполучить точные данные о ее расположении. Но им помогали полицаи. И не случайно на другой же день, едва лишь взошло солнце, партизаны услышали на месте вчерашней дневки выстрелы и лай собак: фашисты двигались по их следам. Раздумывать времени не оставалось, пришлось со всей быстротой отходить на север. Прошли километра два, наткнулись на реку. Врассыпную перешли на противоположный берег и только-только успели отбежать от воды и скрыться в мелколесье, как на оставленном берегу появились гитлеровцы и полицаи. Партизаны приготовились было к бою. Но враги потоптались на берегу в замешательстве, стали о чем-то между собой спорить. Рослый солдат держал на поводке овчарку. Один из партизан не утерпел: выстрелом из бесшумки уложил собаку. Та взвизгнула, дернулась и затихла. Фашисты сразу залегли и ответили из «шмайссеров», но пули летели выше цели.

Спустя всего сутки партизаны находились уже на расстоянии восьмидесяти километров от памятной реки. Им предстояла задача не из легких: перебазироваться к дороге Мадона — Валга. Валга — это город на границе между Латвией и Эстонией, разделенный рекой. Западная часть города — латвийская, северо-восточная — эстонская.

Они были на расстоянии одного перехода от намеченной цели. Поскольку днем идти было опасно, решили устроить дневку в небольшой рощице среди поля.

Стоял знойный июль. Было воскресенье. Как раз в этот день латыши по традиции отмечали свой национальный праздник «Янис». Рядом, на хуторе, играла

гармошка, слышались песни. Там гуляли. И вдруг в рощу появились четыре молодые женщины, стали собирать цветы. Увидев партизан, застыли от удивления. Одна из женщин бросилась бежать почему-то в противоположную от хутора, где шло гулянье, сторону. Партизаны забеспокоились. Но беспокойство оказалось напрасным: очень скоро та же самая женщина — звали ее Анеле — принесла ведро молока, масло и хлеб. Ребята перекусили. Женщины ушли домой.

Как бы там ни было, до захода солнца пришлось быть начеку. Но все обошлось благополучно. Когда сгустились сумерки, по карте и компасу направились дальше.

Впереди находился хутор Реково. Здесь партизаны допустили промах. Они не предполагали, что там размещались волостное управление и гарнизон. Подошли вплотную, не приняв надлежащих мер предосторожности. Часовой поднял тревогу, и тотчас ожили дзоты, началась бешеная стрельба. Лапин крикнул: «Давай в обход справа!»

Но на пути оказались глубокие канавы, наполненные водой. Уже многие бойцы барахтались в них, пытались выбраться. Братья Макеенки, отстреливаясь, бежали в обход злополучного хутора — Николай с пулеметом, а Василий с дисками. Вдруг Николай кубарем полетел наземь — за что-то зацепился. За ним и Василий. Оказалось, наткнулись в темноте на изгородь метровой высоты, сооруженную гитлеровцами из колючей проволоки. После этого падения брюки порвались в клочья.

Ориентируясь по выстрелам, братья побежали дальше. Наконец-то добрались до шоссе. Дорога была забита вражеской техникой. Фронт быстро откатывался на запад. Одни части двигались в сторону фронта, другие — в сторону Риги.

В течение дня по несколько раз приходилось менять позиции. На одном участке заметили, что с шоссе на

проселок свернул мотоцикл с коляской, на котором ехали два немецких офицера. Капитан принял решение захватить их. На пути мотоциклисты должны были преодолеть небольшую, но очень заиленную речушку, мост через которую был ранее разобран. Гитлеровцы доехали до бывшего моста. Пустились дальше вброд. Застряли и начали толкать мотоцикл руками, но его крепко засосало.

Трое партизан из группы по ржаному полю забежали наперед. К этому времени офицерам удалось-таки вытащить мотоцикл, но на спуске с горы их встретили выстрелы. Капитан забрал немецкую полевую сумку с документами, приказал оттащить с дороги убитых, а мотоцикл закатить в одинокий сарай, что стоял близ дороги.

Вражескими войсками были буквально заполнены все окрестные леса. Партизанам диверсионной группы два долгих дня пришлось просидеть в реке под берегом, отрыв под корневищами прибрежных деревьев небольшие ниши, чтобы не задохнуться. А где-то наверху и совсем неподалеку, чуть ли не над самыми их головами, топали чужие солдаты. Лишь через двое суток военная часть гитлеровцев покинула эти насиженные места. После этого группа Кости получила задание уточнить данные о передвижении вражеских частей по шоссе.

По пути к шоссе разведчики заметили большой гражданский лагерь, со стороны которого слышались рев голодных коров и фыркание лошадей. Подобравшись ближе, увидели вооруженных людей. То был конвой полицаяв, сопровождавших скот, отобраный у населения. Отставив оружие, полицаяи разогревали на огне консервы. Партизан было пятеро. Возглавлял эту маленькую группу сам капитан. Василию Макеенку он приказал захватить оружие полицаяев. Сделать это надо было немедленно после команды «Руки вверх!».

И вот — команда. Бойцы бросились к полицаяам. Те

были настолько ошеломлены появлением партизан в зоне, насыщенной такой гущей немцев, что сразу, без промедления, подняли руки. Капитан приказал снять со всех пленных ремни и сам срезал ножом у них с брюк пуговицы. Крестьян-возчиков отпустили по домам. Винтовки и автоматы партизаны захватили с собой и повели захваченных полицаев в свой лагерь.

Вскоре движение на шоссе мало-помалу затихло. Послали туда на разведку троих бойцов, среди них и Николая Макеенка. Им нужно было подойти к вышке, видневшейся от стоянки примерно за два километра, а уж с нее как следует осмотреть окрестности.

Над ними пролетели краснозвездные самолеты. «Наши, ура!» Настроение сразу улучшилось.

Неожиданно при подходе к вышке партизаны столкнулись, что называется, нос к носу с разведчиками одной из наших частей, наступавшей на этом направлении. Долгожданная встреча! Сколько было радости!

Теперь уже не было необходимости оставаться в лесу. Пришли на хутор. Хозяева истопили баню, нашелся и самодеятельный парикмахер, все побрились и подстриглись — одним словом, привели себя в полный порядок. Даже поначалу с трудом узнавали друг друга.

Радист связался со штабом партизанского движения. Оттуда поступила радиограмма: «Штаб ПД в Идрице. Всему составу явиться в распоряжение штаба».

Нежданно-негаданно на рассвете к хутору подъехал немецкий грузовик с провиантом. Вел его военнопленный. Он рассказал, что в дороге провожатым груза был немецкий майор-интендант. Шофер стукнул его по голове гаечным ключом и выбросил из кабины, а сам направился в наш тыл. Но по дороге услышал, что где-то здесь, на хуторе, должны быть партизаны, вот и завернул сюда.

Ребята мигом отогнали машину к шоссе и передали одной из наших частей, наступавших на Ригу.

Вся группа направилась в Идрицу. В городе Виляны полицаев сдали военной части, а сами на подводах поехали дальше.

На большаке группу задержали представители особого отдела наступавшей военной части. Ни у кого из партизан не было с собой документов. Их продержали целый день, пока по рации не связались со штабом партизанского движения и не получили соответствующих разъяснений.

Партизанам очень хотелось снова проехать по тем местам, откуда они начинали свой рейд, но штаб требовал скорейшего возвращения.

Заехали лишь на тот хутор, где был похоронен Николай Алексеев. Тело бойца-партизана перевезли в его родную деревню и там похоронили со всеми воинскими почестями.

Дальше путь лежал на Красногородское. Туда партизаны группы Кости приехали под вечер. Познакомились с поселком, потом наведались в деревни Ляхово, Селищи: они располагались на пути их следования.

Прибыли в Идрицу. Там пробыли только пять дней. Многих из членов группы направили отсюда в действующую армию, остальных — на работу в Красногородское. Василия Макеенка и Аркадия Слесаренка, как допризывников, отослали в распоряжение Освейского районного военкомата.

* * *

«Рельсовая война» началась в ночь на 5 августа 1943 года. Отряд имени Жданова 10-й Калининской бригады, так же как и все другие, имел свое плановое задание — сколько ежедневно взрывать рельсов. Подрывников для такого большого и продолжительного мероприятия не хватало. И командование бригады поставило задачу обучить молодых, шестнадцати-восемна-

дцатилетних бойцов приемам подрыва рельсов головными шашками. В каждом отряде были организованы занятия в условиях, максимально приближенных к боевым.

Все группы подрывников 10-й бригады успевали каждую ночь подрывать около 250 рельсов. Тем не менее этими диверсиями им не удалось полностью парализовать движение на перегоне Себеж — Зилупе. Если до начала «рельсовой войны» движение эшелонов начиналось с рассветом, то теперь, как следствие диверсионных действий партизан, оно лишь задерживалось — запаздывало на четыре-пять часов.

Почему же железную дорогу не удалось парализовать полностью?

Разведчикам довелось наблюдать за ремонтом поврежденного участка магистрали, и у каждого осталось столь тягостное впечатление, что лучше было бы, кажется, и вовсе не вспоминать об этом... Увиденное потрясло до глубины души: ремонтные бригады оккупантов работали под прикрытием полураздетых и истощенных женщин и детей, которые под дулами направленных на них автоматов стояли на насыпи во весь рост: отовсюду видные мишени. Было установлено, что женщин и детей для своих чудовищных целей гитлеровцы не собирали ежедневно. Они их держали постоянно как заложников в подвалах гестапо и при надобности выводили под охраной на железнодорожное полотно.

У командования бригады возникли серьезные подозрения: а не завышены ли наши сводки о количестве поврежденных рельсов?

Поэтому комбриг Н. М. Вараксов распорядился проверить результаты работы подрывников весьма оригинальным способом: он приказал бригадным разведчикам в течение трех суток, призвав на помощь и агентурную сеть, выследить и взять живым путейца, то есть получить информацию воистину из первых рук.

В тот августовский вечер разведчики узнали, что железнодорожник должен зайти в дом к старшему полицая станции Себеж: предстояла попойка. Огородами они пробрались к дому и, засев в малиннике, стали ждать. Начинало смеркаться. По двору прошеествовал тучный человек в мундире и фуражке с высокой тульей. В доме вспыхнул свет: путеец на месте.

Разведчики моментально ворвались в дом, обезоружили немца и полицейского. Те, не успев еще чокнуться, так и застыли с поднятыми бокалами. Их в ту же ночь прямо из фашистского гарнизона доставили в штаб бригады.

На допросе полицейский вел себя вызывающе, пощады не просил и не каялся, поэтому по просьбе партизан был расстрелян, как заклятый изменник Родины. Что же касается немца, то этот уже немолодой человек, доставленный в бригадный штаб, на допросе вел себя вполне разумно. Он вытащил из бокового кармана мундира блокнот, в котором ежедневно регистрировалось количество взорванных рельсов и поврежденных шпал. Его данные на удивление точно совпадали с партизанскими сводками. Сами партизаны не ожидали такого. То было квалифицированное подтверждение добросовестной работы диверсионных групп, подтверждение правильности сообщений вышестоящему начальству.

Начиная с октября охрана участка дороги Себеж — Зилупе настолько усилилась, что задания по подрыву рельсов стали не под силу небольшим группам. Проводить же диверсии крупными силами и с боем не имело смысла, так как любой бой связан с проблемой госпитализации раненых. Командование приняло решение параллельно с диверсиями на этом участке выискивать и другие, более слабые, менее охраняемые фашистами звенья магистрали.

С этой целью в середине октября 1943 года командир отряда И. В. Жуков направил молодого подрывника

Петра Игнатьева вместе с опытным Петром Руденко под Идрицу. Уложив в вещмешки по 50 штук толовых шашек и соответствующую начинку к ним (детонаторы, бикфордов и тлеющий шнуры), два подрывника вышли на задание.

Безлесный участок маршрута преодолели в ночное время, под мелко моросившим дождем, по грязной и скользкой тропе. Направление выдерживали по компасу и только перед рассветом приблизились к железнодорожному полотну. У самой насыпи рос редкий, насквозь просматриваемый лесок. Хотя рассвет еще не наступил, впереди, на полотне, угадывалось какое-то оживление.

Место своего нахождения подрывники определить с точностью не могли: карты у них не было. Впоследствии оказалось, что находились они вблизи полустанка, всего в пятистах метрах от него.

Не выполнить задание и уйти не позволяла совесть, а выйти сейчас на полотно значило погибнуть без всякой пользы общему делу. Что оставалось делать? Решили ждать. Осмотрелись. Обнаружили неподалеку воронку от авиабомбы. перебрались в нее — двоим здесь было места в самый раз.

На тот случай, если немцы вдруг обнаружат их присутствие, решили принять бой. Обещали друг другу держаться до последнего патрона, но живыми не сдаваться.

В течение всего дня вели наблюдение за железной дорогой. В десять часов утра загромыхали первые эшелоны. Шли они часто — и в сторону фронта, и в сторону тыла. Карандаша и бумаги у партизан с собой не было, поэтому Игнатьев клал в карман кусочки сломленной ветки, отмечая каждый прошедший к фронту эшелон, а Петр такими же кусочками отмечал эшелоны, направлявшиеся в тыл. Так и вели счет проходящим поездам.

В середине дня их обнаружил мальчик, пасший ко-